

Игорь Ливиц

Туманы Ричмонда

Игорь Ливиц Туманы Ричмонда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68753313

SelfPub; 2023

Аннотация

Разбирая старые вещи, Адам находит древнюю монету, подаренную ему в детстве незнакомцем при странных обстоятельствах. Это загадочное событие не даёт Адаму покоя много лет, и он решает выяснить, что это за монета и кто был тот человек.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	33
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	50
Глава 9	54
Глава 10	60
Глава 11	63
Глава 12	66
Глава 13	74
Глава 14	79
Глава 15	90
Глава 16	95
Глава 17	106
Глава 18	109
Глава 19	117
Глава 20	123
Глава 21	130
Глава 22	134

Глава 23	138
Глава 24	144
Глава 25	151
Глава 26	155
Глава 27	158
Глава 28	162
Глава 29	165
Глава 30	173
Глава 31	180
Глава 32	185
Глава 33	189
Глава 34	202
Глава 35	206
Глава 36	214
Глава 37	223
Глава 38	229
Глава 39	240
Глава 40	245
Эпилог	253
Иллюстрации	254

Игорь Ливиц

Туманы Ричмонда

Предисловие

*«Я качался в далёком саду
На простой деревянной качели,
И высокие тёмные ели
Вспоминаю в туманном бреду»
Осип Мандельштам*

Меня зовут Адам. Необычное имя для коренного петербуржца, не правда ли? Не знаю, почему маме оно так нравилось. Возможно, у неё были какие-то польские корни. Папа всегда шутил, что это имя ухажёра времён маминой молодости, но она как-то сказала, почему-то смущаясь, что с детства знала, что у неё родится сын и назовёт его Адамом.

Я пишу «коренного петербуржца», но эта фраза режет мне слух. Питер я помню плохо. Как будто видел город давным-давно в каком-то старом фильме, и всё, что было в той, прежней жизни, было не со мной, а с его героем. Как странно – часто сны мне кажутся более реальными, чем моя жизнь. Время стирает события из памяти, но иногда, через пелену забвения, перед мной встают голубые купола собора или

блеск тёмной воды в канале под лучами заходящего солнца.

Когда мне исполнилось тринадцать лет, мы иммигрировали в Америку, в город Сан-Франциско. Здесь моё имя не вызывало никакого удивления. Конечно, оно не так распространено, как, скажем, Майкл, Джон или Алекс, но даже в школе я не был единственным Адамом.

Мы сразу поселились в районе Ричмонд, в северо-западной его части, что рядом с парком «Златые врата» и недалеко от океана. Несмотря на удачное расположение, в те времена район не был престижным. Тогда в нём жили в основном рабочие и мелкие служащие, много русских и китайских эмигрантов.

В каждом районе города свой микроклимат, и наш печально знаменит своими туманами. Но я сразу влюбился в Ричмонд. В белой кисее тумана город и парк становятся неузнаваемыми, таинственными. Если и есть место на земле, где я чувствую себя дома, так это Ричмонд. И история, которую я вам поведаю, произошла именно здесь, в этом районе. По совету Евы я изменил большинство имён, но об остальном расскажу всё, как помню, всё, что знаю.

Глава 1

Я сидел в офисе компании и делал вид, что работаю, задумчиво взглядываясь в экран компьютера, на котором изображался какой-то график. Не было сомнений, что если сзади тихонько, в своей обычной манере подойдёт Пол, мой менеджер, и бросит взгляд через моё плечо, то вопросов у него не возникнет. Пол был лет на десять младше меня и являлся счастливым обладателем степени магистра по бизнесу, закончив статусный университет. Тем не менее он показал себя полным профаном в инвестициях, которыми занималась наша компания, одновременно проявив удивительную ловкость в вопросах корпоративной политики. Было件нятно, что должность директора у него не за горами.

Я пришёл в компанию сразу после колледжа, работал в ней больше десяти лет, но по-прежнему занимал должность финансового аналитика. В этом признании нет никакой обиды, ведь я не очень хороший материал для корпоративной карьеры. Несколько лет назад мой бывший начальник предлагал мне повышение, но я отказался, заявив, что для Атоса это слишком много, а для графа де Ла Фер – слишком мало. Он, конечно, ничего не понял, поскольку не читал в детстве Дюма. По правде говоря, финансы мне были не особенно интересны. Жизнь казалась скучным, нескончаемым сном, лабиринтом, в котором я потерялся и хожу по кругу. Ночью не

удавалось долго уснуть, и, может быть, именно поэтому события дня через затемнённое стекло недосыпания представлялись игрой моего воображения, а то, что мне снилось, наоборот, ощущалось невыносимо реальным.

В компании программистов я надевал бы шорты и футболку, но у нас был строгий дресс-код. Потому к усталости и чувству скуки к концу недели примешивалось раздражение на сдавливающий шею галстук. До конца рабочего дня оставалось ещё два часа.

Если привстать и повернуться налево, то над стенкой соседнего кубикла можно разглядеть краешек окна, за которым царил ранний вечер. Самые наглые сотрудники уже сбежали, но офис ещё был полон людей. Парень напротив меня говорил по телефону, в группе недалеко от меня болтали о планах на выходные, а особо прилежные работали на компьютере. Царил типичный приглушённый хаос конца рабочего дня пятницы.

Длинные флуоресцентные лампы на потолке назойливым ярким светом освещали помещение. Прищурясь я посмотрел на них, и вдруг ко мне пришло воспоминание, перенёсшее в прошлое мгновенно, как при квантовом переходе.

Октябрьский день был тихим, солнечным, но прохладным. Я шёл по городу, и вдруг почувствовал дуновение тёплого ветра, боковым зрением заметил тонкую девичью фигурку. Меня охватило необычайное волнение. Я вздохнул полной грудью, как будто вынырнув из воды, где все звуки и

краски были приглушены. Словно впервые я увидел зелень листвы, округлость булыжников мостовой и услышал гомон весеннего утра города, в котором сплелись отдалённый скрежет трамвая, звуки шагов и голосов прохожих, трели птиц из парка, по направлению к которому я шёл. Вдруг я ощутил, что весь этот мир озарён светом, идущим от этой девочки, и увидел невидимые нити, протянутые между людьми, вещами, прошлым и будущим.

Я смотрел на неё чуть сбоку и со спины, но ни на мгновение не сомневался, что это та, которую видел тогда в чудесном саду. Как замороженный я последовал за ней, пытаюсь отключить вдруг проснувшееся внутреннее зрение и рассмотреть её объективно. Девушка была среднего роста, лет пятнадцати, со стройной фигуркой, на которой ладно сидели джинсовая юбка чуть выше колена и тёмно-синий свитер. Волна чёрных волос, покрытых тонким шарфом красного цвета спадала на плечи и качалась в такт её танцующей походке. Я обогнал девушку и украдкой бросил на неё взгляд. Большие, чёрные глаза сияли на простом, но милом лице, которое дышало невинностью и радостью жизни, разлитой в воздухе этого солнечного дня. Да, это была она – та, что привиделась мне, когда я встретил странного незнакомца в парке «Златые врата».

Мне так хотелось приблизиться и заговорить с ней, но все слова казались нелепыми, все фразы, приходящие в голову, – неестественными и неуклюжими. Я решил подойти и мол-

ча подарить ей красную розу. Цветочный магазин был за углом. Туда и обратно я не бежал – летел. Но на остановке и вокруг, насколько далеко мог охватить мой взгляд, её не было. Словно солнце спряталось за большое облако. Всё вокруг потемнело, поблели краски, затихли птицы. Но троллейбус за это время не подъезжал, – я беспокойно наблюдал за дорогой сквозь витрину магазина всё время, пока в нём находился. Что происходит? Неужели она растворилась, как мираж? Может я просто сплю и через мгновение проснусь, забыв этот кошмарный сон? Мне стало так больно, что было трудно дышать, подкатила тошнота.

– Эй, Адам!

Я вздрогнул и обернулся. За мной стоял Пол, рассматривал экран моего компьютера и пытался понять, чем я занимаюсь. Как всегда, подкрался незаметно.

– Прочитал твой отчёт по «Дому антиквариата». Повысь прогноз на цену акций.

– Почему, Пол? Цены на антиквариат и произведения искусства не могут повышаться в таком темпе – прибыль перестанет расти.

– Как ты знаешь, до двадцати процентов всех лотов на Christie's и Sotheby's – это предметы, которые в какой-то момент прошли через «Дом антиквариата». Компания продолжает развиваться. И глава фирмы, Сэм Аэль, достаточно известная личность.

– Слышал о нём.

Наконец, Пол отошёл, и я мог привести в порядок мысли. Сегодня была пятница, а это значит мне предстоял обед в ресторане с мамой. На работе сидеть уже не было сил совсем, и, не дождавшись конца дня, я быстро собрался и ушёл из офиса.

Я подошёл к витрине ресторана, в котором мы встречались, и посмотрел внутрь через стекло. Мамы не было видно, но наверняка она уже ждала меня за столиком. Вдруг я уловил на стекле отражение молодой женщины с накинутым на плечи шарфом. Она, казалось, пристально на меня смотрела, стоя за моей спиной. Я вздрогнул и резко обернулся, но за мной никого не было.

Мама изучала меню и не заметила меня, когда я подошёл к столику, молча рассматривая её. Для своего возраста она выглядела хорошо, но я с болью отметил, что за последнее время мама постарела. И всё же в ней проглядывало что-то юное, почти детское – в непосредственной манере закидывать ногу на ногу и слегка ею раскачивать, в полуулыбке на лице и в неподдельном искреннем интересе, с которым она читала меню.

– Привет, мам.

Она бросила меню на стол и радостно улыбнулась мне:

– Привет-привет!

Я приобнял и поцеловал маму в щёку.

Подошла официантка, совсем девочка, похоже студентка, подрабатывающая в свободное от учёбы время, и взяла за-

каз.

– А почему ты один, Лилит опять занята? – спросила мама.

– Не расстраивайся, но с Лилит мы расстались.

– Что-то случилось?

– Нет. Просто я оказался неудачником.

– Это она тебе сказала?

– Ну, слов было гораздо больше... но по смыслу – да.

– Даже не знаю... Не могу сказать, что она мне очень нравилась. Но вы были вместе так долго. Тебе уже под сорок. Я надеялась, что ты наконец остепенишься, женишься, заведёшь детей.

– Мам, мне только тридцать шесть! Возможно, когда-нибудь так и случится, я женюсь. А если нет, то лет через пять перееду обратно к тебе.

– Уже тридцать шесть! И твоя шутка мне не кажется смешной.

– Тогда давай выпьем. За папу.

– Мне не верится, что его больше нет.

– Мне тоже.

Мама грустно улыбнулась, подняла бокал, и, смотря куда-то вверх, произнесла: «За тебя, дорогой».

– Я разбирала старые вещи и нашла твои, ещё со школьных времён. Там много всего, целый ящик. Он у меня в машине. Возьми, возможно тебе будет интересно.

Я пожал плечами:

– Хорошо, спасибо.

После ресторана я отправился домой. Жилище утратило уют с тех пор, как Лилит уехала от меня. В гостиной стояли только шкаф и маленький старый телевизор, купленный в комиссионке вчера. Квартира казалось особенно пустой, поскольку Лилит увезла с собой моего любимца – серого пушистого кота по кличке Булгаков, которого мы взяли совсем маленьким котёнком. Я кормил его и заботился гораздо больше, чем Лилит, и он платил мне привязанностью. Кот всегда встречал меня у двери, когда я приходил домой, и обожал лежать у меня на коленях.

Я сел на пол и включил телевизор. Показывали местные новости, интервью парня с очередной конференции, которая проходила в Москоне-центре. Пощёлкав каналами, не нашёл ничего, что стоило бы посмотреть. Вместо этого я поставил Summertime Эллы Фицджеральд, и под протяжные, тягучие звуки музыки пошёл на кухню налить стакан бурбона. Если бы я был героем одной из книг Ремарка, которые в детстве таскал тайком из книжного шкафа в спальне родителей, то долго бы рассматривал янтарную жидкость в стакане, которая, казалось, вобрала в себя свет солнца, и размышлял бы о том, как прекрасно пахнет бурбон кукурузой и пшеницей, выращенными простыми деревенскими людьми на зелёных полях Кентукки, и от всего этого у меня на душе стало бы теплее. Но я просто выпил стакан залпом. На душе действительно стало теплее. Я налил ещё и подошёл к окну.

Уже было совсем темно. Потягивая бурбон, я смотрел на освещённые окна дома напротив, и гадал, какие люди живут там. Мне казалось, я могу представить разные семьи и разные судьбы, радости и печали всех этих людей.

Вернувшись в гостиную, я подвинул единственный колёногий табурет к шкафу и взгромоздился на него вместе с ящиком от мамы, пытаясь поставить его на верхнюю полку. Табурет качнулся, и, поскольку ни я, ни мой невольный коллега по несчастью не обладали способностью летать, мы с грохотом свалились. Содержание ящика рассыпалось по всей гостиной.

Потирая ушибленный локоть, я сел и огляделся. Первой мне на глаза попала старая, уже начинающая желтеть фотография. На переднем плане в футбольной форме нашей школы стояли, улыбаясь и обнимая друг друга за плечи, Майкл, Диего и я. На заднем плане в профиль виднелся наш тренер – короткая военная стрижка и выражение лица старого сержанта. Похоже, он что-то объяснял группе игроков, среди которых я сразу узнал рослого, длинноволосого Сэма с его вечной нагловатой ухмылкой.

Моя старая записная книжка валялась тут же. Я пролистал её истрёпанные страницы, удивляясь, что многие имена мне больше ни о чём не говорят. Затем я заметил её. Это была просто старая коробочка, но сразу вспомнилось, что у неё внутри. Нерешительно, как будто чего-то опасаясь, я открыл её. В этот момент в квартире погас свет, стало темно,

и только освещение из окон дома напротив чуть рассеивало мрак. Через несколько мгновений лампочки загорелись снова. Наверное, произошёл перебой с электричеством.

Внутри коробки была серебряная монета на цепочке. Я не видел её много лет и поэтому внимательно начал рассматривать. На моей ладони она казалась совсем небольшой. На очень древней, вытертой и потемневшей от времени поверхности с трудом можно было разглядеть ветвь с тремя гранатами и странные буквы какого-то алфавита, на другой стороне – сосуд и надпись.

В задумчивости я взял цепочку и стал раскачивать монету как маятник. Снова вырубило электричество. Необычное чувство охватило меня. Как замороженный, я смотрел на монету, не в силах оторвать взгляд, и всё больше входя в какой-то транс. Казалось, что вот-вот кусочки головоломки сложатся и всё станет понятным. Наверное, со мной произошло что-то подобное самогипнозу, потому что я как будто провалился на двадцать лет назад в прошлое и увидел всё, что произошло в тот, не похожий ни на какой другой день до мельчайших деталей.

Глава 2

«Даже пророки могли видеть Бога как будто через девять слоёв тёмного стекла,

и только Моисей – через один»

Иуда бен Илай

Был будний день, я только что вернулся со школы. Меня встретила мама, а папа ещё не пришёл с работы.

– Адам, иди обедать.

– Я не голодный, мам. Пойду покатаюсь на велике.

– Хорошо, поздно не приходи!

Небо было серым, и туман густой пеленой укрывал деревья. Близлежащие тропинки были изъезжены мною вдоль и поперёк тысячи раз, и я не боялся заблудиться. Но в этот день всё было не так, как всегда. Туман становился настолько густым, что я видел не дальше вытянутой руки. Он тёк по земле, как песок в пустыне во время сильного ветра. Я ехал очень медленно, чтобы не пропустить поворот тропинки и не врезаться в деревья, которые неожиданно выскакивали из тумана и протягивали руки-ветви, будто пытаясь меня схватить. Знакомые места выглядели совсем по-другому. Меня одолевали сомнения, сворачивать в ту или иную сторону.

Через некоторое время я обнаружил, что не знаю, где нахожусь, и занервничал, теряя ориентацию не только в пространстве, но и во времени. Мне казалось, что прошли даже

не часы, а годы, с тех пор как я въехал в парк. Меня настигло чувство необычайного одиночества, словно на десятки, а может, на сотни километров вокруг не было ни единого человека. Остро захотелось очутиться рядом с родителями в нашей маленькой, но уютной квартире, которая казалась настолько далёкой от этого места, как будто она находилась на другой планете.

Тропинка сделала ещё один поворот, и я неожиданно выскочил на небольшую, круглую лужайку, на которой тумана не было. Здесь стояла самодельная беседка, в ней на скамейке за столиком для пикника, прикрыв ноги клетчатым пледом, сидел немолодой бородатый мужчина в одежде сомнительной чистоты. Из-под заношенной кепки торчали седые, кудрявые волосы. На рукаве расстёгнутой куртки виднелась заплатка, пришитая грубыми мужскими стежками. Майка на толстом животе была в каких-то подозрительных пятнах.

Увидев его, я обрадовался, но с велосипеда не слез, наклонив велосипед набок, встав одной ногой на землю.

Мужчина с улыбкой посмотрел на меня. В выражении его лица не было угрозы, а в тёмно-карих глазах – наркотического тумана. Во взгляде из-под седых, нависших бровей светилась искра лукавства и сдержанной радости. Казалось, дай ему повод, и он рассмеётся громким, раскатистым смехом.

Я всё же слез с велосипеда, подошёл столу и сказал:

– Меня зовут Адам. Я заблудился.

– Моисей, друзья называют меня Мойша. Присаживайся к

столу, – стукнув ладонью по скамейке рядом с собой, сказал мой новый знакомый.

Мне вначале показалось, что мужчина немного заикался, но потом я понял, что он произносил слова со странным, незнакомым мне акцентом.

Увидев на столе вкусно пахнущий, с тёмно-коричневой корочкой пирог я почувствовал, что проголодался. Здесь же были старый глиняный кувшин с отбитой ручкой и какой-то цитрусовый фрукт. Много лет спустя я узнал, что он называется этрог.

Я спросил его, что он тут делает. Моисей улыбнулся:

– Я жду людей. Ты пришёл, и я счастлив, что мы будем праздновать вместе. «Нет ничего лучше, как наслаждаться человеку плодами трудов своих: потому что это – доля его; ибо кто приведёт его посмотреть на то, что будет после него?»¹

Слова были все знакомые, но, что говорит этот, похожий на бездомного человек, я до конца не понимал. Наконец я спросил:

– А кого вы ещё ждёте?

Моисей с удовольствием почесал под мышкой, подтянул спадающие с округлого живота штаны, из-под которых виднелась резинка трусов и продолжил:

– Мы все связаны: те, кто был до нас, и те, кто будет после нас. В этот момент они все с нами, предки и потомки;

---

¹ Ветхий Завет, Книга Екклесиаста

те, кто праздновал, и те, кто будет праздновать. Если ты постараешься, то увидишь его, этот волшебный ковёр жизни, в котором переплетены прошлое и будущее, судьба и свобода воли, твоя жизнь и моя.

– И что это значит? – спросил я.

– Время условно, – ответил Моисей, потирая нос. – «Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было».² По сути своей люди не меняются. Если бы это было не так, мы бы не могли сочувствовать Одиссею, ищущему путь домой к своей Пенелопе. Или восхищаться Давидом, бесстрашно вышедшим на поединок с великаном Голиафом. Представь бесконечное множество вариаций сюжетов. В них главный герой одной пьесы только второстепенный персонаж другой и наоборот. Этот спектакль идёт от начала времён. Реквизиты меняются, актёры тоже, но сюжеты кардинально – нет.

Я пожал плечами и невольно взглянул на пирог. Моисей всё понял:

– Я вижу ты голоден. Садись, поешь.

Сомневаясь, что это хорошая идея, я всё-таки сел на скамейку. Моисей отрезал кусок пирога, а из кувшина налил мне полную кружку удивительно вкусного, как будто только свежесжатого виноградного сока. В отличии от магазинного он был чуть кисловатым и терпким. Пирог просто притягивал своим ароматом.

– Спасибо. Пирог пахнет просто супер!

---

² Ветхий Завет, Книга Екклесиаста

Моисей ухмыльнулся, смешно сморщившись, почесал кончик носа и на мгновение стал похожим на хитрого гнома из сказки:

– У него райский вкус. Начинка пропитана гранатом.

Я откусил кусок пирога. Медово-цветочный аромат ударил в нос, и по всему рту разлилась сладость. Это ощущение росло, расширялось, растекаясь по всем клеткам тела, пока не пропитало меня всего от пяток до макушки. Мне вдруг показалось, что я в каком-то цветущем саду, и тихий голос в моей голове пропел то ли никогда не слышанные, то ли давно забытые слова:

Над небом голубым есть город золотой,
С прозрачными воротами и яркою звездой,
А в городе том сад, всё травы да цветы,
Гуляют там животные невиданной красоты.³

Затем мир вокруг меня начал кружиться сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее, пока реальность не превратилась в набор размытых, абстрактных образов. И вдруг вращение остановилось. Я был в каком-то саду. По лугу с высокой травой с синими и белыми головками цветов навстречу мне шла обнажённая девушка. В руке она держала гранат. Копна густых чёрных волос обрамляла её лицо и волной спадала на спину и плечи. Грациозностью походки и не знающей чувства стыда невинностью она напомнила увиденного

---

³ Песня из репертуара группы «Аквариум». Автор слов – Анри (Андрей) Волохонский, автор музыки – Владимир Вавилов.

мною однажды в лесу оленёнка.

Я застыл в изумлении, а затем удары моего сердца будто толкнули меня навстречу ей. Но не успел сделать несколько быстрых шагов, как девушка исчезла, а на её месте оказался оленёнок. Он взглянул на меня тёмно-карими, почти человеческими глазами, а потом умчался, переступая беззвучно лёгкими ножками по ковру зелёной травы.

Неожиданно потемнело, как будто наступил вечер. Я увидел пустую незнакомую квартиру и мужчину, сидящего на полу в полумраке и раскачивающего перед собой какой-то предмет на цепочке. Мир вокруг меня закружился снова, сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее. Мгновение спустя я снова оказался в промозгом осеннем парке. Чудесное ощущение пропало, лишь на языке осталось ощущение горечи, которое рождает чувство печали. Мне показалось, что я вдруг ужасно постарел, стал старше тысячетлетней секвойи, рядом с которой находилась беседка, и так же древен, как сама Земля. Мне до боли хотелось обратно, в тот волшебный сад.

Моисей в изумлении охватил ладонью свой крупный мясистый нос и смотрел на меня во все глаза:

– Что с тобой?

Запинаясь, я рассказал ему, что мне привиделось.

– Недаром дано тебе имя твоё. Почему-то считается, что те плоды были яблоками, но в Книге эти плоды не названы. На самом деле Древо познания добра и зла – это гранат.

Голова кружилась, я даже плохо его слышал. В горле пересохло, потому с трудом вымолвил:

– Кто она? Я ещё её увижу?

Моисей задумчиво посмотрел на меня:

– Она та, что предназначена тебе, но найдёшь ли ты её или нет, я не знаю.

Он начал рыться в карманах. Из одного из них вначале он вытащил скомканный пакет, из другого грязную салфетку. Наконец он нашёл то, что искал. Это была маленькая коробочка, как для часов. Моисей раскрыл её. Внутри лежала потемневшая, истёртая, старинная монета. Он протянул коробку мне:

– Эта монета поможет тебе найти свой путь. Но береги её, она не должна попасть в плохие руки. Сейчас, я думаю, тебе пора домой. Мы ещё успеем наговориться, буду здесь всю неделю.

Всё ещё не придя в себя от потрясения, я молча кивнул, положил коробку в карман и вскочил на велосипед. Оленёнок вышел из тумана и внимательно посмотрел на меня.

Я ехал, особо не разбирая дороги, но к своему удивлению доехал буквально за несколько минут. Видимо, всё это время плутал буквально в двух шагах от дома. На этой лужайке я был много раз, но в тумане просто не узнал место.

Звякнула упавшая на пол монета, и я очнулся. Стало понятно, что меня мучило, не давало покоя все эти годы. Невозможно дальше жить под постоянным грузом вопросов

и сомнений о происшедшем – что было на самом деле, а что являлось игрой моего воображения. Вдруг я осознал, что нужно сделать: нужно встретиться и поговорить с Майклом. Для этого мне не надо было листать мою старую записную книжку. Его номер был в моём телефоне. Мы перезванивались редко, но, когда я открывал список контактов, мне всегда было радостно увидеть его имя.

Глава 3

С Майклом мы не виделись, наверное, года два или даже три. Как странно, ведь до сих пор я считал его своим лучшим другом, а в юности он был мне почти как брат. В детстве, когда мы с девочками ещё не встречались, я сформулировал принцип: «Женщины приходят и уходят, а друзья остаются». Это была, конечно, шутка, игра, попытка примерить на себя маску опытного и умудренного жизнью мужчины. Ведь и тогда я уже понимал, что жизнь с трудом втискивается вот в такие примитивные формулы. Но, как ни странно, именно так у нас с Майклом и получилось.

Мы виделись всё реже и реже. Наверно, встречи напоминали нам, что жизнь пошла как-то наперекосяк, совсем не так, как представлялось в школьные годы, когда мы делились мечтами, сидя на скале над заливом.

Как только я сообщил, что надо увидеться по делу, Майкл сразу назначил встречу в своём офисе. Я никогда там до этого не был. Он разговаривал по телефону, когда я вошёл. Майкл меня пригласил жестом присесть, и я опустился в скрипучее кресло напротив. Мебель в офисе была старая, облезлая. Дышащий на ладан стол, казалось, вот-вот рухнет под тяжестью наваленных на него книг и папок – на нём едва было место для чашки с кофе. Здесь же стояла фотография девочки лет десяти, дочери Майкла. Хотя он был давно разве-

дён, но в дочке души не чаял. Её имя было Джэклин, Майкл обычно называл её Джэки.

Комната нуждалась в ремонте, и всё говорило о том, что у хозяина туго с деньгами. Единственным украшением на стене была лицензия частного детектива в рамке.

Майкл не сильно изменился. Всё та же худощавая фигура, которая в одежде казалась почти хрупкой. Но я-то знал, что Майкл намного сильнее, чем кажется. В драке он двигался быстро, как рысь, а соображал ещё быстрее и потому был опасен. В боях без правил Майкл мог бы сделать карьеру, но это его не интересовало.

И всё-таки он выглядел по-другому. Я пытался понять в чём дело, а потом понял: тень улыбки, которая в юности никогда не сходила с его лица, исчезла окончательно и бесповоротно. И на лбу, над ярко-голубыми глазами залегли глубокие морщины.

Мне всегда казалось, что Майкл ничего и никого не боялся. Недаром в школе у него была кличка Crazy Irish⁴. После школы он отслужил четыре года в морской пехоте, а затем устроился в полицию. Ему надо было родиться в другое время и быть, например, шерифом на Диком Западе. Но здесь и сейчас его характер выходил ему боком. В полиции он ненавидел своего начальника, которого не волновало ничего, кроме хорошей статистики участка и красивых отчётов. В конце концов, поругавшись, Майкл надел ему на голо-

---

⁴ Сумасшедший ирландец

ву мусорное ведро, в которое тот выкинул небрежно оформленный отчёт Майкла. На этом его работа в полиции закончилась.

Но и бизнес его не процветал. Частный детектив не желал признать, что он не Бэтман, поддерживающий на свой страх и риск порядок в городе, а просто наёмная рабочая сила, выполняющая указания клиента.

Наконец Майкл закончил разговор по телефону:

– Давно не виделись. Рад тебя видеть, Адам.

– Я тоже.

– Так что у тебя стряслось?

– Да ничего особенного, просто нужна твоя помощь. Помнишь, я рассказывал о странной встрече со стариком в парке много лет назад, когда мы ещё учились в школе.

– Смутно припоминаю.

– Помоги мне выяснить, что это было. Кто был этот старик и так далее.

– Прошло столько лет. Как ты себе это представляешь? Да и с чего вдруг?

– Мне это очень важно.

– Не знаю, что ты себе вообразил, но история эта очень простая. Ты встретил бомжа, он чем-то тебя угостил. В еде был галлюциноген: ЛСД или грибы. Ты «улетел» и поймал глюков. Ничего из того, что тебе привиделось, не имеет отношение к реальности.

Я вытащил из кармана монету.

– Это реально.

– Это просто старая монета.

– Старинная серебряная монета. Откуда она у бомжа?

– Нашёл, украл, мало ли.

– Я столкнулся на улице с этой девушкой на следующий день.

– Братан, тебе было только шестнадцать лет. Ты мог за-
пасть на любую милашку в то время и вообразить, что это
именно та девушка. Если бы ты её встретил сейчас, думаешь,
узнал бы?

– Сейчас точно нет. Когда я познакомился с Лилит, мне
вначале казалось, что это она.

– Вот видишь.

– А ты веришь в судьбу, в провидение, в какие-то высшие
силы?

– Как тебе сказать, не был в церкви с тринадцати лет. Но
я воевал, а на войне сто процентных атеистов не бывает. Од-
нако там высшие силы, как правило, помогают тем, кто мет-
ко стреляет.

– Майкл, я не знаю, как тебе это объяснить, но для меня
это действительно важно. Мне кажется, что вся моя жизнь
пошла наперекосяк из-за той встречи. И с недавнего времени
я вспоминаю те события всё чаще и чаще.

Майкл дружески усмехнулся:

– Ты наверно просто стареешь и ностальгируешь по
школьным годам.

– Ну вот, мама вчера намекнула, что я уже старый пень и мне надо жениться, пока не поздно. Теперь ты.

Майкл рассмеялся:

– И правда. Ты погулял на моей свадьбе, а я нет. Это несправедливо!

– Никто и не говорил, что жизнь справедлива.

– Насчёт твоего дела. Я готов тебе помочь, тем более время есть. С бизнесом у меня не очень, если честно. Но что ты хочешь, чтобы я сделал?

– Мне нужно, чтобы ты нашёл Диего.

– Какого Диего?

– Гонсалеса, со школы.

– Он-то здесь при чём?

– Я расскажу.

Глава 4

Это случилось на следующий день после встречи с незнакомцем в парке. Сразу после школы я поехал в ювелирный магазин. Тонкая серебряная цепочка приглянулась мне с первого взгляда. Пожилой мужчина с моноклем на правом глазу проделал аккуратную дырочку в монете и продел через неё цепочку. Из магазина я вышел уже с монетой на шее. Затем произошло то, о чём я уже рассказывал: повстречался на улице с девочкой из сада и тут же её потерял.

В глубокой задумчивости, медленно волоча ноги, я возвращался домой, когда меня окликнул знакомый голос. Я поднял голову и увидел улыбающееся лицо Диего.

– Привет, чувак!

Диего, как всегда, был в хорошем настроении, и его смуглое лицо выражало удовольствие от встречи и предвкушение разговора, в котором мы по обыкновению будем шутить и подначивать друг друга.

Увидев Диего, я обрадовался. Мы не были друзьями, для этого мы были слишком разными, но приятелями – несомненно.

– И тебе привет, мужик! Как дела?

– Да всё по-старому. А что у тебя на шее?

Я изобразил непонимание и затем коснулся рукой своей шеи:

– Ты спрашиваешь о засосах? Ты же знаешь, девчонки просто сходят с ума по мне!

Диего ухмыльнулся:

– И где же эта толпа несчастных? Наверно, это те, которые горюют в бомжатниках района Тендерлойн?

– Что ты! Этих красоток я оставляю тебе!

Диего продолжал рассматривать монету на цепочке:

– Серьёзно, что это?

Мне не хотелось говорить с Диего об этом, и настроение подшучивать пропало тоже. Нехотя, почти через силу, надеюсь быстро закончить разговор, я сказал: «Монета».

– Похоже серебро, старинная. Где ты её взял?

– Да один чувак подарил, выглядел как бомж.

Диего засмеялся, ударил меня дружески по плечу, дурачась:

– Похоже не только девчонки сходят по тебе с ума, хорошенький мальчик!

– Пошёл к черту!

– Да ладно, просто подкальываю. Где он её интересно взял?

– Может, клад нашёл. Откуда я знаю.

– Где ты его встретил?

– Да на полянке в парке, где мы иногда играем в футбол.

Непонятно, что он там делает.

– Ок, чувак. Увидимся.

– Увидимся.

От разговора с Диего на душе остался какой-то непри-

ятный осадок. У меня возникло ощущение неправильности происходящего. Тяжёлое, гнетущее чувство не покидало меня даже дома. Эпизоды двух последних дней крутились в моей голове в непредсказуемом порядке, как картинки в калейдоскопе. Хотелось увидеть Моисея и разузнать всё о чудесном саде и девушке, но не было сил заставить себя куда-либо идти. Я решил, что подъеду на полянку завтра.

На следующий день, бросив дома рюкзак со школьными вещами, я сразу вскочил на велосипед и по знакомой тропинке отправился в парк. Светило мягкое осеннее солнце, в парке было очень красиво. Пахло листвой и грибами, но ощущение волшебства, заколдованного леса на этот раз не возникало.

Я отыскал полянку быстро. Моисея там не было. Одна из скамеек была опрокинута, рядом со столом лежал разбитый кувшин, а чуть поодаль валялась тряпка, которая мне что-то напоминала. Я поднял её, сел на скамейку и внимательно рассмотрел. Сомнений не было – это была вырванная заплатка с рукава куртки Моисея.

Целый день я разыскивал Диего. Когда, наконец, мы случайно встретились, он сделал вид, что не заметил меня, и попытался быстро уйти. Я догнал его и, схватив за грудки, начал трясти, спрашивая, что он сделал со стариком из парка. Диего не сопротивлялся. Я тряс его как манекен, голова его безвольно моталась взад-вперёд и побледневшее лицо выражало чувство растерянности и страха, которое я никогда до

этого у него не видел. Но он не сказал ни слова о том, что произошло. В конце концов Диего вырвался одним резким движением и молча ушёл. После этого мы никогда не встречались.

Майкл слушал меня не прерывая. Когда я закончил, он в задумчивости потёр свой лоб ладонью.

– Диего водился с не очень-то приятными парнями, но я не уверен, что он имеет отношение к твоей истории.

– Почему же он пропал сразу после этого?

– Мало ли чего он мог натворить. Влез в какие-то крупные неприятности и сбежал к своим родственникам в Мексику от греха подальше.

– Вообще-то он из Сальвадора.

– Ну значит в Сальвадор. В любом случае, отыскать его не реально.

– Ты не можешь этого знать наверняка, вполне возможно, что он по-прежнему где-то здесь, даже в самом городе.

– Ладно. Не хочется мне этим заниматься, но сделаю всё, что смогу.

– Спасибо, Майкл.

– Пока не за что.

Глава 5

После разговора с Майклом я отправился в поход по антикварным магазинам и посетил их так много, что просто сбился со счета. Рассмотрев с интересом монету, работники пожимали плечами, качали головой или просто отвечали, что не имеют понятия, откуда она. Наконец кто-то мне рассказал о специализированном нумизматическом магазине и посоветовал обратиться к ним. Не теряя времени, я поехал прямо туда.

Небольшой магазин находился в хорошем месте, в двух шагах от набережной, практически в туристическом районе. Я открыл скрипучую дверь. Покупателей не было. Помещение выглядело каким-то неухоженным и старомодным: складывалось впечатление, что ничего кардинально не менялось со времен открытия бизнеса много лет назад. Видимо, владельцы просто не хотели вкладывать средства в ремонт.

В магазине было сумрачно, но, впрочем, прилавок, под стеклом которого лежало множество монет, был очень хорошо освещён. Под некоторыми из монет находилось краткое описание, страна и год выпуска. Самой старинной из них было лет двести. Я заметил серебряный доллар конца девятнадцатого века, какую-то французскую монету и даже русские пять копеек, выпущенные при правлении Николая II незадолго до революции.

Симпатичная кареглазая продавщица лет тридцати, с любопытством взглянув на меня, внимательно осмотрела в лупу мою монету, затем достала кучу каталогов и начала их быстро просматривать, мурлыча какую-то песенку себе под нос. Не найдя ничего похожего, она открыла компьютер. Через минут двадцать безуспешных поисков продавщица наконец сдалась: «Я позову хозяина. Он в бизнесе лет сорок, – может, знает, что это такое». Она пошла в кабинет и вернулась с худым стариком в фирменных джинсах и в модном джемпере. В левом ухе у него была серьга. Выходя из кабинета, он приобнял продавщицу за талию, улыбаясь и шепча ей что-то. Продавщица не вырвалась и ничего ему не сказала, но выглядела гораздо напряжённее, чем в разговоре со мной.

– Так чем я могу вам помочь?

Несмотря на доброжелательное выражение лица, маленькие серые глазки, светящиеся любопытством и хитростью, не внушали доверия.

– Что вы скажете об этом?

Старик взглянул на монету. Тень удивления на мгновение пробежала по его лицу, и тут же исчезла. Он взял лупу и тщательно осмотрел монету:

– Прекрасная работа! Великолепная копия. Где вы это взяли?

Я проигнорировал вопрос старика:

– Копия чего?

– Ну, это вам точно может ответить только крупный специалист. Я же могу сказать, что скопирована иудейская монета.

– В смысле – сделанная в древней Иудее?

– Да.

– А почему вы думаете, что она не настоящая?

Старик ткнул пальцем с желтоватым ногтём в монету около ребра.

– Посмотрите. Видите эти углубления? Это явно следы обработки на станке.

Я ничего не видел, но кивнул головой, чтобы не спорить:

– Знаете, кто мог бы такое сделать?

– С ходу не скажу, мне надо пройтись по своим связям.

Можете оставить монету? Покажу специалистам.

– Нет, оставить не могу.

– Я дам расписку.

Не ответив, я взял ручку с прилавка и написал свой телефон на визитке магазина. На мгновение задумавшись, вместо своего имени инстинктивно написал под номером телефона первое пришедшее в голову – Алекс.

– Если у вас появятся какие-то идеи, позвоните мне, пожалуйста. Я буду очень благодарен.

Лицо старика не выразило ничего, но я почувствовал, что он разочарован:

– Конечно, Алекс, я вам помогу. Ждите звонка в течение недели.

Как только за мной захлопнулась дверь, старик набрал номер телефона.

– Привет Сэм, это Шон.

– Слушаю.

– У меня для тебя интересная новость.

– Говори, не тяни время.

– Только что видел шекель времён Иудейской войны.

– Ветка с тремя гранатами? Чаша на другой стороне?

– Да, та, что ты давно искал. Я уверен.

– Где ты её видел?

– Посетитель только что её показал.

– Она ещё у тебя?

– Нет, он ушёл и забрал с собой.

– Расскажи о нём. Я хочу знать всё.

Глава 6

Следующие несколько дней я был очень занят на работе и обустройством квартиры. Купил стол, кровать, посуду и кое-какую кухонную утварь. Квартира потихоньку снова приобретала жилой вид. Но всю неделю мне снились странные сны и не покидало чувство тревоги. Открыв коробку с монетой, я как будто запустил механизм древних механических часов, и после многих лет простоя старые ржавые шестерёнки со скрипом начали двигаться снова. Я не понимал, к добру это или нет, но внутренний голос в моих снах шептал о надвигающихся событиях. Когда я шёл по улице, мне иногда казалось, что за мной кто-то следит, – буквально кожей ощущал чей-то взгляд, но списывал это на развивающуюся паранойю.

На выходных я выбрался в библиотеку порыться в книгах. Посетителей было немного. Стоял приглушенный шум переворачиваемых страниц, тихих шагов и разговоров в полголоса, который так меня расслабляет в библиотеках и книжных магазинах.

В отделе истории я нашёл полку с книгами по Древнему миру. Около неё увидел мужчину среднего возраста в бейсбольной кепке. У него было лицо с четко очерченными линиями, седеющая на подбородке щетина и цепкий, умный взгляд карих глаз. Мужчина просматривал какую-то книгу и обернулся, когда я подошёл:

– Добрый день.

– Добрый день.

– Интересуетесь историей?

– В общем, да.

– Всегда приятно встретить людей, которым любопытно узнать, что было до них. В наше время это не часто встречается, тем более в отношении истории Древнего мира.

– Похоже это так.

– Те, кто не помнят истории, обречены повторять её.

– Я слышал такое высказывание.

– А что вас увлекает? Я мог бы вам дать рекомендацию, что почитать.

– Хочу узнать больше о Древней Иудее.

– Замечательно. Так мало знатоков этой темы. Большинство любителей античной истории интересуются Древним Римом.

– Это легко объяснить. Императоры, гладиаторы, завоевания. Империя, которая оказала огромное влияние на Европейскую цивилизацию. Это всем интересно.

– Надо сказать история Иудеи и Рима тесно переплетены.

– Каким образом?

– Иудея была независимом государством, но в результате внутренних распрей была легко подмята Римской империей и стала её провинцией. Затем была Иудейская война. Маленькая провинция взбунтовалась против римского владычества. И восстала она в очень неправильное для римлян

время, когда они готовили военную кампанию на востоке, против Парфянского царства – главного соперника римлян в регионе. Но первым делом легионы под предводительством генералов Веспасиана и Тита Флавия, вошли в Иудею, с целью усмирить её за короткое время, чтобы не оставлять в тылу непокорённую провинцию. Как вы думаете, сколько времени римской армии потребовалось на это?

– Я совершенно ничего об этом не знаю.

– Четыре года.

– Интересно.

– Интересно? Это невероятно! Маленькая страна сопротивлялась лучшей армии мира четыре года. Римляне были разозлены беспредельно. После победы были разрушены Иерусалим и Храм, а после ещё одного восстания лет пятьдесят спустя оставшиеся в живых иудеи были изгнаны, а провинция была переименована в Палестину.

– Зачем римляне это сделали?

– Они хотели стереть память, вычеркнуть иудеев из истории.

– Вы, наверное, профессиональный историк?

– Нет, любитель. Меня зовут Дэн Карлин. Веду канал на YouTube, хардкор история.

– Адам, очень приятно познакомиться.

Я снял цепочку с монетой и показал ему.

– Вы можете что-нибудь сказать об этом?

Дэн с любопытством покрутил монету в руках.

– Откуда она у вас? Ничего не могу сказать конкретно, но это древне-иудейская монета.

– А как мне найти эксперта?

– Обратитесь в Стэнфордский университет. Там историки мирового уровня.

– Спасибо. Удивляюсь, как сам до этого не додумался. Вы можете посоветовать мне что-нибудь почитать о войне между Древним Римом и Иудей?

– Начните с художественной литературы. Попробуйте найти «Иудейскую войну» Лиона Фейхтвангера. Кстати, забыл вам рассказать занятную деталь. В честь победы в иудейской войне Титу Флавию в Риме построили триумфальную арку. Когда во время Второй мировой войны был парад немецких войск в Риме, солдаты прошли через эту арку, словно салютуя Титу.

– Какое это имеет отношение к моей монете?

Дэн озадаченно взглянул на меня и пожал плечами.

– Скорей всего никакого. Но, так или иначе, всё в этом мире связано.

Вечером того же дня я поехал в центр. Уже было почти темно. Я поднялся по круто взбирающейся улице наверх и огляделся. Подо мной в лёгкой вуали тумана лежал залив. На мосту, как ожерелье из драгоценных камней, мерцали сквозь туман фары автомобилей. Вокруг меня раскинулся город, спускаясь улицами вниз, к набережной. Я смотрел на сияющий град на холме и на залив внизу. К чувству восторга

от захватывающей дух красоты примешивалась тоска от осознания хрупкости бытия, скоротечности жизни и бренности всех и всего. Исчезли с лица земли древние города, не будет вечен и этот город. Тревога по-прежнему не оставляла меня.

Я прошёл до перекрёстка с соседней улицей и обернулся на шум. По улице вверх, по направлению ко мне поднималась колонна людей. Их движение создавало странный металлический шум, который и привлёк моё внимание. Было в них что-то зловещее, таящее скрытую угрозу. В темноте все они выглядели какими-то одинаковыми, как будто одетые в униформу. Я напряжённо всматривался сквозь темноту и туман, пытаюсь понять, что это такое. Наконец колонна приблизилась, и в рассеянном свете фонаря предстала удивительная картина: на головах людей металлические шлемы, на туловищах панцири из металлических пластин, у каждого в одной руке был короткий меч, а в другой прямоугольный щит. Впереди шёл человек несущий штандарт в виде орла. Это были римляне...

Они приблизились настолько, что я мог рассмотреть их лица. Чеканные черты выражали решимость и угрозу, их шаги становились всё быстрее и быстрее. Я понял, что они переходят на бег и начинают атаку вершины холма. Полностью дезориентированный происходящим я закрыл глаза. Когда открыл их через мгновение, римляне исчезли. Передо мной была толпа весёлых людей, которые вышли из ресторана ниже по улице и двигались в мою сторону, переговариваясь

и весело смеясь. Идущий впереди почему-то нёс на шесте изображение дракона, как будто праздновал китайский Новый год.

Я облегчённо вздохнул, но наваждение ещё не закончилось. Ко мне приближался шум едущей в мою сторону машины. Это был большой тёмный автофургон. Свет фар ослеплял. Когда фургон приблизился, меня охватил ужас, и на лбу появились крупные капли холодного пота. Это была душегубка – мобильная газовая камера. Были слышны шипение выпускаемого внутри газа и слабеющие крики умирающих людей. От страшных звуков я закрыл уши руками, и неожиданно кошмарное видение пропало. Мимо меня пронёсся канатный трамвай и исчез внизу за холмом.

На следующий день мне позвонил Шон, владелец нумизматического магазина.

Глава 7

«Всем правит случай. Знать бы еще, кто правит случаем»

Станислав Ежи Лец

Звонок от Шона раздался в воскресенье рано утром, когда я был в душе. Выскочив к телефону, увидел незнакомый номер и не стал отвечать. С меня капала вода, я пошёл вытираться. Вернувшись к телефону, обнаружил оставленное сообщение. Голос звучал знакомо, особенно характерными были наигранно-доброжелательные интонации, но обращение Алекс сбило меня с толку. Ах да, так я назвался в нумизматическом магазине. В сообщении Шон говорил, что нашёл человека, с которым стоит поговорить о монете и предлагал назначить встречу. Шон мне не нравился, и я решил повременить со звонком. Тем более что в моих планах было на неделе поехать в Стэнфордский университет, если удастся назначить встречу. Дозвонился в университет на удивление легко и поговорил с секретарём исторического факультета. Она мне посоветовала связаться с профессором Евой Идэн и дала её прямой рабочий номер. У профессора оказался приятный молодой голос, и общалась она со мной очень доброжелательно. Ева Иден назначила мне встречу в середине недели, в кафе на территории кампуса.

Три дня прошли в ожидании, а в назначенный срок, что-

бы не попасть в час пик, я ушёл с работы пораньше. Тем не менее всё равно застрял в пробке на подъезде к Пало Алто. Опоздание было минут двадцать, когда я запыхавшись добрался до кафе. Народу на террасе, где мы должны были встретиться, было немного – одни студенты. Я решил, что профессор ушла не дождавшись, и расстроился. Собирался уже позвонить ей на мобильный с извинениями, но тут обратил внимание на студентку постарше, которая сидела за крайним столиком. Девушка среднего роста, в очках с толстой роговой оправой, в потёртых джинсах и майке была полностью поглощена чтением книги и не замечала ничего вокруг. Волосы неопределённо светло-блондинистого оттенка, сзади собранные в хвостик, спереди упрямо падали ей на глаза, и время от времени она поправляла непослушные пряди, чтобы не мешали читать.

Как будто почувствовав мой пристальный взгляд, девушка положила книжку на столик и взглянула на меня. Пойманный на столь откровенном разглядывании, я слегка смутился и задал вопрос, не ожидая услышать ответ, который был мне нужен:

– Профессор Идэн?

Она улыбнулась, и на щеках появились ямочки.

– Вы Адам? Называйте меня просто Ева.

– Очень приятно. Простите за опоздание.

– Вы опоздали? Я так зачиталась, что даже не заметила.

– Спасибо, что согласились встретиться.

– Не за что. Мне самой интересно.

– Хотите кофе? Я сразу после работы...

– От капучино не откажусь. Это моя слабость.

Пришлось ждать минут пять, пока меня обслужили. Когда я вернулся, Ева читала, закинув ногу на ногу и откинувшись назад, так что её поношенные кроссовки на длинных стройных ногах почти упирались в стул напротив. Стало понятно, почему она обратила на себя моё внимание. У меня было впечатление, что я где-то её видел.

– Ева, мы с вами раньше нигде не пересекались? Как-то выглядите вы знакомо.

Ева подняла взгляд больших тёмно-карих глаз от книги и с интересом посмотрела на меня, будто оценивая. Убедившись, что я не пытаюсь заигрывать с ней таким примитивным способом, а говорю совершенно серьёзно, она ответила, как показалось, с лёгким разочарованием в голосе:

– Вряд ли. Я только начала работать в Стэнфорде, переехала сюда из другого штата.

– Какого?

– Джорджии.

– Как вам у нас нравится?

– Я люблю свой штат, но, если честно, с точки зрения природы и погоды, это место для меня больше подходит. Уж больно у нас в Джорджии летом жарко и влажно. Можно посмотреть на вашу монету?

Я снял цепочку с монетой с шеи и положил на стол. Ева

взяла её в руку и внимательно осмотрела.

– Ничего себе! Кажется, я догадалась правильно с ваших слов. Это похоже на серебряный шекель времён Иудейской войны.

– Если так, то монета по-настоящему древняя. Вы думаете она настоящая?

– Я уверена почти на сто процентов, но, конечно, нужна экспертиза. Откуда она у вас?

– Долгая история, я вам потом расскажу. Эта монета редкая?

– Очень. Её чеканили всего четыре года в Иерусалиме во времена первого иудейского восстания против римлян. Вы знаете, что это особый, очень ценный артефакт?

– Из-за того, что таких монет сохранилось мало?

– Не только. Она была выпущена в переломный момент истории, во время событий, которые определили ход развития человечества на тысячи лет.

– Что вы имеете в виду?

– Город был разрушен, а население страны в конечном итоге изгнано. Иудеи рассеялись по территории всей империи, включая тех, кто принадлежал к секте, про которую вы наверняка слышали.

– О ком вы говорите?

– О христианах.

Я рассмеялся:

– Секта! Забавно.

– В те времена христиане действительно были просто одной из иудейских сект.

– Мне кажется, я догадываюсь, почему это важно.

– Иудеи потерпели поражение в войне, но это привело только к ещё большему распространению их идей, к рождению в конечном итоге того, что мы называем сейчас иудео-христианской цивилизацией. Как говорится, пути господни неисповедимы.

– А что обозначают плоды граната на монете?

– Есть разные объяснения. Считалось, что у граната шестьсот тринадцать ядрышек. Это соответствует числу всех заповедей в еврейской библии, то, что у христиан называется Ветхим Заветом. Возможно, это служило напоминанием восставшим, что они народ Книги, в отличии от «язычников» римлян.

Ева рассказывала с большим энтузиазмом, жестикулируя. Глаза сияли, волосы растрепались, нетронутое капучино остывало на столике. Легко было представить её перед большой аудиторией студентов, среди которых наверняка можно было найти не одного умного очкарика, тайно влюблённого в молодого профессора.

– Некоторые думают, что именно гранат – плод Древа познания, а вовсе не яблоко.

– Да, это так. Ведь яблони практически не растут на Ближнем Востоке. Явно древние иудеи имели в виду что-то другое. Удивительно, что вы об этом слышали.

– Мне кажется, вы очень любите свою профессию.

– Обожаю. Большинство живёт как бабочки-однодневки: здесь и сейчас. Я учу студентов видеть, где мы находимся во времени и пространстве. Как минимум, это помогает им понять лучше мир, в котором мы живём.

– Ева, мне эту монету подарил один странный человек, лет двадцать назад. Тогда ему было около шестидесяти. Мне хотелось бы узнать, кто он, и откуда у него эта монета.

– Где вы с ним познакомились?

– Здесь, в Сан Франциско. Но он говорил с иностранным акцентом, непонятно каким.

– Загадочная история. Вы ведь были просто мальчишкой в то время. Кто дарит мальчишке такую ценную вещь?

– Незнакомому мальчишке.

– Вы меня сильно заинтриговали, я попытаюсь вам помочь. Таких монет найдено очень мало, и немного людей владели ими или имели к ним доступ. Так что шансы есть.

Ева отдала монету, встала и протянула мне руку на прощание. Её ладонь была тёплой и сухой, а пожатие твёрдым, почти мужским.

– Было приятно с вами познакомиться, Адам.

– Мне тоже, Ева.

– Если что-то удастся разузнать, я вам позвоню. Буду рада встретиться с вами ещё.

– Я тоже.

Пройдя несколько шагов, я вдруг поддался неожиданно-

му импульсу и оглянулся на Еву. Она уже снова самозабвенно погрузилась в мир книги, читая и одновременно потягивая маленькими глотками кофе из стаканчика. Мой взгляд скользнул по её стройной фигурке, по сосредоточенному лицу со сведёнными в задумчивости бровями, по нежному изгибу шеи, и тут я подумал, что действительно было бы приятно встретиться с ней снова. Да, вроде бы не писаная красавица, но что-то в ней есть, чёрт возьми.

Глава 8

Шон звонил ещё два раза. Я решил его игнорировать, но второе сообщение заставило меня напрячься: «Адам, пора заканчивать играть в кошки мышки. Надо встретиться». Он узнал, кто я. Действительно, пора встретиться и понять, что происходит. Но всё это вылетело у меня из головы, когда Майкл сообщил потрясающую новость – он нашёл Диего.

Ещё удивительнее было то, что удалось о нём узнать. Диего стал монахом, и жил в монастыре Христа в пустыне, в штате Нью-Мексико. Когда мы встретились в аэропорту, Майкл пошутил, что он был почти прав, когда сказал, что Диего отправился в Мексику. Несмотря на шутку, было видно, что новость обескуражила Майкла не меньше, чем меня. Очень трудно было представить Диего в роли монаха.

Прямых маршрутов Сан-Франциско – Санта-Фе не было, поэтому полёт занял немало времени. Но нам не было скучно. Мы вспоминали школьные годы, смешные истории, которые приключились с нами, и общих знакомых. Когда самолёт опускался ниже облаков, в иллюминаторе под нами проплывали горы, которые сменялись пустынями и лесами и потом появлялись снова. Время от времени в пейзаж вкрапливались группки домов, соединённые тонкими ниточками дорог.

Как будто груз лет свалился с нас: мы снова чувствовали

себя подростками, вырвавшимися из дома в поездку, и, не на шутку развеселившись, острили, смеялись и флиртовали с добродушной стюардессой лет на пять старше нас, не обращая внимания на недовольное лицо пожилой женщины на соседнем сиденье.

Долетев, мы взяли на прокат внедорожник. Монастырь находился в пустыне, в районе каньона реки Чама. До него было миль семьдесят, и часть дороги была неасфальтированной. Чем дальше мы удалялись от города, тем больше стирались признаки цивилизации. Дорога пересекала плоскую равнину, окружённую горами, как будто декорациями к какому-то вестерну. На равнине росла мелкая растительность: мох, лишайники, кактусы. Время от времени мы ехали рядом с серебристой змеёй реки, и видели пьющего воду оленя, который при приближении нашей машины не соизволил даже поднять голову с крупными ветвистыми рогами. За десяток миль до монастыря, мы свернули на просёлочную ухабистую дорогу, зажатую красноватыми скалами.

Монастырь оказался такого же красноватого цвета, как окружающие его скалы, и выглядел продолжением пейзажа. Казалось, само время застыло в этом месте, и было так тихо, что крик одинокой птицы, доносившийся до нас со скалы над монастырём, звучал неприятно громко.

Мы постучали в дверь, и худой тип в очках и в тёмной рясе вышел и вопросительно взглянул на нас. Майкл объяснил, что нам надо встретиться с братом Джеймсом, в миру его

фамилия Гонсалес. Монах молча провёл нас в маленькую, тёмную комнатку и удалился. В комнате были выдавшие виды стол и несколько стульев. На стене висела икона.

– С Джеймсом? – спросил я.

– Диего – это испаноязычная версия имени Джеймс, – объяснил Майкл.

Наконец вошёл человек в облачении монаха, в котором я легко узнал Диего. Его волосы и борода стали седеть, и его смуглое лицо в их серебрянном обрамлении казалось очень тёмным, старым и печальным. Он молча всматривался в наши лица, пытаюсь понять, кто мы такие и что нам нужно.

Мне опять почудилось, что эта комнатка, почти келья, и этот монах – сцена из какого-то фильма. Всё казалось знакомым, как будто это я уже видел. Возможно, чувство возникло из-за того, что увиденное напомнило мне одну из картин Эль Греко. Я подумал, что даже могу предположить, что будет дальше. Монах узнает меня, скажет, что я зря приехал и ему не о чем со мной говорить.

Первым нарушил молчание Майкл:

– Здравствуй, Диего.

В глазах Диего мелькнула искра узнавания:

– Адам, Майкл! Что вы здесь делаете?

– Мне бы хотелось задать тебе тот же вопрос, – ответил Майкл.

– Это не просто объяснить. Что вы хотите?

Я сбросил с себя оцепенение, понимая, что сейчас, воз-

можно, единственный шанс что-то узнать, и надо завязать разговор, пока ещё не поздно:

– Даже не знаю, с чего начать... Помнишь, много лет назад, один старик подарил мне эту монету.

Я вытащил монету из-под футболки, и показал Диего. Он молча смотрел на меня, ничего не говоря.

– Если что-то знаешь, расскажи, что случилось с тем стариком.

Диего молчал. После долгой паузы, он сказал:

– Мне нечего сказать об этом, Адам. Я давно уже другой человек, не тот Диего, которого ты знал много лет назад. Ты зря проделал этот путь, – он повернулся и пошёл к двери, но, перед тем как выйти из комнаты, обернулся и сказал:

– Сделай так, чтобы Сэм никогда не узнал, что эта монета у тебя.

– Какой Сэм? – спросил я удивлённо.

– Я говорю о Сэме Аэле, – сказал Диего, выходя из комнаты.

Глава 9

Я почувствовал антипатию к Сэму Аэлю с первого раза, когда столкнулся с ним в школе. Как это часто бывает, моё чувство поначалу не имело логического объяснения. Оно рождалось из глубины моего подсознания, на уровне инстинктов, которые шептали, что это – враг. И мне казалось, что он испытывал то же по отношению ко мне. Только потом я понял, что меня раздражают его нагловатая ухмылка, тон превосходства и манера долго стоять у зеркала, расчёсывать длинные, светлые волосы, всматриваясь в отражение красивого, породистого лица.

Рослый, физически сильный, обаятельный и очень уверенный в себе Сэм пользовался популярностью в школе: нравился девочкам и в его орбите хотели вращаться многие ребята. У него водились деньги, и Сэм с удовольствием это демонстрировал.

Время от времени ходили слухи, что он с компанией отбирает деньги у ребят послабее, которым родители дают на школьный ланч, и приторговывает в школе марихуаной, хотя трудно было сказать, правда ли это. Диего из окружения Сэма один раз обмолвился, что у того идиотские шутки. На мои расспросы он предпочёл отмолчаться, но я решил, что Сэм его как-то задел.

Интуиция мне подсказывала, что по своему естеству Сэм

и я были полной противоположностью друг другу, как частица материи и антиматерии, которые если столкнутся, мгновенно аннигилируют, уничтожая друг друга. Мы старались игнорировать друг друга, хотя это бы нелегко. Мы были ровесниками и пересекались довольно часто, а в какой-то момент даже играли в одной школьной футбольной команде. Именно там наша подспудная, тлеющая неприязнь друг к другу переросла в открытый конфликт.

Мне всегда нравилось играть в футбол. Но у меня не было хорошего удара, я отвратительно обрабатывал мяч, не умел играть головой и не обладал мощным рывком. При таких способностях я не блистал на поле, но тем не менее мне казалось, что вот-вот и дремлющий во мне талант великого футболиста проснётся. Но видимо сон моего таланта был настолько крепок, что ничто не могло его потревожить.

Наша школа участвовала в чемпионате города среди школьников старших классов. В предыдущих сезонах команда не показывала красивый футбол, зато отличалась стабильностью: регулярно, но не всегда успешно, боролась за предпоследнее место.

Всё изменилось с приходом ребят нашего года. Майкл, наш десятый номер, блистал в центре нападения. Диего, помогая ему, зажигал на правом фланге. В центре защиты жёстко и мощно играл Сэм. Меня же поставили в полузащиту, туда, где я мог нанести наименьший вред – на левый край.

Если я получал мяч, что случалось очень редко, то не хо-

тел с ним расставаться. Иногда мне удавалось проскочить дриблингом одного-двух игроков, после чего мяч я терял. Как я мечтал забить гол! Даже представлял это в деталях. Но если долго мечтать и верить, жизнь обычно предоставляет нам шанс. И это случилось в очень важный для нашей команды момент – в полуфинале чемпионата города.

Игра подходила к концу, а счёт был по-прежнему ноль – ноль. Майкл, получив мяч в центре поля, обвёл нескольких игроков команды противника и отдал пас на край Диего. Диего рванул по краю. Заметив, что наш левый форвард сместился практически в центр, я понял, что это момент, который так долго ждал. Рванул к левой штанге, у которой вообще никого не было. Диего заметил это и прострелил в моём направлении.

Мне казалось, что я не бегу, а лечу. Всё было, как в мечте. Со всей силы я бью слева с лёту, но промахиваюсь, а мяч, ударившись о мою голень, издевательски медленно вкатывается в ворота мимо упавшего в противоположный угол голкипера. Гол! Я тут же оказываюсь в объятиях Майкла и Диего. Неважно, что гол был курьёзным, все понимали, что одной ногой мы уже в финале. Но из-за того, что произошло в конце игры, не вспоминаю этот гол как момент моего триумфа.

Шла последняя минута матча, когда прошёл заброс между нашими защитниками, и юркий, техничный нападающий устремился к нашим воротам. За ним бежал Сэм, но он явно

не успевал. За несколько шагов до нашей штрафной площади, он прыгнул и в подкате со всей силы сзади врезался в ноги игрока. Мальчик крикнул от боли, неловко упал, прокатившись по траве несколько метров, и остался лежать, закрывая руками лицо, по которому уже начали катиться крупные слёзы. Не раздумывая, судья показал Сэму красную карточку и выгнал его с поля. Товарищи по команде вынесли, поддерживая под плечи, травмированного игрока. Его лицо было залито слезами, и он не мог ступить на ногу.

Штрафной закончился ничем, и судья, сверившись с часами, сигнализировал окончание матча. Несмотря на победу, атмосфера в раздевалке была хмурая. Парень похоже получил перелом ноги, и большинство наших ребят были потрясены тем, что произошло. Только Сэм радовался, смеялся и чувствовал себя героем. Как и все, я был шокирован происшедшим и больше не мог сдерживать закипающее бешенство.

– Сэм, ты знал, что не успеваешь и намеренно врезался в него.

– Какая тебе разница, намеренно или нет. Мы победили.

– Ты грязно нарушил правила и травмировал парня. Это подло и трусливо.

– Ты назвал меня трусом?

– Ты слышал.

Сэм бросился на меня, но я был готов. Моё детство прошло в рабочем районе питерской окраины, так что опыт

уличных драк у меня был богатый. Я резко развернулся во-круг своей оси и, оказавшись сбоку от Сэма, с огромным наслаждением засадил справа в его холёное лицо, попав в скулу. Но удар у меня слабый, и крепко сбитый Сэм даже не покачнулся. Он развернулся и опять бросился на меня. Я ударил ногой, целясь в колено. Это его не сильно замедлило, но я опять от него увернулся. Сзади меня привстал парень из клики Сэма, но тут же сел, когда Майкл молча положил руку на его плечо и слегка нажал вниз.

Лицо и шея Сэма пошли красными пятнами. Не думаю, что от боли, а от злости, что в драке со мной он выглядел неловким и смешным. Я выскочил на середину комнаты, давая себе больше места для манёвра и снова встретил Сэма ударом, целясь под дых, но кулак ударился в железные мышцы живота. На этот раз полностью увернуться мне не удалось, и я со страшным грохотом спиной влетел в железный шкафчик для переодевания. Я успел вскочить на ноги до того, как Сэм набросился на меня, и мы с ним вцепились в друг друга. В это время открылась дверь и в раздевалку вошёл наш тренер. Как всегда, он был краток: «Отстранены на две недели! Оба!»

Сэм с ненавистью взглянул на меня, но ответил тренеру совершенно спокойно: «Я не отстранён, я бросаю. С меня достаточно. Были командой лузеров и всегда останетесь ею». Он комом запихнул свою одежду в спортивную сумку и вышел из раздевалки, громко хлопнув дверью.

Финал мы проиграли, а на следующий сезон меня в команду не взяли. Тренер сказал, что пришли несколько сильных игроков и для меня места нет.

Глава 10

«Я сделаю предложение, от которого невозможно отказаться»

Марио Пьюзо «Крестный отец»

В маленьком кафе перед мной стояла пустая чашка с выпитым кофе, на блюдежке лежал недоеденный круассан. Я сидел и читал «Иудейскую войну» Лиона Фейхтвангера. В кафе было тихо, колоритная бариста с многочисленными татуировками скучала за стойкой. Тишину нарушало только постукивание шахматных фигур о доску, доносящееся с соседнего стола. Это двое ребят, по-видимому студенты, вдумчиво, практически не разговаривая, играли в шахматы.

Ещё до того, как мне удалось найти книгу, я почитал о самом авторе. Его дом был разграблен, когда Гитлер пришёл к власти, и основная часть коллекции редких рукописей была уничтожена нацистами. Наверно, особенно тяжелым ударом для писателя стала утрата тех артефактов, которые были связаны с противоречивой и трагической фигурой Иосифа Флавия, исторического лица, на основе которого Фейхтвангер создал образ главного героя своей книги.

Открылась входная дверь, и я услышал чьи-то тяжелые шаги. Кто-то остановился рядом с моим столиком. Я поднял голову. Около меня стоял мужчина невысокого роста, плот-

ного сложения, лет сорока пяти. Кустистые брови нависали над серыми, глубоко посаженными глазами. Крупный мясистый нос выглядел так, как будто был когда-то сломан. Он молча, без улыбки смотрел на меня.

– Я могу вам чем-то помочь? – в недоумении спросил я.

– Да, Адам. Нам надо поговорить.

Я удивился и насторожился:

– Кто вы? Я не помню, чтобы мы раньше с вами встречались.

– Нет, мы не встречались. У меня к тебе деловой разговор.

Интуитивно, я начал догадываться, о чём он сейчас заговорит.

– Слушаю.

– Я хочу купить монету.

– Какую монету?

– Ты прекрасно знаешь, о чём я говорю.

– Предположим. Но она не продаётся.

– Хорошенько подумай, ты получишь приличную сумму.

– Она не продаётся.

– Моего босса отказ не остановит. Он сделает тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться. Зачем тебе неприятности?

– На кого ты работаешь?

– Я работаю на эту компанию.

Он бросил на стол визитную карточку тёмно-серого цвета с красными буквами. В глаза бросилась надпись «Дом анти-

квариата», под ней был номер телефона.

– Тебе даётся три дня. Позвони и скажи, сколько ты хочешь, и мы обсудим.

Мужчина повернулся и не спеша вышел из кафе. Я остался сидеть в оцепенении, пытаюсь осмыслить происходящее. Очевидно было только одно: Сэм знал, что монета у меня и, судя по словам Диего, сделает всё возможное, чтобы ей завладеть. Страх не было, но знакомое с детства неприятное ощущение неизбежной драки легло на душу тяжёлым грузом.

Из дома я позвонил Майклу и рассказал о встрече в кафе. Мне показалось, что новость не очень его удивила. Да и я в глубине души как будто ожидал такого развития событий. Оно вытекало из логики сценария моей жизни и рано или поздно должно было случиться. Мы обсудили ситуацию, и Майкл решил первым делом попытаться узнать как можно больше, что сейчас представляет из себя Сэм Аэль.

Глава 11

Несколько дней прошло совершенно непримечательно, в тягостном ожидании. Майкл не звонил, да и от Евы тоже ничего не было слышно.

Чтобы отключиться от гнетущих мыслей, я работал необычайно рьяно, как в те времена, когда только пришёл в компанию после университета и пытался доказать себе и другим, что могу быть хорошим профессионалом. Пол на этот раз подкрался ко мне незаметно. У него был необычно серьёзный, напряжённый вид. Рядом с ним стоял мужчина, которого я не знал, но судя по его лицу с квадратным подбородком, на котором застыло мрачно-безучастное выражение, и спортивной фигуре, не возникало сомнений, что он из нашей службы безопасности.

– Адам, пройди в мой кабинет. Нам нужно поговорить.

– Что случилось, Пол?

– Мы обсудим там.

Я пожал плечами и последовал за ним. Мужчина вошёл в кабинет вслед за нами и закрыл дверь.

– Компания увольняет тебя. Собирай личные вещи и уходи.

– Это розыгрыш?

– У тебя десять минут на то, чтобы собрать вещи и покинуть здание. Джон проконтролирует.

Мужчина молча кивнул

– Ты можешь хотя бы сказать, что случилось?

Пол посмотрел на меня так, как будто сам не понимал, что происходит. Мне даже показалось, что в его глазах промелькнуло сочувствие.

– Приказ пришёл с самого верха.

– Ещё что-то возможно изменить?

Пол отвернулся и начал поправлять какие-то бумаги на своём столе:

– Это вне моей компетенции.

Охранник молча сопровождал меня до рабочего места. Не спеша, я собрал вещи в картонную коробку. Он отобрал у меня ключ-карту, довёл меня до выхода и проследил, чтобы я покинул здание. Я шёл и удивлялся своей реакции. Всё-таки в этой конторе я проработал более десяти лет, а выкинули меня непонятно за что, дав всего десять минут на сборы. Но у меня не было никакой обиды, только лёгкое удивление, пополам с равнодушием. Видимо, моя голова была занята совсем другим, потому на происходящее я смотрел отстранённо, как будто это происходило не со мной.

Только я дошёл до машины, которая находилась на четвёртом этаже парковки, и закинул коробку в багажник, как раздался звонок. Я был уверен, что звонит Пол, и тут же ответил, но услышал голос другого человека:

– Адам?

– Да, кто это?

– Мы говорили с тобой на днях в кафе. Три дня прошло. Ты готов обсудить продажу монеты?

– Это из-за вас я потерял работу?

– Не знаю, о чём ты говоришь.

– Уверен, что знаешь.

– Ну если уверен, должен понимать, что дальше будет только хуже. Давай встретимся, обсудим.

Не говоря ни слова, я отключился. Не было сомнений, что моё увольнение устроил Сэм. Я не знал, что делать дальше. Так сильно разболелась голова, что даже не было желания обсуждать ситуацию с Майклом. Я решил развеяться и, оставив машину около дома, пошёл в парк.

Глава 12

В парке мне действительно стало лучше. Погуляв полчаса, я почувствовал, что боль отпустила. Я пошёл домой, и вдруг заметил впереди молодую женщину в голубом плаще. Было что-то такое в её походке, в манере двигаться, что заставило моё сердце ёкнуть. Я остановился, всматриваясь, а затем прибавил шагу, чтобы её догнать. Когда женщина услышала мои приближающиеся шаги, она обернулась и взглянула на меня. Это была Ева Идэн из Стэнфорда. Со смешанным чувством разочарования и удивления я выпалил, не поздоровавшись.

– А, это вы, Ева.

Она рассмеялась, и я снова заметил ямочки на её щеках:

– Привет, Адам!

– Привет, – ответил я смущённо.

– Так кого ты думал увидеть?

– Просто не ожидал тебя встретить здесь. Изучаешь город?

– Да. У меня выдалось немного свободного времени. Пробежалась по самым туристским маршрутам: Union square, Embarcadero, Fisherman Warf, устала и решила, что хочу в парк. А тебя как сюда занесло?

– Раньше ушёл с работы, голова болела.

– Тогда давай прогуляемся вместе.

– Конечно, с удовольствием.

Некоторое время мы молчали, но я не ощущал неловкости. Тропинка, по которой мы шли, была хожена и перехожена мною тысячи раз, всё было знакомо и привычно, и мне вдруг почудилось, что и Еву я знаю очень давно, с самого детства. Я внутренне удивился этому чувству и взглянул на нее. Девушка была в хорошем настроении и, заметив мой взгляд, улыбнулась мне в ответ искренней, какой-то детской улыбкой.

– Я провёл очень много времени в этом парке. Сейчас мой дом тоже неподалёку, а в детстве жил с родителями в нескольких минутах ходьбы от этого места и вечно тут пропадаю, катаясь на велосипеде, играя в футбол, просто шагая по тропинкам.

– Мне тоже здесь очень нравится. Даже кажется, что я уже здесь когда-то была.

Мы подошли к маленькому пруду. Я подобрал плоский камешек и запустил по гладкой поверхности воды «блинчики». Камень подпрыгнул пять раз, прежде чем утонуть.

– Адам, так ты в этом деле настоящий мастер!

– Сам удивляюсь. Раньше больше трёх раз не получалось.

– Не скромничай. Так и представляю, как ты приходишь каждый день и тренируешься.

Я взглянул на Еву. Она говорила совершенно серьёзно, но глаза горели лукавым светом. Было очевидно, что она меня подкалывает.

– Ты раскрыла мою тайну. Я готовлюсь к чемпионату мира по «блинчикам».

– Возьмёшь меня в свою команду?

– Конечно. Но тренировки будут чрезвычайно жёсткими.

– Я справлюсь!

Вдруг Ева спросила со совсем другой интонацией:

– Ты часто гуляешь здесь один?

Я понял, что она имеет в виду, и не знал, хочу ли это сейчас обсуждать. И всё-таки ответил прямо:

– Я и Лилит, моя подруга, расстались совсем недавно.

– Какое необычное имя!

– Пожалуй. С таким именем никого другого я не встречал.

– Ты слышал апокриф о Лилит? Апокриф – это сказание, не включённое в религиозный канон.

Я покачал головой.

– Во время сотворения мира Бог создал Лилит в то же время и из того же праха земного, что и Адама. Она должна была стать его спутницей жизни, но покинула Адама и стала демоном. И тогда Бог вынул у спящего Адама ребро и создал из него Еву, кость от костей его, плоть от плоти его. И стала Ева его женой.

– Я жил с демоном? Это многое объясняет.

Ева прыснула.

– Забавно, что наши имена как в этой библейской истории. А что дальше случилось с Лилит?

– Она сошлась с Самаэлем и стала его подругой и помощ-

ницей.

Ева видимо заметила, как я изменился в лице, и обеспокоенно спросила:

– С тобой всё нормально?

– Да, всё отлично. Просто интересно, никогда не слышал о таком персонаже. Кто он?

– Дух зла. Самаэль – просто другое имя дьявола.

У меня ещё сильнее заболела голова, и я снова как будто услышал скрип ржавых шестерёнок древнего механизма.

– Ева, наверное, это странный вопрос, но, как ты думаешь, дьявол действительно существует?

– Гиллель ответил на него ещё в первом веке до нашей эры. Он сказал, что всё зло в этом мире от людей, а дьявол – просто метафора.

– Тогда и Бог тоже метафора?

– Ты так думаешь? Во что же ты тогда веришь?

– Я верю в десять заповедей.

– Тогда он не мёртв. Для тебя.

Ева сказала это тихим голосом, как будто объясняя что-то себе. Я всмотрелся в неё. Что-то было в её лице неуловимое, как игра теней. Лёгкость, игривость мгновенно могли смениться серьёзным выражением, и наоборот.

– Это ты о ком?

– О Боге.

– Ты говоришь, как религиозный человек.

– Я выросла в не очень религиозной семье, но мы жили в

маленьком городке, в южном штате.

– Да, я помню, ты говорила, что из Джорджии. Расскажи о своём детстве.

– Дом моих родителей находится далеко за городом. Он небольшой, но нам хватало места, ведь я единственный ребёнок. Почти весь участок земли занимает сад, где я проводила много времени, играя сама по себе. Иногда мне казалось, что в саду был кто-то ещё – мальчик моего возраста. Я с ним разговаривала, и в моём воображении он разговаривал со мной тоже... Ты, наверно, думаешь сейчас, что я странная.

– Ничуть. Многие дети имеют воображаемых друзей.

– И ещё я читала запоем, и уходила в мир книг так глубоко, что сейчас иногда путаю, что случилось со мной, а что с героиней одного из романов, который я читала в детстве.

– Я тоже люблю читать. А что было потом?

– Потом я выросла, и уехала в университет, в Атланту. Закончив, пошла учиться дальше, защитила диссертацию и осталась там преподавать на кафедре истории. С тех пор я звоню родителям почти каждый день, хотя бы на минутку. Ты близок со своими?

– Теперь нас только двое. Я и мама. Отец умер не так давно.

– Сожалею.

– Никак не могу привыкнуть, что его нет. А где сейчас живут твои родители?

– Там же. Они на пенсии, и почти всё время проводят, занимаясь садом. Когда погода хорошая, они обедают на веранде, окружённой цветами и плодовыми деревьями.

– Похоже, у них идеальная жизнь.

Когда я это произнёс, мы подошли к перекрёстку одновременно с молодой женщиной, толкающей впереди себя инвалидную коляску. В ней сидел парень без ног. Его безучастный взгляд и ничего не выражающее лицо говорили о том, что он принимает сильные обезболивающие или находится в депрессии. На нём была футболка с надписью «Корпус морской пехоты». Услышав мою последнюю фразу, женщина внимательно взглянула на меня, но тут же отвела взгляд, – вероятно поняла: то, что я сказал, не относилось к ним. Эта мимолётная встреча тут же заставила меня переменить отношение к недавним событиям. Мои переживания по поводу работы показались мне настолько мелкими, а страхи и предчувствия такими надуманными, что я почувствовал себя неловко. Показалось глупым идти в свою неудобную квартиру, сидеть в одиночестве и думать о том, что делать дальше. Под лёгкими порывами ветра качались деревья в парке, как будто кивали головами, соглашаясь со мной, и ветер ласково гладил меня по щекам, как в детстве мама, когда я не мог долго заснуть. Рядом шла женщина, которую, казалось, знаю очень давно, и на душе неожиданно стало хорошо. Я повернулся к Еве. Она рассматривала меня и не смутилась, когда наши взгляды встретились. Она склонила голову чуть

набок и спросила:

– О чём ты сейчас думаешь?

– Удачно, что мы столкнулись.

Ева улыбнулась:

– Мне тоже так кажется.

– У тебя время есть?

– А что ты хотел?

– Пригласить в кафе. Я знаю неплохое местечко неподалёку. Без претензий, но классный кофе и сэндвичи.

– Очень жаль, но я не могу.

Ева заметила моё разочарование.

– Адам, я действительно очень бы хотела посидеть с тобой в кафешке. Но, правда, не могу. Я и так полдня моталась по городу, а у меня куча дел. Давай в другой раз.

– Не проблема.

– В любом случае нам надо скоро встретиться. Я кое-что раскопала по поводу твоей монеты.

– Что именно?

– Документы, связанные с одним человеком. Он работал в университете много лет назад, и, возможно, является тем, кого ты ищешь. Приезжай ко мне на работу, покажу.

– Когда тебе удобно?

– Давай через пару дней, надо с делами разобраться.

Я проводил Еву и пошёл домой. Шёл и думал, что чувствую себя с ней очень естественно, а в памяти почему-то всплыло: «Кость от кости, плоть от плоти». Но потом мысли

вернулись вновь к недавним событиям, и приподнятое настроение улетучилось.

Глава 13

Майкл сидел на скамейке в маленьком парке. Огненный шар солнца закатывался за горизонт, и тени высоких домов легли на парк. Температура воздуха резко падала, а на Майкле была только лёгкая курточка. Он поёжился: на него накатило воспоминание.

Их конвой из пяти машин возвращался на базу после задания. Огромное солнце приближалось к линии горизонта, и под его лучами песок в пустыне окрашивался в розоватые тона. Там, где барханы бросали свои тени, он был тёмного цвета. Обычно они старались вернуться на базу до наступления ночи, так что закаты Майкл видел нечасто. Он смотрел на пустыню, зачарованный красотой вида, и его наполнило чувство восторга, перемешанного с ощущением бессмысленности происходящего, всей этой кровавой каши, в которой так нестерпимо долго варился. Майкл думал о том, что его контракт подходит к концу, и осталось не так уже много времени до того благословенного момента, как он войдёт в родительскую квартиру, возьмёт доску для серфинга и поедет на Stinson Beach летать по волнам. Однако Калифорния казалась ему такой далёкой, практически недосягаемой, как Земля обетованная.

Затем из подсознания его тренированного мозга всплыла мысль, о том, что это хорошее место для засады. Секунды

спустя идущая впереди БМП вздыбилась от взорвавшегося под ней мощного заряда, и по их конвою начали палить из гранатометов и стрелкового оружия.

Солнце полностью спряталось за небоскребом, и в парке стало ощутимо холоднее. Чтобы согреться, он упал на асфальт перед скамейкой и отжался сорок раз. Почувствовав, что кровь по жилам побежала быстрее, снова сел на скамейку, с нетерпением взглянул на часы. Контакт сильно опаздывал. Майкл вздохнул и поднялся, решив, что дальше ждать бесполезно. В этот момент показался грузный мужчина в серой куртке. Когда он подошёл к скамейке, Майкл сказал:

– Я уже думал, что ты не придёшь.

Мужчина нервно огляделся кругом и тихонько сказал.

– Хотел убедиться, что всё чисто.

– Начитался детективов? Тебе нечего опасаться.

– Ты не знаешь его. Он может быть весёлым, обаятельным, но, если ты идёшь против него, это просто страшно. Для него не существует границ, он может сделать всё, что угодно. Это привлекает, но и ужасает.

– Что ты можешь рассказать по существу?

– Я больше чувствую, чем знаю. Но до меня доходили странные слухи. С коллекционерами, которые отказывались ему продать, происходили непонятные вещи. Кто-то попадал в аварию, у кого случался инфаркт.

– Какое он может иметь к этому отношение?

– Сэм не идёт на пролом, если это возможно избежать. Он

очень хитёр. Но многие считают, что дело тут нечисто.

– В чём его обвиняют?

– Никто его ни в чём не обвиняет, но у него репутация опасного человека. Люди Сэма боятся. К тому же у него связи с влиятельными фигурами. Поговаривают, он будет баллотироваться в мэры. Зная его, я уверен, что это не предел его амбиций.

– Что-нибудь ещё ты можешь рассказать о нём?

– Не знаю, правда это или нет, но говорят, что он скупает и уничтожает артефакты из Древней Иудеи, связанные с иудаизмом и ранним христианством.

– Зачем? Артефакты стоят огромные деньги.

– Это невозможно понять и объяснить.

– Откуда у него деньги вообще? Как он раскрутил свою фирму?

– Говорят, деньги семьи. Он не раз упоминал, что он потомок старинной аристократии.

– Я слышал это сам. Но вроде его семья переехала в Штаты из Парагвая.

– Они туда попали после Второй мировой войны. Он точно немецкого происхождения. Я слышал, как он говорил, что один из его предков был первым инквизитором Германии. Это меня так поразило, что я запомнил его имя – Конрад Марбургский.

– Ты слышал, чтобы он когда-нибудь говорил о древней иудейской монете?

– Нет, но все знают, что у него навязчивая идея, связанная с какой-то монетой. Он ищет её много лет.

– Почему?

– Не знаю. Но в этой одержимости есть что-то почти мистическое.

– Что-нибудь ещё?

– Мне как-то рассказали байку о детстве Сэма. Не знаю, насколько это соответствует правде.

– Рассказывай.

– Его родители погибли в автомобильной катастрофе, когда ему было тринадцать лет. Его воспитывал дед, человек очень странный. Он учил Сэма выживать. Бросал мальчика за городом в лесу без ничего, только с бутылкой воды, и Сэм должен был добираться до дома сам в течении нескольких дней. Или оставлял в далёком районе города без денег. Один раз дед бросил внука в Окленде, в плохом месте, и ребенка так сильно избивали, что он оказался в больнице. Сэм дико озлобился, к тому же у него не складывались отношения в школе. Наверно, он просто завидовал детям, которые жили нормальной, благополучной жизнью вместе со своими папами и мамами. Он стал отлавливать одноклассников по одному и жестоко избивать. Школа была частная, дорогая, и, когда на Сэма начали жаловаться, его оттуда без промедления выгнали. Кажется, это всё, что я знаю о нём.

– Позвони, если услышишь в офисе что-нибудь, связанное с монетой. Или просто что-нибудь интересное.

– Ладно.

***

Майкл закончил рассказывать об этой встрече и неопределённо покачал головой как будто в сомнении:

– Теперь понятно, как Сэм оказался в нашей, не самой престижной школе. И, очевидно, Сэм знает о монете. Вероятно, со школьных лет от Диего. Я думаю, они пытались ограбить старика, который тебе её дал.

– Почему же он никогда не пытался отобрать её у меня?

– Думаю, Диего так и не сказал, у кого она.

– Но теперь Сэм знает.

– Да, теперь он знает. И, думаю, твоё увольнение – это только начало.

– Я тоже так думаю.

– Если что, сразу звони мне.

– Спасибо, друг.

Глава 14

В здании исторического факультета Стэнфордского университета мне стоило приложить немало труда найти кабинет Евы.

Это была маленькая комнатка с неприметной дверью без таблички. Я прошёл мимо неё два раза, думая, что это подсобка. Наконец я догадался приоткрыть дверь и сразу увидел Еву, сидящую за столом у окна ко мне спиной. На звук она повернулась и улыбнулась мне. Ева была без очков, видимо, надела линзы. Я заметил, что у неё новая причёска. В тёмной юбке до колена и светлой блузке она выглядела гораздо привлекательнее, чем на встрече в студенческом кафе или когда мы столкнулись в парке.

– Вот где ты проводишь больше всего времени.

Ева улыбнулась:

– Да, это так. Лекции – это только малая часть работы преподавателя. Подготовка к ним, проверка тестов требует гораздо больше времени. А ещё исследования, написание статей. Так что, действительно, здесь я немало нахожусь, хотя часть работы делаю дома.

– Если бы я здесь работал, у меня бы началась клаустрофобия.

– Да, комнатка крохотная, но с окном.

Я выглянул в окно. Прямо под зданием на лужайке сту-

денты играли в волейбол.

– Когда скучно, смотришь на них?

– Что, опять играют?

– Ага. Выглядят как беззаботные дети. Завидую им. В таком возрасте мало о чём беспокоишься. Кажется, что можешь достигнуть всего. Что все дороги мира открыты для тебя.

– Все дороги мира открыты и для тебя, Адам.

– Ты – как Моисей. Он говорил, что время не существует.

– Нет, это не так. Я женщина, и поэтому очень остро ощущаю скоротечность жизни. Человек просто не должен опускать руки.

Я повернулся к Еве и оказался с ней лицом к лицу. Она не отодвинулась, не отвела взгляда глубоких, тёмно-карих глаз. В маленькой, плохо освещённой комнатке свет окна как будто фокусировался на ней, так что почудилось – Ева светится. Она вдруг мне показалась очень привлекательной, и я забыл, что собирался ей ответить.

Мы стояли несколько секунд, молча глядя друг на друга. Затем Ева опустилась на стул и придвинула мне табурет.

– Садись.

Я сел, но всё никак не мог собраться с мыслями.

– Ты хорошо выглядишь. Тебе идёт этот наряд.

– Спасибо. Решила недавно прошвырнуться по магазинам. Рада, что результат неплохой.

– Более чем.

– Не думала, что ты дамский угодник, – сказала Ева и рас- смеялась.

– Что ты, навыки давно потерял.

Места было мало, и мы сидели очень близко друг к другу. Наши локти и плечи время от времени соприкасались, и я чувствовал тепло её ноги рядом со своей. Тонкий, еле ощу- тимый аромат её духов напоминал запах цветущих деревьев ранним утром в весеннем саду.

– И духи хорошие.

– Спасибо, но вообще-то я не душилась. Молодой чело- век, вы со мной заигрываете?

Я взглянул на Еву, и по её смеющимся глазам понял, что она надо мной потешается.

– Конечно. Было бы глупо не воспользоваться ситуацией, когда дама практически сидит у меня на коленях.

Ева пихнула меня локтем.

– Где я, а где твои колени. Тем не менее джентльмен по- сле такого пригласил бы даму в ресторан. Тем более что ты обещал.

– Конечно, приглашаю. Давай прямо сегодня?

– Давай.

Ева вытащила какие-то бумаги.

– Так что ты нашла?

– Пока что немного. Двадцать лет назад в Стэнфорде ра- ботал профессор истории из Израиля Моисей Мидбар. Он пропал, как будто испарился. Просто однажды не появился

на лекции. В его квартире все вещи были на месте, было такое впечатление, что он вышел куда-то ненадолго. Вот записка из газеты. Ева протянула мне пожелтевший лист газеты. Я пробежал глазами статью. Она была короткой, и, кроме нескольких несущественных подробностей, не добавляла ничего к рассказу Евы.

– Думаешь, это тот Моисей?

– Очень вероятно. Возраст подходящий.

– А откуда у него могла быть монета?

– Не знаю, но он же историк из Израиля. Так что возможность получить её у него были.

– Это всё, что ты нашла?

– Пока да. Но где-то в Стэнфорде должен был остаться его архив. Я пытаюсь его найти.

Мне не было смысла ехать домой, а потом на встречу к Еве вечером. Слишком много времени пропало бы в пробках, поэтому я спросил: «Не пойти ли нам в ресторан прямо сейчас и какую кухню она предпочитает». Ева ответила, что, в принципе, ест всё, и выбор за мной.

Я предложил поехать во французский ресторан в соседнем городке Mountain View. До него было всего минут десять на машине. Ева с радостью согласилась, но попросила вначале заехать к ней домой, чтобы переодеться. На мои уверения, что она и так прекрасно выглядит, ответила, что поход во французский ресторан – хороший повод надеть новое платье.

Её квартира находилась недалеко. Ева пошла переодеться, а я остался в гостиной. По деталям было очевидно, что хозяйка квартиры въехала недавно и ещё полностью не обжила новое жильё, но тем не менее уже возникало ощущение уюта. Мебель стояла современная, но очень удобная, во всяком случае из кресла не хотелось вылезать. Цвета в квартире преобладали нейтральные, не раздражающие и тёплые.

На стене висела репродукция какой-то картины, которая словно состояла из двух частей. С правой стороны был изображён яркий пейзаж, полный жизни, с пышной природой и голубым небом. Пейзаж с левой стороны – диаметрально противоположность: мрачный и дикий, с искривлёнными ветками деревьев и острыми гранями камней. Эти два мира были разделены глубокой пропастью, на дне которой пенился бурный поток. Через пропасть вёл узкий каменный проход. С правой стороны он начинался от каменной арки, из которой бил свет. Арка выглядела как вход в чудесный, солнечный мир.

В левой части картины виднелся ещё один вход, который производил нерадостное впечатление. Он выглядел как пещера, в которой полыхали языки пламени. Можно было представить, что внутри находится жерло вулкана, но также пришла ассоциация, что это вход в ад. Поймав себя на этой мысли, я заметил маленькие, нагие фигурки, переходящие пропасть по каменному проходу из правой, солнечной стороны в тёмную. Их трудно было разглядеть, но от них веяло

безнадёжностью и отчаянием. Я начал догадываться, о чём эта картина.

Ева не заставила себя долго ждать. Она так преобразилась, что в ней невозможно было узнать ту девушку «синий чулок», какой она мне показалась при первой встрече. Элегантное вечернее платье спускалось чуть ниже колен и прекрасно подчёркивало её стройную фигуру. Ева повернулась вокруг себя и спросила

– Ну как?

– Мне нравится. Деньги не зря потрачены.

– Ты очень романтичен, – улыбнулась Ева.

– Я говорил, что давно потерял форму. Начну практиковаться, оттачивать забытое мастерство.

– Я в тебя верю!

Развеселившаяся Ева быстро надела туфли, и мы поехали в ресторан. Было ещё рано для обеда, поэтому из шести столиков был занят только один.

Я был здесь всего лишь раз до этого, года три назад, когда мы с Лилит ехали покупать Булгакова – трёхмесячного котёнка. Тогда у нас была полоса хороших отношений, и Лилит хотела ребёнка, я – нет. Как говорится, сошлись на коте. Женщина, которая продавала котёнка, жила на южном краю Кремниевой долины, в маленьком городе с подходящим названием Los Gatos.⁵ По дороге мы останавливались пообедать в Mountain View.

---

⁵ Los Gatos (исп.) – кошки, коты

С тех пор маленький, уютный, с чёрно-белыми фотографиями Парижа на стенах и старомодной мебелью ресторан не изменился.

Когда за столиком мы обсуждали список вин, к нам подошёл чуть полноватый, среднего возраста официант с ранней лысиной, которую он старался прикрыть зачёсанными на лоб волосами. Обратив внимание на Еву, он весь расплылся от удовольствия, и сказал что-то по-французски. Я ничего не понял, а Ева засмеялась и ответила:

– Нет, я не француженка.

– Извиняюсь, я обычно не путаю. Что будете пить?

– Мне бокал шардоне, вот этого, из Сономы, – заказала Ева.

– Замечательный выбор, – заметил официант.

– Я буду бокал бордо, – я показал на название вина в списке.

– Вы никогда не ошибётесь, заказав французское, – самодовольно произнес официант и отправился за вином.

Ева поднялась, пояснив, что ей надо отойти на пару минут. Вскоре пришёл официант с бокалами.

– Начнёте с закусок?

– Нет, мы сразу закажем главные блюда.

– Что вы будете?

– Мне говядину бургиньон.

– А вашей жене?

– Она будет вот эту рыбу.

– Отлично.

Когда Ева вернулась, я обратил внимание, что она подкрасила губы помадой и поправила причёску.

– Я заметил у тебя на стене в гостиной картину.

– Понравилось? Это «Изгнание из рая» Томаса Коула.

– Художника я, конечно, не знал, но о сюжете догадался.

Почему ты выбрала эту репродукцию?

– Меня эта история интересовала с детства.

– Почему?

– Мне кажется, что это очень глубокий по содержанию миф. Ты его знаешь?

– В принципе, все это знают. Бог запретил Адаму и Еве есть плоды с Древа познания, но дьявол в образе Змия соблазнил Еву попробовать, и разгневанный Бог выгнал их из райского сада.

– В общем, правильно, но это на уровне сюжета. А как ты думаешь, что символизирует эта история?

– Похоже, лучше будет если ты мне расскажешь, – улыбнулся я.

– Тут можно рассматривать под разными углами и давать разные интерпретации. Очевидно, что история изгнания из райского сада связана ещё с более древней легендой о Золотом веке, части мифологии многих народов. Тогда человек жил в гармонии с природой, не зная бед и горестей. Корни мифа о Золотом веке восходят ко временам перехода людей к земледелию. Золотой век – воспоминание о первобытном

состоянии человека.

– Сомневаюсь, что в обществе охотников-собираателей жилось легче.

– Людям свойственно идеализировать прошлое.

– Знаю по себе. Тем не менее земледелие – это же прогресс. Жизнь людей улучшилось.

– Далеко не для всех, прежде всего для элиты.

– Это не удивляет.

– Можно также сказать, что это история взросления. Но не подростка, а человечества. Только вкусив запретный плод с Древа познания, человек отделился от природы, и стал готов покинуть Райский сад.

– Но ведь Ева поддалась уговорам Змия и тем самым нарушила запрет Бога.

– Ты думаешь, что всеведущий Бог не знал о Змии в саду? Он дал людям свободу воли. Если Ева сорвала запретный плод, это значит, что люди были готовы к новому этапу бытия, в котором жизнь полна испытаний и страданий, но радости и свободы тоже.

– Наверное, им хотелось обратно в Рай.

– Мы все ностальгируем о детстве, о доме родителей, но, когда вырастаем, уходим и уже никогда не возвращаемся насовсем.

Мне казалось, что я слишком откровенно уставился на Еву и рассматриваю её. Нет ничего привлекательнее внешне интересной, обаятельной женщины, которая к тому же ум-

на и с характером. Я встряхнул головой чтобы отвлечься от этой мысли.

– У тебя для блондинки необычно тёмные карие глаза.

– Чтобы увидеть истинное лицо человека, надо смотреть в корень.

– В смысле?

– В данном случае в корни волос, – сказала Ева и засмеялась.

– А, ты красишься.

– Неужели незаметно? Как легко всё-таки вас, мужиков, обвести вокруг пальца!

– Да уж. Но мне кажется, брюнеткой тебе было бы лучше.

– Может быть. Но, когда у меня светлые волосы, я чувствую себя по-другому. Более раскованной, легкомысленной.

– Легкомысленной? Пожалуй, надо заказать тебе ещё бокал вина.

– Ты меня недооцениваешь. Одним бокалом не обойдёшься!

После обеда я отвёз Еву домой и проводил до двери. Тут подумалось: не попробовать ли попроситься на кофе или хотя бы поцеловать на прощание? Пока я размышлял, Ева шагнула ко мне, обняла, чмокнула в щёку и с возгласом «Спасибо, Адам, за приятный вечер!» повернулась ко мне спиной и открыла входную дверь.

На моей щеке алела помада как печать, в крови плеска-

лось бордо, а в душе была досада. Обзывая себя нерешительным болваном, я вернулся к стоянке. В машине обнаружил в телефоне пропущенный звонок и сообщение. Это была Лилит. В тот момент я ещё не знал, что она уже сошлась с Сэмом.

Глава 15

Чёрный Mercedes-Benz SLR McLaren резко затормозил с левой стороны от выдавшего вида грузовичка. В машине на месте пассажира осталась сидеть молодая женщина, а водитель вышел. Рослый широкоплечий мужчина с длинными светлыми волосами и чеканными чертами лица был одет в джинсы, футболку и спортивный пиджак неброского вида. Человек определённого круга легко определил бы по деталям, что эти простые вещи стоили заоблачную сумму.

Из грузовичка выскочили двое лет двадцати с татуировками и манерами уличной шпаны. Один – черноволосый и коренастый, среднего роста. Второй, шатен, был выше и менее крепко сбитый. Их уверенность в своей крутизне несколько сдулась при появлении мужчины, но они не хотели потерять лицо друг перед другом, к тому же их было двое против одного. Черноволосый парень, считавший, по-видимому, себя главным, заговорил:

– Чувак, ты чо творишь?!

– Ребята, вы меня подрезали. Пришлось вас догонять, чтобы объяснить, что так водить нельзя.

– Объяснил? Вали отсюда.

– Сначала вы должны извиниться.

– Чо, берега потерял? Имели мы тебя, твою бабу и твой «Мерс». Вали отсюда, пока не отгрёб.

– Понял, произошла ошибка. Я не знал, что наткнулся на таких бравых ребят. Давайте разойдёмся с миром.

Мужчина достал кошелёк и вытащил сто долларовую купюру. Черноволосый ощущал подвох, но жадность пересилила. Он протянул руку за банкнотой. Мужчина резко её схватил, вывернул за спину и, толкнув парня в спину, с силой припечатал его головой о дверку грузовичка. Пока второй осознал, что произошло, и нерешительно шагнул в сторону мужчины, чтобы помочь приятелю, черноволосый уже был на земле. Худощавый быстро отступил назад. Мужчина презрительно ухмыльнулся и пошёл к своей машине. Перед тем как сесть, он стряхнул несуществующие пылинки с пиджака и провёл рукой по голове, словно приглаживая растрепавшиеся в столкновении волосы.

– Сэм, я так понимаю, ты собирался произвести впечатление этим представлением? – спросила его спутница.

– Произвёл?

– Если бы я была старшеклассницей, то наверняка.

Сэм засмеялся:

– Надеюсь, коллекция вин в моем доме будет иметь бóльший эффект.

Дом Сэма стоял на холме. Через квартал от него жил основатель компании Оракул, а чуть дальше семья сенатора штата Калифорния. В доме было темно. Когда Сэм включил свет в столовой, Лилит увидела, что длинный стол элегантно сервирован блюдами с едой, и спросила:

– Сколько гостей ты ждёшь?

– Как и говорил: нас ждёт интимный обед вдвоём. Я просто попросил моего повара не дать мне упасть в грязь лицом. Выбери, что тебе нравится.

Сэм зажёл свечи на столе и выключил свет. Окна были наполовину открыты, и ветер надувал занавески, словно паруса на старинном корабле. Под его порывами пламя свечей колебалось, и странные, гротескные тени плясали по стенам комнаты.

– А вот и оно: знаменитое «Шато Латур», любимое вино моего деда. Он рассказывал, что впервые попробовал его летом 1940 года во Франции. Дед всегда с ностальгией вспоминал то время и все вина, которые тогда открыл для себя. Это навсегда осталось у него на первом месте. Потом мы можем спуститься в винный погреб, и я покажу тебе свою коллекцию.

Сэм разлил вино по бокалам.

– Давай выйдем на веранду.

Они встали у самого края с бокалами в руках. Прямо под ними лежал район Марина. Чуть дальше, с правой стороны, в темноте виднелись очертания форта Мэйсон. По бульвару шёл поток машин, а чуть дальше чернели воды залива.

– У меня большие цели, которые мне ещё предстоит достигнуть, но в общем я доволен своей жизнью, – поделился Сэм. – Ещё недавно мне казалось, что у меня есть всё, что я хочу. А если нет, то всегда могу это купить. Но теперь осо-

знал, что этого недостаточно. Я понял, что мне нужен партнёр, близкий человек, с которым эту жизнь я могу разделить.

Сэм повернулся к Лилит, так что их лица оказались близко друг к другу, и взял её за плечи, ожидая, что она подставит губы для поцелуя. Но вместо этого Лилит отвернула голову в сторону и движением плеч сбросила руки Сэма.

– Для провинциального актёра это было бы неплохо. Будь я девочкой-дурочкой, то поверила бы, что ты в меня влюблён.

– Почему ты думаешь, что это не так?

– Такие, как ты, по-настоящему могут любить только себя.

– Может быть. Но и ты такая же.

– И я не верю, что наша встреча в баре была случайной.

– Ты умна. И ты действительно меня привлекаешь.

– Так что тебе нужно?

– Твоя помощь.

– В чём?

– Это касается твоего парня, Адама. У него есть одна вещь, она мне нужна.

– У Адама? Мне трудно представить, что у него есть что-то, что могло бы тебя заинтересовать.

– Ты видела когда-нибудь у него старинную монету? Мне говорили, что он носит её на цепочке, как медальон.

– Нет, не видела. Она очень ценная?

– Для меня, да.

– Ты хочешь забрать её себе?

– Да.

– Это его очень расстроит?

– Возможно.

– Ты это сделаешь, даже если придется применить силу?

– Я предпочитаю другие способы, но ... безусловно.

– Я тебе помогу. Я его ненавижу.

– Почему?

– Я всегда подозревала, что у него в жизни есть или была другая женщина. Кто-то, кого он продолжает любить и о ком всё время думает. А я не из тех, кто прощает такое.

– Понимаю.

– И ещё одно.

– Слушаю.

– Ты меня привлекаешь тоже. Мы сделаны из одного теста. Или скажем так. Я думаю, что могу стать такой, как ты.

– Какой?

– Живущей согласно моей внутренней сущности. Плюющей на правила, законы, мораль.

Сэм ухмыльнулся и сказал скорей для себя, чем для Лит.

– Это всё монета. Все, кто связаны с ней, меняются. Открывают своё истинное лицо, проявляют то, что заложено в них. Но только уничтожив её, я стану тем, кем я должен стать.

Глава 16

Утро не было радостным. Когда я проснулся, в голове ещё мелькали обрывки странного сна. Я ребёнок. Потерялся в каком-то большом здании, полным людей, искал отца. Наконец я увидел знакомую куртку, и радостно побежал к стоявшему ко мне спиной папе. Уже за несколько шагов до него я начал догадываться, что это не он, но то ли по инерции, а может, ещё надеясь, что это не так, я добежал и хлопнул его по спине. Мужчина обернулся, но это был не отец, и даже не человек. Лицо его было гладкое, как яйцо, и только виднелась прорезь рта. Оцепенев, я всматривался в безликое существо, и вдруг медленно на его лице стали проступать черты, как будто нарисованные неумелым художником. Они становились всё более чёткими и реалистичными, и в какой-то миг я понял, что смотрю в лицо Сэма Аэля. Стоило мне догадаться, кто перед мной, его лицо стало опять гладким, как яйцо.

Я отшатнулся и побежал. Бежал долго. Но когда обернулся, увидел, что чудовище стоит там же, не сдвинувшись ни на шаг, а я по-прежнему рядом с ним. И хоть у него не было глаз на повёрнутом ко мне лице-яйце, было понятно, что оно наблюдает за мной. Я снова побежал, ещё быстрее. Но опять ничего не изменилось. Чудовище по-прежнему стояло и смотрело на меня. И тогда я сделал то, чего сам от себя не

ожидал: повернулся и, преодолевая нарастающий ужас, направился прямо к нему. Последний шаг мне дался с невероятным трудом, но я всё-таки сделал его и ударил мерзкую тварь. И проснулся.

Я потёр лицо, стараясь окончательно прийти в себя и стереть память о ночном кошмаре из памяти. Чтобы занять свои мысли, стал вспоминать встречи с Евой – как мы сидели, касаясь плечами, в её маленьком кабинете, как в ресторане официант решил, что она моя жена, и как горели её глаза, когда она рассказывала что-то интересное. На душе стало легче. «Надо придумать предлог встретиться с Евой», – подумал я.

Но сегодня вечером мне предстояла совсем другая встреча. Мы договорились с Лилит, что я приеду к ней на новую квартиру. Мысль об этой встрече совсем не радовала. Непонятно, что Лилит от меня нужно. Это меня настораживало. Мысли мои перескочили в прошлое, на наши отношения.

Первые трещины в них появились по прошествии двух лет с нашего знакомства, когда физическое притяжение перестало быть решающим любые проблемы наркотиком, каким оно было когда-то в самом начале. Меня по-прежнему влекло к ней, но я уже замечал в ней проявления эгоистичности, стремление мной манипулировать и частые, непонятные мне смены настроения. Моё присутствие стало раздражать её тоже. Но самое главное – ко мне пришло понимание, как мало у нас общего, что нам даже не о чем поговорить.

Кроме того, в моём сознании снова начали всплывать, как будто кадры из фильма жанра фэнтези, встреча с Моисеем, разговор с ним и та юная девушка. Прошло столько лет, и я уже не понимал, что из этих воспоминаний реально, что привиделось, а что было только игрой моего воображения. Не раз Лилит в такие моменты спрашивала, о чём я думаю, а когда я отнекивался, она говорила, что будто я не с ней, а где-то далеко-далеко. И это было правдой.

Но окончательный надлом произошёл гораздо позже, после моей поездки в Нью-Йорк. В то время наши стычки с Лилит участились, и когда подвернулась командировка, я с радостью за неё ухватился. Послали меня не одного, а с Рэйчел из соседнего отдела. Мы до этого не были знакомы, хотя, конечно, я знал, кто она такая. Невысокого роста, чуть полноватая блондинка с большой грудью и с весёлым, симпатичным лицом – из тех, кто вроде и не красавица, но при этом рядом всегда вьётся много мужчин.

Поселили нас в хорошем отеле в Манхэттене, к югу от Центрального парка. После работы мы пошли в ресторан пообедать, а позже вечером спустились в бар в гостинице. Было лето, и Рэйчел переделась в короткие белые шортики и в блузку без рукавов с глубоким вырезом, который время от времени демонстрировал нескромному взгляду верх кружевного бюстгалтера. Мне приятно было смотреть на её женственную фигуру и задорное личико с полными губами и слегка вздёрнутым носиком.

Мы пили коктейли, шутили, смеялись. Рэйчел оказалась хохотушкой, и мне с ней было просто и легко. Конечно, я флиртовал, но просто так, для развлечения, без всяких дальнейших намерений. В какой-то момент Рэйчел сказала, что со мной весело, и было бы здорово, если бы её муж не был таким занудой. Я ответил, что отношения вещь сложная, и мне тоже не так легко со своей подругой. После нескольких коктейлей Рэйчел ушла в туалет, и, вернувшись, подошла ко мне сзади. Положив руку мне на плечо, она спросила, можно ли попробовать то, что пью я. Естественно, я разрешил. Рэйчел начала тянуть коктейль прямо из моей трубочки, не поднимая стакана от стола, а нагнувшись так, чтобы пышная грудь упиралась в мои плечо и спину.

Мы ещё посидели с часок, поболтали, посмеялись, а потом поднялись в мой номер. Я ей даже ничего не говорил, она просто со мной пошла, как будто это было само собой разумеющимся. Больше у нас ничего никогда не было, но после этой командировки всегда, сталкиваясь со мной на работе, Рэйчел улыбалась мне особой, многозначительной улыбкой, как какому-то сообщнику, с которым у неё был общий секрет. Я же испытывал чувство неловкости, особенно после того, как на рождественской корпоративной вечеринке встретил её мужа и сына лет пяти.

Лилит не могла всего этого знать, но наши отношения стали намного хуже. Она стала ещё более раздражённой и недовольной жизнью. Может быть, обостренный инстинкт жен-

щины ощущал чувство вины, которое я испытывал. Но мы, ругаясь и мирясь, прожили вместе ещё несколько лет после той командировки.

***

Вечером я заехал за Майклом, и мы поехали к Лилит. Я попросил его взять с собой пистолет, но он просто рассмеялся и потрепал меня по плечу.

– Не понимаю, почему ты решил, что это какая-то ловушка, – сказал Майкл. – Ведь Лилит и Сэм друг друга не знают.

– Что-то не так. Почему она позвонила именно сейчас?

– Мало ли. Может, уезжает в отпуск и хочет, чтобы ты забрал кота. Как там его звали? Такое странное имя.

– Возможно, я ошибаюсь, но что-то здесь нечисто.

– Ты стал параноиком. Но я, в принципе, не против навестить старушку Лилит. Если бы ты не был моим другом, то я бы давно попытался отбить такую красотку.

– Ну, у тебя есть шанс сейчас. Как говорится, куй железо пока горячо.

– Я просто шучу.

– Я знаю.

– Ты с кем-то начал встречаться?

– Почему ты так решил?

– Ты как-то по-другому выглядишь. Счастливее, что ли.

– Мы просто друзья.

– Что с ней не так?

– С ней всё так. Симпатичная, умная женщина. Мне она

нравится.

– Но?

– Но она не может быть той девушкой.

Майкл только хмыкнул и посмотрел на меня так, что я буквально видел, как он мысленно покрутил пальцем у своего виска.

– Раньше тебя это не останавливало.

Я засмеялся:

– Не думаю, что это остановит меня и в этот раз. Мы просто толком не успели начать встречаться.

– Слава богу, пациент не безнадежен.

– Да, всё не так запущено, как ты думаешь.

Майкл искоса посмотрел на меня, сделал участливое выражение лица и похлопал по плечу:

– Не переживай, возможно, просто вовремя не побритые ноги спасли девушку от опрометчивого поступка.

– Я рад, что твой юмор не сильно изменился со времён школы. Это придаёт уверенности в незыблемости бытия.

Мы подошли к зданию и, осмотревшись, я увидел табличку с номером. Да, это был дом, где она жила, адрес совпадал. Поднявшись на второй этаж, я позвонил в дверь. Лилит открыла сразу. Тут же выскочил Булгаков, и мурлыкая потёрся об мои ноги. Вот кого я был рад видеть! Я почесал его за ушами, кот от удовольствия закрыл глаза и замурлыкал ещё сильнее.

Лилит была особенно хороша в этот вечер. Её черные как

Смоль волосы были подняты в верх, открывая высокий белый лоб. Большие миндалевидные глаза под бровями с изломом были темны как ночь, в которой еле-еле мерцала скрытая облаками луна. Прямой, чуть длинноватый нос с лёгкой горбинкой и под ним пухлые, чувственные губы, которые подчеркивала ярко-красная помада в тон лаку на ногтях. На ней была мини-юбка и облегающая блузка. Лилит ничуть не изменилась за те шесть лет, что мы знакомы, и выглядела так же молодо, как и в двадцать два года, когда я впервые её увидел.

Поздоровавшись, Лилит дружески обняла меня и Майкла и пригласила в комнату. Там стоял сервированный стол на двоих. Лилит поставила дополнительную тарелку и столовые приборы.

– Садитесь ребята. Я на кухню – за спагетти с фрикадельками.

Майк проводил её взглядом.

– Не жалеешь?

– Ты о чём?

– Очень, очень секси. Она даже стала красивей, чем раньше.

– Что-то ей от меня сильно нужно. Не нравится мне всё это.

– Не волнуйся, если будет сильно приставать, спасу.

Я даже не улыбнулся. Колокольчик в голове звучал всё тревожнее и тревожнее.

Лилит вернулась с глубокой миской макарон и с тарелкой фрикаделек на подносе. Пожелав друг другу хорошего аппетита, мы принялись за еду. Лилит явно была в хорошем настроении, в каком я её давно не видел. Майкл ел с удовольствием, а мне кусок в горло не лез. Подождав из вежливости минут пять, я решил взять быка за рога.

– Так что ты хотела меня попросить?

– Да успеем ещё обсудить. Разлей лучше вино по бокалам.

Я налил всем вина и продолжил:

– Мне очень приятно, что ты так нас встретила. Правда, не ожидал. Но у меня планы на вечер, надо скоро идти. Чем я тебе могу помочь?

– Пустяк, просто я хотела, чтобы ты поговорил с моими друзьями.

– С какими друзьями?

В это время раздался звонок в дверь.

– А вот и они, – сказала Лилит и пошла открывать.

Вошли двое мужчин. В одном из них я узнал человека со сломанным носом, который подходил ко мне в кафе. Сзади него высился здоровяк под два метра ростом, с широкими плечами и бычьей шеей.

«Сломанный нос» недоброжелательно взглянул на Майкла, явно не ожидая увидеть его здесь. Видимо, ему не нужен был лишний свидетель, но он решил не менять планов и перевел взгляд на меня.

– Я тебя предупреждал по поводу монеты. Все сроки вы-

шли. Она нам нужна.

– Мне тоже.

– Тебе придётся её отдать.

– А если я скажу нет?

– Ты познакомишься ближе с Тони.

Здоровяк ухмыльнулся.

– Это было мило с твоей стороны, Лилит, устроить эту встречу. Мы уходим.

Я поднялся и направился к двери. Майкл закинул в рот ещё одну фрикадельку, не спеша поднялся и, дожёвывая на ходу, пошёл за мной. Проходя мимо Лилит, он поднял вверх большой палец и сказал:

– Классные фрикадельки. Не забудь покормить ими своих новых друзей!

Но Тони не дал мне пройти к двери. Он схватил меня своей громадной, как лопата, ладонью и начал больно сжимать предплечье, демонстрируя недюжинную силу кисти. Я попытался оттолкнуть его другой рукой, но он легко перехватил её своей свободной, и я оказался как в тисках. Майкл стоял расслабленно, демонстрируя полное отсутствие угрозы, но я знал, что он выжидает хороший момент прийти на помощь. Тони и его напарник не обращали на него никакого внимания, но Лилит, конечно, помнила, что представляет из себя Майкл, и бросила на него тревожный взгляд. Но первым на помощь пришёл Булгаков. Нет, он не бросился на Тони, не вцепился когтями ему в ногу. Не знаю, что в этот момент

творилось у него в голове, но мой любимый котяра подошел к Тони, и начал мочиться ему прямо на ботинок. Не выпуская меня из рук, Тони попытался пнуть Булгакова. Несмотря на боль, я начал смеяться, и никто не заметил, как Майкл оказался рядом с нами и ударил Тони в челюсть. Тони, заваливаясь и оседая вниз, потянул меня за собой. Я вырывался из его слабеющих рук и не увидел, как Майкл оказался рядом со «сломанным носом», успев скрутить его до того, как тот вытащил из кармана пистолет. Стукнув для острастки лежащего вниз лицом противника головой об пол, Майкл вытащил из его пистолета обойму и сунул её себе в карман. Пистолет же он пнул ногой под диван.

Сражение заняло считанные секунды. Тони, ещё не придя в сознание, лежал на полу в лужице мочи Булгакова. Его напарник уже приподнялся и сидел, зажимая рукой нос, из которого потоком текла кровь. По-видимому, Майкл снова его сломал. Лилит стояла в растерянности и широко-раскрытыми глазами рассматривала поле боя, в которое превратилась её квартира.

– Ещё раз спасибо за гостеприимство, Лилит. Майкл прав, фрикадельки действительно удались.

Мы направились к двери. С перекошенным от злости лицом Лилит крикнула нам вслед:

– Думаешь, ты победил?! По сравнению с ним ты никто, и он это просто так не оставит.

– Передай привет Сэму, – ответил я, закрывая дверь за

собой.

На улице Майкл взглянул на меня и сказал:

– Тебе надо сваливать из города на какое-то время.

– Куда? Уйти в монастырь к Диего? Это мой город, и бежать я никуда не намерен. И вообще-то мне пора начинать искать работу. Сколько можно проедать запасы.

– Я получил заказ, и мне надо уехать на пару недель. Не хочу оставлять тебя одного. Тем более в этом деле мне пригодится твоя помощь. Нанимаю на работу.

– Куда ты едешь?

– В Портленд.

Я пожал плечами.

– Могу с тобой съездить и помочь. Естественно, ни о каком найме речи быть не может.

– Хорошо, договорились. Я тебе расскажу по дороге, чем мы будем заниматься. Какое бы ты хотел себе имя?

– В смысле?

– Я сделаю тебе фальшивое удостоверение.

– Алекс.

– Хорошо, а фамилия будет Адамс. Алекс Адамс. Меньше будет возможности проговорится. Выезжаем завтра вечером.

Глава 17

Перед отъездом я позвонил Еве и сказал, что уезжаю. К моему разочарованию, мне показалось, что она не расстроилась, а скорей удивилась. Она пожелала хорошего пути и обещала дать знать, если будет что-то новое по поводу Моисея или монеты.

От Сан-Франциско до Портленда по самому короткому маршруту на машине ехать часов десять. Поэтому лететь мы и не собирались. Кроме того, ещё решили сделать крюк и заскочить по дороге на озеро Crater, раз была такая возможность. Это очень глубокое и круглое озеро заполняло кратер потухшего вулкана, отсюда и название.

Добирались мы без приключений, по дороге Майкл рассказывал о деле. История в принципе была довольно тривиальная. Елена – школьница из приличной, обеспеченной семьи в Сан-Франциско сбежала из дома. Майкл показал мне фотографию. С фотографии на меня смотрела молоденькая рыжеволосая девушка с серьезным лицом и внимательным взглядом. Кольцо пирсинга в носу выглядело неуместным на интеллигентном лице. Из особых примет у неё была татуировка крыльев птицы в нижней части спины.

Кто-то видел Елену в Портленде, в компании одной из группировок «Антифы», которых так много в этом городе. По непроверенной информации, она тусовалась с «Джиха-

дистами климата». Программа их была проста как три копейки: отказ от использования углеводородных энергоносителей, сворачивание «несущественного» производства и замена свободного рынка командно-распределительной экономикой. Оригинальный лозунг, видимо, они себе придумать не удосужились и просто позаимствовали тот, что, в принципе, действительно подходил под их идеологию: «У тебя ничего не будет, и ты будешь счастлив»⁶.

После преодоления спирали поднимающейся вверх дороги мы подъехали к озеру. Несмотря на начало осени, в некоторых местах ещё можно было увидеть не до конца растаявший, грязноватый снег, оставшийся с прошлой зимы.

Мы подошли к краю обрыва, на котором росли сосны. Под нами, как произведение гениального мастера, лежала круглая чаша озера, заполненная синей водой. Слева виднелся тёмный конус Острова Волшебника. Мы стояли и смотрели на фантастически красивую, почти магическую картину, в которой то ли небо отражалось в синеве озера, то ли озеро отражалось в голубом ясном небе. Майкл повернулся ко мне и попросил посмотреть монету. Я снял цепочку с шеи и протянул ему. Он долго рассматривал, а потом зажал монету в кулак и сказал:

– В ней действительно есть что-то особенное. Тебе не кажется, что от неё идёт тепло, как будто в тебя перетекает энергия?

---

⁶ Всемирный экономический форум (ВЭФ)

– Не знаю, с этой монетой у меня столько связано, что она мне всегда казалась необыкновенной.

Мне почудилось, что Майклу не хочется расставаться с монетой, но он протянул её обратно мне:

– Помнишь, как я завалил этого бугая в квартире Лилит? С одного удара, а ведь ты стоял так, что мешал мне толком замахнуться. Всё это, конечно, глупости, игра моего воображения, но монета как будто делает меня сильнее.

– Может глупости, а может и нет. Мы многого не знаем о нашем мире.

Глава 18

В Портленд мы приехали поздно вечером. Остановились в небольшом мотеле на краю города. Переночевав и позавтракав в забегаловке рядом с мотелем, мы празднуем, как туристы, отправились погулять по центру города. Вечером нам предстояло пойти в пивную, где по сведениям Майкла, любители тусоваться «Климатисты» и представители других группировок «Антифы».

Памятник на кладбище Lone Fir солдатам индейских войн, американо-мексиканской и гражданской войны в Америке был практически восстановлен после недавних вандализмов. Граффити с антиколониальными лозунгами были стерты, но на памятнике остались выщерблины от удара при падении, когда его опрокидывали. Статуя Линкольна в South Park Blocks была реставрирована гораздо лучше, но и тут можно было увидеть следы работы вандалов, если внимательно приглядеться.

– Похоже, ты решил провести меня по местам боевой славы «Антифы», – заметил я Майклу.

– А хочешь посмотреть автосалон БМВ, который они недавно разнесли?

– Серьёзно?

– Ну да, прямо в центре города. Ворвались толпой, побили машины битами.

– А полиция?

– Полиция приехала, но даже близко к ним не подошла. Там была толпа, сотни человек. Приехавших забросали камнями и пакетами с фекалиями. Полиция ретировалась.

– Да, знакомый сценарий.

– Чего я не понимаю, так это при чём тут памятники, – задумчиво сказал Майкл. – Ну ладно, стычки с полицией, поджог здания суда, машины. А памятники-то при чём?

– Один умный человек объяснил мне недавно, что такие вещи делаются, чтобы вычеркнуть память о чём-то из истории или, в данном случае, изменить восприятие исторических фактов. «Антифа» хочет разрушить старый порядок и заменить его новым. Это не просто осквернение памятников, они хотят изменить отношение к связанным с ними людям и вещам. Заменить один миф об Америке на другой. Миф о сияющем городе на холме – образце свободы, демократии и равенства всех перед законом – мифом об империи зла, которая уничтожала коренных жителей и угнетала чернокожее население своей страны. Оба мифа не правда, точнее далеко не полная правда.

– Я за эту страну воевал и за свой миф, как ты выражаешься, буду бороться, – мрачно сказал Майкл.

– Мир, который они хотят построить, будет на порядок хуже того, который существует сейчас. То, что они делают, доказывает, что они не глупы. Они понимают, что в конечном

итоге, куда мы идем определяет не «Сумма технологии»⁷, а «Сумма теологии»⁸, то есть совокупность идей и историй, в которые мы верим. Это фундамент, на котором всё стоит. Они его и хотят разрушить.

– Всё это чересчур заумно для меня, – ответил Майкл. – Я знаю одно: враг у наших ворот, а точнее уже в нашем доме.

Вечером Майкл проинструктировал: смотреть в оба глаза в пивной, дать ему знать если замечу кого-то, похожего на Елену, и постараться хоть с кем-то познакомиться.

– У тебя шансы выше, чем у меня. Твой невинный вид поможет, – добавил Майкл.

– Невинный? – удивился я.

– По мне сразу видно, что я тёртый калач, а ты выглядишь безопасным, внушаешь доверие. Постарайся завести разговор. Может тебе повезёт, и они окажутся из «Антифы».

В пивную мы пришли около девяти вечера. Вошли по отдельности, с промежутком минут пять. Обстановка была уютная. Приглушённое освещение. Нештукатуренные стены не скрывали кирпичной кладки светло-коричневого цвета. Деревянные столы, сделанные под старину, почти все были заняты. В просторном помещении расположились в основном молодёжные компании, но были и люди постарше, парами. Кто-то уставился на большие телевизионные экра-

---

⁷ Философско-футурологический трактат польского писателя-фантаста Станислава Лема.

⁸ Философско-богословский трактат Фомы Аквинского.

ны, расположенные в нескольких местах на стенах, по которым показывали баскетбольный матч, но большинство посетителей просто сидели и болтали. Мне остро захотелось, чтобы сюда сейчас вошла Ева. Мы бы сели вдвоём за столик, заказали бы пива с куриными крылышками, болтали, смеялись и подначивали бы друг друга.

Побродив по залу и не увидев никого похожего на Елену, я подошел к стойке, чтобы заказать пива. Одинокий парень, да ещё и не пьющий, а просто бродящий по залу, наверняка смотрелся странно. С кружкой пива будет комфортнее, решил я. Заодно заказал жареные крылышки в остром соусе, раз мне так их хотелось. Пока ждал заказ, уловил разговор ребят, которые сидели за стойкой бара рядом со мной. Вначале подумал, что мне показалось, но затем явно расслышал русское имя – Пётр Верховенский. Я прислушался к разговору и удивился, поняв, что обсуждается книга Достоевского «Бесы». Разговаривали трое ребят, похожие на студентов. Все они были одеты в тёмные джинсы и в чёрные или тёмные футболки. Черноволосый парень в очках говорил с большим увлечением и, вероятно, был их лидером. Он объяснял, зачем Петру Верховенскому нужно было убийство Ивана Шатова. Этот роман я читал очень давно, и хитросплетения, детали сюжета и роли различных персонажей в событиях книги давно стёрлись из моей памяти, хотя помнил, что Верховенский организовал убийство Шатова, чтобы повязать членов своего революционного кружка кровью. Слушать было инте-

ресно, и, видимо, двум товарищам черноволосого тоже. Они следили за рассказом внимательно, даже как-то напряжённо, вставляя время от времени реплики или задавая вопросы.

– Обсуждаете книгу Достоевского? – Парень в очках с интересом взглянул на меня. – Не думал, что кто-либо его читает в этой стране, тем более «Бесов».

– Но вы, похоже, читали, – сказал парень в очках и обаятельно улыбнулся.

– Мне положено. Я вырос в городе, в котором жил писатель.

– Так вы из России? Я не слышу никакого акцента.

– Моя семья переехала в Штаты очень давно, я был ещё ребенком. А вы, ребята, студенты?

– Не совсем. У нас типа литературный кружок. Вы, похоже, не местный?

– Я из Сан-Франциско.

– Хороший город, я там бываю время от времени.

Парень в очках, по имени Ник, предложил подсесть к ним. Мы разговорились. Он расспрашивал меня, что я помню о жизни в России, чем занимаюсь в Сан-Франциско и как оказался в Портленде. На последний вопрос я ответил, что потерял работу и поехал развеяться. Нику я, похоже, был интересен, и завязался разговор на разные темы. Мне было интересно их послушать, особенно Ника. Надо сказать, он оказался настроенным весьма радикально по многим вопросам и в то же время был явно начитан, харизматичен и мог пре-

красно аргументировать свою точку зрения. Спыхватившись, я понял, что заболтался, и прошло немало времени. Видимо, соскучился по общению с новыми и неглупыми людьми. Пришлось сказать ребятам, что мне было приятно познакомиться с ними, но нужно отлучиться по делу. На прощание Ник сказал, что у них есть помещение, которое они используют как клуб и пригласил заходить, если у меня будет время. Мы обменялись номерами телефонов. Я, конечно, дал временный, с предоплаченной карточкой, как и советовал мне сделать Майкл перед поездкой.

Захватив кружку с остатками пива, я походил по залу и наткнулся на Майкла. Он тоже пил пиво, сидя один у стойки бара в другой части помещения. Увидев меня, Майкл едва заметно махнул головой в сторону выхода. Я допил, поставил кружку на стойку и вышел. Через пару минут показался Майкл.

– Ну как успехи? – спросил Майкл.

Я смущенно пожал плечами:

– Никого похожего на Елену не видел. И ни с кем из «Антифы» не познакомился, заболтался тут с одними ребятами.

Майкл усмехнулся:

– Знаешь, с кем ты разговаривал? С Ником Тайлором. Он же известен под кличкой Троцкий. Это глава «Климатистов».

– Серьёзно? Такой приятный образованный парень! По виду типичный студент.

Майкл иронично улынулся:

– Не ведись на его манеры. Ник социопат, мастер манипулирования людьми. Я в курсе его досье. Поверь мне, там много чего любопытного. Он студент-недоучка. То ли сам ушёл после второго курса философского факультета, то ли выгнали.

– Мы с ним обменялись телефонами. Он пригласил меня прийти в их клуб.

– Отлично. Адрес дал?

– Нет.

– Тогда надо ждать его звонка. Сам не звони, излишний напор может отпугнуть.

– Думаешь, позвонит?

– Думаю, что да. Ты его, видимо, чем-то заинтересовал.

– Что мы делать будем дальше?

– Отсюда надо уходить от греха подальше. Всё сложилось так удачно, не надо попадаться ему на глаза, а то вызовешь подозрения. Сейчас подежурим у его квартиры. Посмотрим, горит ли в ней свет, и с кем он вернётся домой.

– У тебя есть его адрес?

– Конечно. Я всегда тщательно готовлюсь к командировкам.

После того как мы подъехали к дому Ника и разобрались, куда выходят окна его квартиры, стало понятно, что дома у него никого нет, если, конечно, кто-то не предпочитал проводить время в полной темноте. Нам пришлось просидеть

часа два, но мы всё-таки дождались появления его машины. Ник был один. Он вошёл в подъезд, и через несколько минут в его квартире загорелся свет, подтвердив, что окна вычислили правильно. Делать там больше было нечего, и мы отправились в мотель.

Глава 19

«Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека. И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много»

Новый Завет, Евангелие от Марка

Последующие дни пролетели один за одним, похожие друг на друга как горошины из одного стручка. Днём мы бродили по центру, в местах, где тусовалась молодёжь: на набережной, в парке, в кафе. Вечером мотались по барам, а потом дежурили у квартиры Ника. Ночевали в мотеле, утром приезжали к его квартире и следили за его машиной. Уже на второй день адрес его клуба был нам известен. Он находился недалеко от центра, но район выглядел весьма обшарпанным. Дешёвые домишки, возле которых тусовался странный народ. Местами прямо на улице валялся мусор.

Мы дежурили в заброшенном здании напротив клуба. В одни дни туда почти никто не приходил, тогда как в другие появлялись большие группы людей, в основном молодые ребята от двадцати до тридцати пяти лет. Но Елены среди них не было.

Так, без больших событий, прошла неделя, а ближе к выходным раздался звонок Евы на мой мобильник. Я очень обрадовался. Ева была в отличном настроении. Расспросив ме-

ня, как мои дела, она невинным голосом осведомила, всегда ли я сбегаю в другой город после знакомства с девушкой. В глубине душе я понимал, что она меня подначивает, но до конца уверен не был. На мои жалкие попытки оправдаться Ева посоветовала мне не переживать, ведь она понимает, что знакомство с ней может привести в бегство любого нормального мужчину. В этот момент Ева не выдержала и засмеялась. После разговоров о том о сём, она сообщила, что нашла немного материалов из архива Моисея. Среди них были фотографии, и Ева была уверена, что мне будет интересно их увидеть. Я пообещал встретиться с ней, как только вернусь.

Только я собрался поговорить с Майклом о возвращении домой, так как пользы от меня всё равно было немного, как раздался звонок Ника. Уточнив, нахожусь ли я ещё в Портленде, Тайлор предложил подойти часам к трём в клуб.

Чтобы не светиться, Майкл высадил меня, не доезжая до клуба несколько кварталов, и припарковал машину за углом. Адрес, который дал Ник, привёл меня к двери на последнем, четвёртом этаже запущенного офисного здания. Я постучал. Какой-то парень приоткрыл дверь и спросил, что мне нужно. Услышав, что меня пригласил Ник, он впустил меня внутрь, а сам уселся за стол рядом с дверью и продолжил разговор с парнем постарше.

Помещение было довольно просторным и действительно выглядело как клуб. Вдоль стен были расставлены столы со стульями. Ближе к дальнему углу находился стол для пинг-

понга, а рядом с ним у стены стоял холодильник. Сверху холодильника кто-то поставил несколько пакетов с чипсами. На стене висели две фотографии.

Человека на одной из них было легко узнать. Этот портрет растиражирован на многочисленных футболках и бейсболках. Со стены на меня смотрел молодой человек с длинными волосами, в берете с пятиконечной звездой. Меня всегда удивляло, как Эрнесто Че Гевара после смерти превратился в одну из самых романтизированных фигур второй половины двадцатого века. Ирония судьбы заключалась ещё и в том, что капиталистический мир, против которого он боролся, с успехом коммерциализировал его образ и до сих пор зарабатывал на этом немало денег.

На второй фотографии был человек гораздо старше, в пенсне и с бородкой. Я не был точно уверен, но подумал, что это Троцкий. Судя по кличке Ника, это и был тот бог, на которого он молился.

Из соседней комнаты появился Ник, поздоровался, предложил выпить пива и, открыв холодильник, достал две бутылки. Кроме пива, по-видимому, в холодильнике больше ничего не было.

– Алекс, я пытался найти тебя на сайтах социальных сетей. Оказалось, много людей с таким именем и фамилией, но я не видел твоего профиля. Кто ты реально такой?

– Я Алекс Адамс. Могу водительское удостоверение показать. А в социальных сетях меня действительно нет. Я пред-

почитаю читать книги вместо дурацких сообщений.

– Ты правда говоришь по-русски? – внезапно сказал на русском Ник с жутким английским акцентом.

От неожиданности я рассмеялся и подтвердил сквозь смех, ответив по-русски:

– Да, говорю.

– А почему американская фамилия?

– Да вся семья поменяла, когда мы принимали американское гражданство. Никто не мог старую ни произнести толком, ни тем более написать.

– Ок, – сказал Ник, – верю, что ты тот, за кого себя выдаешь. Тем не менее, как говорится: доверяй, но проверяй.

Он махнул рукой двум парням за столом, которые давно перестали болтать и внимательно следили за нашим разговором. Они тут же встали и подошли. Один из них, блондин с хорошо прокаченной мускулатурой, подошел ко мне и начал меня охлопывать.

– Всё чисто, босс, – сказал он Нику, закончив проверку.

– Алекс, извини, но это надо было сделать. Ты ведь, наверно, понял, кто мы такие?

– «Антифа»?

– Да. И мне бы не хотелось, для блага нас обоих, чтобы ты оказался федеральным агентом или полицейским с микрофоном за пазухой.

– Я понимаю, без обид.

– Ты далеко не глуп, вроде не труслив, и мне нужны свои

люди в Сан-Франциско. Хочешь быть одним из нас?

– Ну, я в принципе вас поддерживаю, но что конкретно мне надо будет делать?

– Вначале немного. Ты должен завоевать наше, моё доверие.

– И как это доверие завоёвывается?

– Выполнением заданий и серией испытаний.

– Надеюсь, ничего незаконного, и это не закончится для меня тюрьмой?

Ник засмеялся, но потом сделался серьёзным снова.

– А даже если так? Как сказал Ницше, бог мёртв. Мертва старая мораль, старые законы. Ты должен понять сам, кто ты. Тварь ли дрожащая или право имеешь? Мы работаем на благо всего человечества. Хорошо, морально и законно всё, что способствует нашим целям.

Ник продолжал говорить. Я смотрел на Ника, в его горящие чёрные глаза, вслушивался в красивый, полный убедительный силы голос, но смысл потока речи стал ускользать от меня. Я не пытался понять, что он говорит, а думал о том, играет ли он или действительно верит в свои слова.

Ник замолчал, внимательно всматриваясь в меня, возможно понимая, что я мысленно отключился. Чтобы замять неловкую паузу, я сказал:

– А кто ты такой, по правде, Ник?

Ник засмеялся и ответил:

– «Скажешь, что я лишь мечтатель. Но я не один такой».⁹
Подобных мне тысячи и тысячи. И нас поддерживают многие
влиятельные люди, даже в правительстве. Мы – будущее, и у
тебя есть шанс быть частью его. Ты готов?
– Всегда готов! – выпалил я.

---

⁹ Строка из песни Imagine Джона Леннона

Глава 20

Я вышел из клуба измотанным, но на Майкле, который всё это время просидел в машине, вообще лица не было.

– Если бы ты ещё немного задержался, я бы не выдержал, и пошёл за тобой.

– Слава богу, что ты этого не сделал.

– Уже стал думать, что ты прокололся. Что так долго?

– Вначале Ник долго трепался, а потом дал мне задание.

– Какое?

– По профессии. Составить отчет по расходам и доходам, у него тетрадка с записями.

– Сфотографировать удалось?

– Нет, телефон у меня перед этим отобрали.

– И что интересное ты там увидел?

– Особо говорить не о чем. В записях он использовал кодовые слова, ничего не понятно. Но в ящике стола я видел распечатку: банковский перевод на большую сумму. Я записал оба счета.

Я протянул Майклу бумажку.

– Интересно, конечно, кто их финансирует, но это вряд ли поможет в нашем деле. Но я пробую это по своим старым каналам.

– А это может нам помочь? – сказал я протянул Майклу салфетку.

Он развернул её и увидел кольцо для пирсинга.

– Очень похоже на то кольцо, что было на фотографии Елены.

– И я так подумал.

– Тем не менее надо признать, мы не продвинулись ни на шаг.

Вечером я долго не мог заснуть. События дня прокручивались у меня в голове, и в памяти всплывали слова Ника. Что-то меня сильно тревожило, но что? Кроме того, ночь выдалась холодная, и мы включили обогреватель. Так как motel был дешёвенький, вентилятор работал шумно, мешая мне спать, тем более что он находился у меня прямо над ухом.

Проснулся я рано, болела голова. В короткий миг между сном и бодрствованием меня осенило, – я наконец осознал, что меня мучило и не давало покоя. Мне захотелось сразу обсудить это с Майклом, и я его разбудил. По старой армейской привычке он проснулся мгновенно и спросил, в чём дело. Я ответил, что надо поговорить, но сначала сварю кофе. Майкл, конечно, поворчал, что это могло бы подождать ещё час-другой, но встал и пошёл в душ. В номере нашлась кофеварка и отвратительный дешёвый кофе, но это было лучше, чем ничего. Пока он мылся, я сварил это пойло и, набросав побольше сахара себе в кружку, чтобы заглушить вкус, сделал пару глотков. Голове немного полегчало.

Когда Майкл вышел и оделся, он тоже взял кофе, разме-

шал сахар, и морщась отпил:

– Удивительная гадость.

– Это точно, – подтвердил я.

– Так о чём ты хотел поговорить?

Я заколебался, не зная, как начать. Всё то, что казалось таким чётким и очевидным в моей голове, с трудом поддавалось озвучиванию. Наконец, я решился:

– Ник планирует что-то вроде ритуального группового убийства, чтобы повязать организацию кровью. И мне кажется, что жертвой будет Елена.

– И как ты пришёл к такому выводу? – серьёзно глядя на меня, спросил Майкл.

– Это как кусочки головоломки. Все эти разговоры, ссылки на Достоевского, на роман в котором описана точно такая же ситуация. Наконец, кольцо для пирсинга, которое я нашёл. И ещё он говорил, что довольно часто бывает в Сан-Франциско. Там они могли познакомиться с Еленой.

Майкл, покачал головой и сделал ещё глоток кофе, снова поморщившись:

– Ты хоть понимаешь, насколько это всё притянута за уши?

– Понимаю, – ответил я, – но в последнее время я научился доверять своей интуиции.

– Ну хорошо. Допустим, ты прав. Что ты предлагаешь делать?

– Пойти в полицию? – неуверенным тоном сказал я, по-

нимая, как глупо это звучит.

– Ну да, частный детектив, с треском выгнанный с полицейской службы и безработный бухгалтер, поговорив о литературе с известным троцкистом, пришли к выводу, что он готовит ритуальное убийство.

– Не бухгалтер, а финансист, – мрачно буркнул я в ответ. – Но, Майкл, мы не можем это просто так оставить. Может обобщем его квартиру? А вдруг там что-то, что приведёт нас к Елене?

– Ты предлагаешь взломать его квартиру? Ты понимаешь, что мы можем сесть, если нас поймают? Лицензии частного детектива я точно лишусь.

– Мне всегда казалось, что ты ничего не боишься.

– А мне казалось, что ты ужасно законопослушный.

– Видимо, мы знаем друг друга не так хорошо, как казалось.

– Не удивительно. Познакомились, когда нам уже было тринадцать.

– Серьёзно, ты же бывший полицейский. Просто сделай так, чтобы мы не попались.

Майкл задумался, а потом неохотно ответил:

– Ладно, пойдём сегодня вечером. По субботам он возвращается не раньше двенадцати, как правило. Дождемся, когда он уедет, и сразу начнём. Я пойду в квартиру, ты будешь следить за обстановкой у дома. Смотри в оба. Если что, сразу звони мне.

Мы подъехали часам к девяти к дому Ника, поставив машину так, чтобы удобно было наблюдать за его подъездом, но в то же время не очень бросаться в глаза. Я ожидал, что буду нервничать, но чувствовал себя спокойным, как будто всё это происходило не со мной, а с героем детективного романа.

Мы прождали недолго. Ник вышел из дома и сел в машину. Было видно, что он звонит кому-то по телефону. Дождавшись момента, когда Тайлор уехал, Майкл вышел из машины и скрылся в подъезде. Час пролетел незаметно, я наблюдал за обстановкой, но потом задумался о своём и отключился.

Вдруг меня как током ударило. Кто-то подходил к двери подъезда. В свете фонаря я увидел, что это Ник. Лихорадочно я набрал номер Майкла, но мне отвечал голосовой почтовый ящик. Только потом мы выяснили, что в этом районе у него плохо работала связь, и звонки не всегда проходили. Я попробовал дозвониться ещё раз, но опять безрезультатно. Не зная, что делать, в ужасе я выбежал из машины. Забежав в подъезд, услышал звук поднимающего лифта и бросился вверх по лестнице. Не знаю, чего я боялся так сильно, но в тот момент мне казалось, что самое главное – не дать Нику застать Майкла в квартире врасплох. Когда я добежал до этажа, Ник стоял у двери, собираясь её открыть. На мои шаги он обернулся и сразу сунул руку со связкой ключей обратно в карман.

– Эй, Ник! – сказал я первое, что мне пришло в голову. –

Мне надо у тебя кое-что спросить.

– Видимо, мне у тебя тоже, – сказал Ник, по-прежнему держа руку в кармане.

Я сделал шаг к нему. Блеснуло лезвие ножа. Я хотел его ударить ногой сбоку в колено, но он увернулся и попытался полоснуть меня. Я отступил, но он шагнул ко мне и ударил ещё раз. На этот раз мне удалось только прикрыться рукой. Обожгла боль, я вскрикнул и почувствовал, как потекла кровь. Послышался звук открывающейся двери. Ник обернулся, и в это момент я ударил его в кадык кулаком. Ник захрипел и схватился за шею. Майкл обхватил его сзади и резком рывком забросил в квартиру. Раздался звук падающего тела. Майкл захлопнул дверь, и мы рванули вниз.

В мотеле Майкл осмотрел мою рану, и сказал, что мне повезло, просто кожа разрезана. Он продезинфицировал руку виски и перевязал бинтом из автомобильной аптечки. Может рана действительно была неглубокой, но ныла сильно, и от пережитого стресса меня трясло. Майкл налил мне виски и сам выпил за компанию.

Я поинтересовался, нашёл ли он что-нибудь. Майкл кивнул, ответив, что, возможно, да. Порывшись в кармане, он бросил на стол визитку. На ней было написано «Кафе Подорожник». Что заинтересовало Майкла, мне было непонятно, но, когда я перевернул карточку, всё стало очевидно. На обратной стороне крупным, почти детским почерком было написано «Елена».

– Я поеду проверю кафе, – сказал Майкл.

– Я с тобой.

– Знаешь, ты не в том состоянии. Да и видок у тебя. Ссадина на лице, кровавый бинт.

– Ладно, останусь в номере.

Конечно, я понимал, что Майкл прав, и спорить мне с ним не хотелось.

Майкл отсутствовал недолго, меньше часа. Когда он вошёл, я сразу понял, что он в хорошем расположении духа.

– Похоже, ты не зря пострадал.

– Нашел её?

– Ну да, она там работает официанткой. Её смена закончилась, но один из работников тут же её узнал по фотографии. Завтра подъедем к открытию кафе, чтобы он не успел ей рассказать, что я о ней расспрашивал.

Глава 21

Спал я опять очень плохо, всю ночь болела рука. На следующий день я привёл себя более-менее в порядок, и мы отправились в «Подорожник». Это место оказалось дешёвой закуской на въезде в город. Мы взяли пива, чтобы не привлекать к себе внимания. Когда Елена вышла в зал, мы легко её узнали. Выглядела она как-то взрослее, кольцо в носу исчезло, короткая стрижка, но сомнений не возникло – это была Елена.

Встретила нас она настороженно. Похоже, пока Елена отмечалась на работе, парень с которым вчера говорил Майкл, предупредил её. Майкл начал разговор в лоб, без долгой раскочки.

– Елена, меня наняли твои родители, чтобы я тебя разыскал. Они очень беспокоятся, ты ведь им не звонишь.

– У меня всё нормально.

– Они хотят, чтобы ты вернулась домой.

– Этого не будет.

– Почему?

– Они хотят, чтобы я была, как они. Прожила скучную, предсказуемую жизнь. Хорошо училась, поступила в университет. Получила денежную, но не очень тяжелую профессию. Вышла замуж, купила дом в пригороде, в престижном районе, родила им внуков.

– А что в этом всё́м плохого?

– Я хочу, что в моей жизни был смысл. Какая-то большая цель.

– Ник – социопат. Он тобой манипулирует. А «Климатисты» – это кучка не нашедших себя в этой жизни неудачников.

– Я больше не в отношениях с Ником, но это неважно. Я впервые среди людей, где я своя, чьи цели я поддерживаю. Они думают не только о собственном благополучии, а о благе всего человечества.

– Не надо иллюзий. Реально их не волнует никто, кроме них самих. Люди для них лишь средство для достижения их «великих» целей. Находиться среди них небезопасно.

Елена промолчала, упрямо уставившись на что-то поверх наших голов. Майкл вытащил телефон, набрал номер, и протянул девушке.

– Поговори хотя бы с мамой.

Елена взяла телефон и выключила связь.

– Я не знаю, о чём говорить с родителями. И заставить вернуться меня никто не сможет. Мне уже исполнилось семнадцать.

Продолжение разговора успеха не принесло. Она попросила нас уйти, угрожая позвать менеджера, и нам пришлось ретироваться. Майкл тут же перезвонил родителям Елены, и буквально через несколько дней они вылетели в Портленд. Но в кафе выяснилось, что Елена уволилась в тот же день

после нашего разговора. Её адреса то ли никто не знал, то ли она успела съехать.

Следующий раз я услышал о Елене где-то через год от Майкла. Он рассказал, что полиция Портленда нашла в парке останки молодой женщины. При ней документов не было, но по записям стоматолога вычислили, что это Елена. Мы не раз с мучительной болью вспоминали нашу встречу с ней в «Подорожнике», и думали о том, что нам так и не удалось найти слова, которые могли убедить её вернуться в родительский дом.

Обратно мы выехали очень рано. Большую часть дороги ехали молча. Майкл хмурился, досадуя на ситуацию, в которую мы влезли с Тайлором, и переживая, что Елену не удалось уговорить поехать домой. Он был уверен, что Ник не будет заявлять в полицию, но, как говорится, неприятный осадок остался. Мало того, что мы нарушили закон, вломившись в его квартиру, но вдобавок были при этом застигнуты, то есть явно лоханулись. Несмотря на то, что рука ещё болела, я, в отличие от Майкла, ехал в хорошем настроении, мысленно улыбаясь в предвкушении встречи с Евой. Мы договорились на этот же день. Майкл должен был высадить меня вместе с сумкой в Стэнфорде, а после встречи я собирался взять Uber и уехать домой.

Где-то на середине дороги кто-то позвонил Майклу на мобильник. Я не прислушивался к разговору, продолжая витать в облаках, но слышал, как Майкл сказал «интересно»,

«вот как», «ты очень мне помогла». После разговора Майкл взглянул на меня, и я сразу понял, что он хочет что-то обсудить.

– Позвонили по поводу денежного перевода, который ты видел у Ника.

– Раскопали что-нибудь?

– Счёт, с которого были переведены деньги, принадлежит «Дому антиквариата», компании Сэма. И примерно такого порядка суммы регулярно отправляются ещё дюжине адресатов, кроме Ника.

– И что это значит?

– Это значит, что Сэм – кукловод, который дёргает за многие верёвочки.

Всё это нам очень не понравилось. Но что с этим делать? Конечно, Сэму могло бы повредить, если бы мы сообщили прессе, что кандидат в мэры финансирует чёрт знает кого, но информация была получена незаконно, и доказательствами мы не располагали.

Глава 22

С Евой мы договорились встретиться в саде скульптур Родена в Стэнфордском университете, около центра изобразительных искусств Джеральда Кантора. Я присел на округлую бетонную скамеечку, положил сумку и отправил сообщение, что уже приехал.

Ева появилась минут через пятнадцать. Я увидел её изда- лека. На ней было лёгкое летнее платье под цвет волос, перехваченное пояском на тонкой талии, на ногах – красивые босоножки на каблуке. Я тут же почувствовал, как непривлекательно выгляжу: ссадина на лице, рука, перевязанная бинтом, запачканным в нескольких местах, несвежая футболка.

Ева подошла ближе, взглянула на меня и присвистнула.

– Привет! Похоже ты не скучал в Портленде.

– Да уж, не могу пожаловаться. Помогал другу, частному детективу.

– Драки, погони, роковые женщины? Колись!

Я улыбнулся.

– Конечно, всё так. И меня зовут Бонд. Джеймс Бонд.

– Мистер Бонд, вы готовы отведать запретного плода?

Я удивленно взглянул на Еву:

– Что ты имеешь в виду?

Она засмеялась и достала из сумки гранат, расколотый пополам, в пластиковом пакете.

– Вот проходила мимо фермерского рынка. Попробуй, выглядит очень спелым.

Ева взяла половину граната себе, а вторую протянула мне. Позади нас возвышались здания университета, сложенные из желтовато-бежевого известняка, напоминающего иерусалимский камень. Сверху, с безоблачного неба смотрело на нас всевидящим оком яркое калифорнийское солнце. Ветер качал зелёные ветки деревьев, трепал распущенные волосы Евы и игриво раздувал её платье. В лучах солнца ядрышки граната горели как драгоценные рубины. Красиво было до боли, так что у меня перехватило дыхание, и я не понимал, хочу ли я её оттолкнуть или, наоборот, прижать к себе. Не знаю, насколько долго это продолжалось, наверное только мгновение, которое показалось мне почти бесконечным, но, наконец, я неожиданно для себя самого взял Еву за руку и мягко потянул к себе так, что её лицо с сияющими глазами оказалось прямо перед моим. Целуя Еву, я чувствовал губы женщины, их вкус и запах. Но что-то было в этом необычное, нереальное. От медово-цветочного аромата кружилась голова, а затем по всему языку и горлу как будто разлилась сладость. Непонятно чего испугавшись, я отстранился. Ева испытующе посмотрела на меня, а потом рассмеялась.

– Ты как-то не так воспринял мои слова про запретный плод.

– Видимо, вошёл в роль Бонда, – смутился я.

– Мне приятно, что ты так рад меня видеть, – с лёгкой

иронией улыбнулась Ева.

Чтобы побороть чувство неловкости, я закинул в рот несколько ядрышков граната:

– Действительно спелые, – подтвердил я, стараясь вести себя так, как будто ничего не произошло. – Так что ты хотела мне показать?

– Я нашла часть архива, думала, тебя заинтересует.

Ева вытащила нескольких фотографий из сумочки и протянула мне. Ошибиться было невозможно. На них был человек, который как две капли воды походил на незнакомца из моего детства. На одной из них он был сфотографирован буквально в нескольких шагах от того места, где мы сидели, перед «Вратами ада» Родена. Второе место, как мне показалось, я тоже узнал.

– Это собор Грейс в Сан-Франциско?

– Да, – сказала Ева. – Вход с востока, знаменитые «Врата рая». Это реплика дверей старинной церкви во Флоренции. Это все фотографии, которые мне удалось обнаружить.

– «Врата ада», «Врата рая». Как будто он посылал какое-то сообщение. Что это может значить?

– Не знаю. Может, он пытался сказать, что врата рая и врата ада не так уж далеки друг от друга. Я ещё нашла несколько его статей. Это странное совпадение, но, кажется, у него была навязчивая идея, связанная с апокрифом о Лилит. У него куча заметок на эту тему. Может, он просто готовил материал для книги. Сейчас покажу, – Ева вытащила распечат-

ку из сумочки. – Здесь записи о Самаэле, Лилит и архангеле Михаиле.

– Как они связаны?

– Если коротко, то Самаэль и Лилит – враги рода человеческого, а архангел Михаил – его защитник.

Ева перебрала несколько страниц, и её глаза расширились от удивления.

– Что не так?

– Я не помню, чтобы было что-то подчеркнуто в этих бумагах.

Я бросил взгляд. Внизу страницы жёлтым фломастером было выделено: «Самаэль и Лилит всегда будут плести заговоры против детей Божьих, и эта война никогда не закончится».

– Мог ли кто-нибудь сделать это после того, как ты просмотрела бумаги?

– Вряд ли. Сумочка была со мной всё это время.

Глава 23

После в поездки в Портленд, у Майкла выдалось свободное время. Других заказов не было, и он решил, что надо бы собрать информацию на Сэма, тем более что тот имел отношение к портлендскому делу. Майкл был не очень занят ещё и потому, что бывшая жена не разрешала встречаться с дочкой, пока он не выплатит долги по алиментам. С деньгами было туго, Майкл с трудом смог заплатить месячную плату за офис. «Ну ничего, пробьёмся как-нибудь, – подумал он, отгоняя от себя грустные мысли. – Бывали времена и похуже».

Майкл знал, что «Дом антиквариата» будет принимать участие в торгах «Раритеты Ближнего Востока» в старинном отеле «Фэрмонт». Здание располагалось на холме, в популярном районе Nob Hill, рядом с ещё одной достопримечательностью Сан-Франциско – собором Грейс. Собор Грейс – епископальная церковь, но она позволяла использовать свои обширные помещения представителям других конфессий. В детстве Майкл ходил сюда на занятия по Библии, которые вёл католический священник, отец О'Брайан.

Одевшись поприличнее и взяв удостоверение репортёра, которое ещё пару лет назад ему сделал знакомый редактор газеты, Майкл явился ко второй половине торгов, когда должны были выставляться наиболее ценные предметы.

Понаблюдав за публикой, детектив достаточно быстро заметил молодого мужчину в очках, в рубашке с логотипом «Дом антиквариата». Он равнодушно сидел, не участвуя в торгах, пропуская лот за лотом, в то время как вокруг него кипели страсти. Впрочем, когда на торги выставили древний свиток с текстом какого-то религиозного или философского трактата и назвали начальную цену, мужчина засуетился, как будто проснувшись. Он начал активно торговаться, повышая ставки. Майкл был первый раз на такой распродаже и с изумлением наблюдал, как начальная цена сперва удвоилась, а затем утроилась. Когда аукционист громким ударом молотка известил о окончании торгов за свиток, мужчина оказался победителем, и артефакт перешёл во владение «Дома антиквариата». Больше ставок он не делал до самого окончания аукциона, но иногда записывал что-то в своём блокноте.

Когда народ потянулся к выходу из зала, Майкл подошёл к мужчине. В этот момент он протирал очки, и удивлённо посмотрел на Майкла подслеповатыми глазами. Детектив представился репортёром газеты, работающим над статьёй об аукционах, связанных с редкими древними артефактами. Майкл поздравил мужчину со сделкой и попросил разрешения задать несколько вопросов. Тот пребывал в хорошем расположении духа и не возражал.

Майкл расспрашивал, как заправский журналист: нравится ли ему эта работа, не находит ли он её стрессовой, как он решает до какой цены повышать ставки, и откуда у него

уверенность, что вещи, за которые он торгуется, подлинные. Мужчина, польщенный таким вниманием к своей скромной персоне, с удовольствием отвечал.

Походив вокруг да около, Майкл наконец подобрался к теме, которая его на самом деле интересовала.

– Я слышал о вашей фирме. Говорят, что, когда дело касается раритетов Ближнего Востока, вы перебиваете все ставки на аукционах.

Мужчина перестал улыбаться, и уклончиво ответил:

– Раз на раз не приходится.

Майкл решил немного надавить:

– Первоначальная цена сегодняшней покупки более чем утроилась. Ваши клиенты должно быть очень заинтересованы в расширении коллекции.

Мужчина напрягся и остро, с подозрением взглянул на Майкла.

– Я отвечаю только за покупки. В любом случае это конфиденциальная информация.

– Давайте поболтаем в более приятной обстановке в баре за углом, я угощаю.

Мужчина отказался. Майк понял, что дальнейшие распросы бесполезны. Досадуя на себя, что не сыграл более тонко, поблагодарил и распрощался. «Вот так, незаметно, шаг за шагом, хороший детектив превращается в лоха», – ругал себя Майкл, выходя из отеля.

Тем же вечером около одиннадцати раздался звонок. Но-

мер был неизвестен Майклу, но он ответил. Смутно знакомый голос, сильный, уверенный, с какими-то неожиданно бархатными интонациями спросил:

– Майкл?

– Да, кто это?

– Твой старый знакомый.

В голове как будто щёлкнуло, и несмотря на прошедшие годы Майкл мгновенно понял:

– Сэм?

– Смотри, ты меня узнал. Не ожидал.

– Что тебе нужно?

– Ты по-прежнему прямолинеен. Вначале бы сказал, что рад меня слышать, спросил, как у меня дела и так далее.

– Я в курсе, слежу за новостями.

– Отлично. Значит ты знаешь, что я не последний человек в этом городе.

– Ты звонишь, чтобы убедить проголосовать за тебя? – сострил Майкл.

Сэм засмеялся.

– Да, ты правильно понял, твой выбор наверняка будет решающим. Но хватит шуток, перейдем к делу. Твой приятель Адам – упрямец. Играет со мной в кошки мышки. Но это не может продолжаться вечно. Помогите мне, и он избежит неприятностей, всё закончится красиво и цивилизованно.

– О чём ты говоришь?

– Ты прекрасно знаешь. Мне нужна монета. Я отблагода-

рю тебя щедро за помощь.

Что-то в интонациях голоса Сэма было завораживающее, почти гипнотизирующее. Раньше Майкл такого не замечал. Из любопытства он спросил:

– Что же ты мне предложишь?

– Я наполню твою жизнь смыслом.

– Ну и ну. Ты случаем не страдаешь манией величия?

– Я дам тебе возможность стать кем-то и что-то значить в этом городе.

– Так что ты конкретно имеешь в виду?

– Ответственную должность в полиции после моей победы на выборах.

Майкл ничего не ответил. Сэм знал, как надавить на его болевые точки. Когда Майкл представил, что он снова начнет работать в полиции, у него защемило в груди.

– Но и это ещё не всё. Я могу дать тебе нечто большее, – не дождавшись ответа Майкла, добавил Сэм.

– И что же это?

– Внутренняя сила. Я поделюсь ею с тобой. Если ты держал монету в руках, то ты меня понимаешь.

Майкл вспомнил тепло, идущее от монеты, и ощущение энергии, перетекающей в него.

Он понимал, что его откровенно соблазняют, но как будто находился под воздействием магического заклинания и не было сил прервать Сэма. Он только откашлялся, а Сэм продолжил:

– А вдобавок и Лилит отблагодарит тебя по-своему. Ты ей всегда очень нравился.

Перед внутренним взором Майкла тут же возник образ Лилит, какой он видел её последний раз, на новой квартире, в мини юбке, демонстрирующей красивые ноги, и блузке, подчеркивающей высокую грудь. На лбу Майкла появилась испарина, которую он вытер тыльной стороной ладони. Нервно облизав губы и не сказав ни слова на прощание, он нажал кнопку на телефоне, оборвав разговор.

Глава 24

«Величайшая уловка дьявола состоит в том, чтобы убедить вас, что он не существует»

Шарль Бодлер

После возвращения домой меня захватила рутина. Сэм себя никак не проявлял, и я пытался уверить себя, что пересядел грозу в Портленде. Однажды позвонил Майкл, спросил, всё ли спокойно, и рассказал об аукционе в отеле «Фэрмонт». По какой-то причине, он не упомянул тогда о звонке Сэма и я узнал об этом намного позже, когда вся эта история закончилась.

Я читал объявления о работе и отправлял резюме. Из одной конторы даже позвонил рекрутер и, расспросив меня, назначил собеседование. С Евой после приезда я больше не встречался, чувствуя по-прежнему неловкость после нашей встречи в саде Родена, но планировал пригласить на свидание в ближайшие выходные. Казалось, что жизнь как-то налаживается.

Был ещё не поздний вечер, хотя уже очень темно, наверное из-за облаков, которые мягкой шапкой висели над городом уже вторые сутки. Когда я подошёл к своей квартире и собирался достать ключ, то заметил, что дверь не закрыта. Осторожно, чтобы не наделать шума, вошёл внутрь. В квартире стояла странная тишина, по комнатам гулял ветер. Ок-

но было распахнуто, хотя я помнил, что закрывал его перед уходом. По всей квартире в беспорядке валялись на полу мои вещи, вываленные на пол. Судя по всему, кто-то в них рылся, пытаюсь найти монету.

Когда я открыл дверь в спальню, образовался сквозняк, который поднял и закружил заметки Моисея, которые дала Ева при нашей последней встрече. Я поднял и положил листки обратно на тумбочку, где увидел пирсинг, как две капли воды похожий на тот, который я стащил в клубе в Портленде. Не знаю, сколько человек вломились ко мне домой, но оставленное послание на тумбочке говорило о том, что среди них был Ник.

Квартира казалась загаженной прикосновениями чужих рук, и мне физически неприятно было в ней находиться. В задумчивости я спустился по лестнице и вышел на улицу. За те несколько минут пока я был дома, погода окончательно испортилась, и пошёл дождь. На улице было противно: темно и туманно. По лицу стекали холодные капли морозящего дождя. Я шёл по узким, безлюдным улицам города. В слабом жёлтом свете фонарей здания казались искажёнными, словно нарисованные человеком с больной психикой, а деревья вдоль улиц будто надвигались на меня, зажимая и вызывая клаустрофобию, как на картинах Ван Гога в период его пребывания в психиатрической лечебнице. Всё ещё погружённый в свои мысли, я шёл по тротуару, когда почувствовал, что кто-то наблюдает за мной из-за дерева. Я резко повер-

нулся и сделал шаг в этом направлении, пытаясь разобраться, кто это, и увидел бездомного в куче тряпья. Старый бомж улыбнулся мне беззубым ртом и покивал головой.

Ева ответила на звонок сразу, как будто ждала. На мои сбивчивые объяснения ответила кратко: «Приезжай». Когда я вошел к ней, квартира показалась удивительно светлой после темноты ненастного вечера. Я снял мокрую куртку и пошёл на кухню, где меня уже ждали горячий чай и бутерброды, которые приготовила Ева. Мы пили чай, ели, болтали, даже смеялись, и моё напряжение таяло. Дом Евы казался незыблемым, счастливым островком в бурном океане, и здесь ничего плохого со мной не могло случиться.

Ева спросила меня, почему я столько лет живу в одном и том же районе. Я задумался, пытаясь объяснить это самому себе.

– Мне нравится близость к парку. У нас свой микроклимат, и часто бывает туманная погода.

– Ты так любишь туман?

– Я люблю всматриваться в него. Для меня он олицетворяет будущее, которое всегда загадочно, неопределённо и полно ещё не реализованных возможностей. Смотрю на клубы тумана, которые двигаются среди деревьев, соединяются, распадаются, создавая и разрушая причудливые формы, и мое воображение дорисовывает их. Мне видится то ангельский лик, то оскал хищного зверя. Кто-то гадает на кофейной гуще, кто-то по картам Таро, а мне достаточно туманов

Ричмонда.

Мы сидели ещё долго, но потом Ева поднялась и проводила меня в гостевую спальню. Я разделся и сразу провалился в сон.

Голубое небо без единого облачка. Я сидел на скамейке в весеннем саду. Рядом со мной – Моисей в белой одежде. Улыбаясь, он смотрел на меня. Всё такой же, как при нашей прошлой встрече.

– Добро пожаловать, мой мальчик.

– Я думал, что ты умер.

– Может быть.

– Может быть?

– Я говорил тебе, что время – просто условность. Ты всегда можешь представить то, что было, и то, что будет. А может, всё тривиальнее – это просто твой сон. Или, наоборот, это я задремал на скамейке в парке, и ты мне снишься.

– Я так хотел с тобой встретиться много лет, у меня было столько вопросов, а сейчас я даже не знаю, с чего начать.

– Ты стал таким взрослым, и на твоей груди я вижу монету. Это самое главное. Ты не должен позволить ей попасть в плохие руки.

– Почему это важно?

– Когда Дьявол уничтожит все монеты восставших, последняя стена, Стена Плача, рухнет, и в Камне Основания храма образуется разлом. Это трещина пройдёт по душам людей, и божественная искра покинет их. Люди перестанут

быть детьми Божиими. Это случалось прежде, это может случиться снова.

– Дьявол действительно существует?

– Конечно. Мы – это роли, которые выбираем.

– Я не понимаю.

Моисей вздохнул:

– Извини меня, старого болтуна. Вот она – та, которую ты хочешь увидеть.

Моисей указал рукой в направлении позади меня. Я повернулся и увидел обнажённую девушку, спящую на боку на ложе из цветов, положив голову на сгиб локтя. Волосы водопадом стекали по ней, прикрывая шею и плечи.

– Она слишком долго ждала тебя. Иди к ней.

Я сделал несколько шагов в сторону девушки, но вдруг мой путь пересекла огромная чёрная тень. Неожиданно я оказался в каменистой пустыне. Впереди меня за широкой полосой тени виднелся бесконечный ряд тёмно-серых бетонных сооружений. Их трубы заполняли небо смогом и огнём. От этих зданий веяло ужасом. Едва различимые на расстоянии, в них входили группы людей в полосатой одежде, которых подгоняли солдаты в черной униформе. Я услышал звуки тысяч слабых голосов, плачущих, жалующихся или тихо шепчущих что-то на десятках разных языков.

Я поднял голову и понял, что тень падает от гигантской фигуры чудовища, занимающей полнеба. На его лице не было ни носа, ни глаз, только один жадный, громадный рот.

Монстр почувствовал моё присутствие, открыл рот и начал беззвучно смеяться. От его смеха образовался смерч, который становился всё больше и больше, затягивая меня в свою воронку.

Не знаю, сколько это продолжалось, но вдруг ощутил, что меня больше не крутит и я стою на земле. Я огляделся. Ранний вечер. Площадь когда-то прекрасного города, который лежал в руинах. Смрадно веяло трупным запахом и порохом дымом. В центре площади стоял совершенно целый, видимо недавно поставленный памятник, у которого жадно, хватая прямо руками, ел что-то из шербатой миски человек в лохмотьях. Подойдя ближе, я увидел, что памятник – это бюст человека, с гладким, как яйцо лицом, на котором был только рот. На сделанном из чёрного мрамора постаменте надписи не было. Каменный идол, казалось, стоял и ждал того часа, когда к его ногам будут брошены люди для жертвоприношений.

Горло пересохло, и я спросил срывающимся голосом:

– Кто это?

– Имя ему – легион, – сказал старик. – Ты, наверно, голоден, – добавил он и протянул мне миску.

В миске копошились отвратительные, дурно пахнущие насекомые. «Это сон», – подумал я. Меня затошнило и закружилась голова.

Открыл глаза. Я лежал на кровати в какой-то комнате в крошечной темноте. Только из-под двери била тонкая по-

лоска света. Место мне было незнакомо, и в первое мгновение я подумал, что это продолжение сна. Но тут вспомнил, что я у Евы дома.

Открыв дверь в гостиную, увидел Еву, спящую на диване. Над ней висела картина «Изгнание из рая». Книга лежала на полу рядом. Видимо сон сморил девушку во время чтения, и потому она осталась в гостиной. Ева спала на боку, положив голову на сгиб локтя, её распущенные волосы прикрывали шею и плечи, и мне показалось, что я смотрю на девушку из моего сна. Я подошёл, укрыл её пледом, выключил свет ночника и вернулся в гостевую спальню.

Глава 25

Сэм проснулся и лежал на кровати в задумчивом настроении. С годами он всё больше полагался на свой инстинкт, инстинкт хищника, который не только помогал ему подкараулить и выбрать правильное время для атаки своей жертвы, но и оповещал его о приближении опасности. Сейчас возникло ощущение, что что-то не так. Точнее, всё шло вкривь и вкось с недавнего времени, как будто какой-то игрок или сила, стали влиять на развитие событий.

Лилит ещё спала, лёжа на животе рядом с ним. Её чёрные как смоль волосы резко констатировали с белоснежным постельным бельём. Как всегда, она спала полностью обнажённой. Одеяло сползло вниз, и он с удовольствием посмотрел на изгибы её тела.

Затем Сэм обвёл взглядом комнату. Для большинства людей гамма цветов показалась бы странной. Стены были выкрашены в тёмный, почти чёрный цвет. В одной из стен был камин из красных кирпичей, а над ним картина с изображением замка Вевельсбург, который казалось с немим укором смотрел на него своими бойницами. На стене напротив висело большое зеркало в раме чёрного цвета.

Сэм встал, подошёл к зеркалу и любовался своей мускулистой фигурой, поворачиваясь и так и сяк. Привычным движением поправил растрепавшиеся волосы. Затем он по-

чувствовал, что Лилит проснулась и смотрит на него. Сэм повернулся к ней лицом, нисколько не стесняясь, что она застала его любующимся на себя в зеркале.

– Хорош, ничего не скажешь. «Настроение повысилось?»
—спросила женщина.

– Да оно и так было неплохое. Просто проблем много в последнее время. И твой парень, вдобавок, куда-то пропал.

– Я думала, что ты мой парень.

– Да-да, просто шучу.

– Почему ты так одержим этой монетой?

– Ещё мой дед рассказывал много о ней. Я тогда думал, что у старика слегка поехала крыша, хотя надо сказать, что он был далеко не дурак в свои девяносто. В своё время, в гораздо более юном возрасте дед был одним из двенадцати магистров, сидевших за круглым столом в замке Вевельсбург.

– Что это значит?

– Он был одним из великих мистиков своего времени.

– Поэтому ты так стремишься завладеть монетой?

– Не совсем так. Я пытался получить её ещё много лет назад, но мне не удалось. Но даже эта попытка сделала меня тем, кто я есть сейчас. Я знаю, что это не просто кусок металла.

– Что ты сделаешь, когда ты её получишь?

– Я её уничтожу.

– Почему?

– Дух и материя – две стороны одной монеты. В некото-

рых предметах заключена сила, которая поддерживает невидимые структуры этого мира. Если их уничтожить, то прервётся дней связующая нить. Мир начнёт разрушаться, как сгнивший ковёр распадается на куски. Эта монета – один из таких предметов, и причем очень сильный.

– Ты серьёзно? Неужели ты в это веришь? И даже если так, зачем это тебе нужно?

– Оковы спадут и станет можно всё. Люди станут теми, кем хотели быть всегда, – дикими зверями. Они выйдут на улицы и площади и скинут статуи старых героев. А я буду шептать им на ухо: «Это позволено». Они сожгут книги, содержащие старые истины, помня мои слова: «Это позволено». Правда будет одна – правда сильного. Человек человеку волк. Люди будут сбиваться в стаи, охотиться на себе подобных, убивать и насиловать. А в голове у них будет звучать мой голос: «И это позволено».

– И что будет потом?

– Им станет страшно. Залитые своей и чужой кровью, они припадут к моим ногам и будут умолять: «Правь нами!» И я взойду на трон, и буду править железною рукою. Я лишу их бремени, к которому они не готовы – бремени свободы. Свободы думать, выбирать и отвечать за свои поступки. И тогда они станут воистину счастливы.

Лилит молча, в изумлении смотрела на Сэма, пытаясь понять, играет ли он или говорит серьёзно.

– В следующий раз делись тем, что куришь, – наконец,

сказала она.

Сэм улыбнулся, подошел к ней и потрепал по щеке, как маленького, неразумного ребёнка. На его лице была такая странная улыбка, что Лилит стало страшно.

Глава 26

Проснулся я рано и пошёл на кухню. Ева ещё спала. Настоящим украшением кухни был эркер с широким окном, в котором, как на картине, виделось лиственное дерево, скорей всего тополь. Здесь стоял стол белого цвета и четыре стула. Кухонные шкафы были тоже белыми со стильными металлическими ручками.

Я подумал, что Еве будет приятно, если она проснётся, а её уже ждёт вкусный завтрак. Да и готовить на такой кухне было одно удовольствие. По-свойски порывшись в холодильнике, я нашёл все ингредиенты для коронного блюда – омлета моего имени. Вначале слегка поджарил лук, а потом к нему добавил немного бекона, нарезанного мелкими кусочками. Всё это залил взбитыми с молоком яйцами. Когда омлет был практически готов, сверху посыпал его свежим сыром пармезан, который только что натёр, выключил газ и накрыл омлет крышкой. На ломтики хлеба, побывавшие в тостере, намазал сливочный сыр, а сверху положил подкопчённое филе лосося. Складывалось впечатление, что Ева, когда покупала продукты, знала, что мне будет нужно для омлета. Ради интереса я даже посмотрел, не ждёт ли меня в холодильнике мой любимый сорт пива, но его, конечно, там не было. Впрочем, пить на завтрак я собирался кофе.

Пока шло приготовление омлета, проснулась Ева. Слыш-

но было, как она пошла в ванную и приняла душ. Я воспользовался этим временем, чтобы красиво накрыть на стол и приготовить две чашечки кофе.

Ева вошла, одетая в домашний халатик, влажные волосы спадали на плечи. Она поздоровалась, посмотрела на сервированный стол и с демонстративным наслаждением втянула запах омлета и кофе.

– Так ты оказывается незаменимая вещь в хозяйстве! Некрасиво так говорить, но не могли бы вы вламываться ко мне в квартиру почаще.

– А ты просто приглашай к себе в гости на вечер. Я буду всегда готовить нам утром завтрак.

– Мистер Бонд, вы такой коварный. Нельзя так явно соблазнять простую, бедную девушку! Мужчине, ведущему жизнь, полную опасностей и приключений, так легко вскружить голову нам, провинциалкам с глубокого юга!

– Пока у меня не сложилось впечатление, что так уж легко. Но, как видишь, я делаю всё возможное в пределах моих скромных способностей, в том числе кулинарных.

– Я уверена, ты мог бы иметь головокружительный успех в деревенской части штата Джорджия. Конечно, для этого тебе ещё предстоит научиться готовить кашу из кукурузы с креветками и персиковый пирог.

– Я всегда об этом мечтал.

– Тогда я тебя познакомлю с моей одноклассницей. Она работает поваром в *Wojangles' Famous Chicken 'n Biscuits* и,

кстати, не замужем.

Как всегда, Ева не могла долго выдерживать роль и прыснула смехом. Рассмеялся и я, получая удовольствие от раннего солнечного утра, уютной кухни, предвкушения вкусно-го завтрака, а главное – компании Евы. Была пятница, короткий рабочий день в университете, и мы договорились, что я заберу её пораньше после работы, чтобы на выходные уехать в Кармель, на побережье.

После завтрака Ева засобиравалась в университет, а я – домой. Надо было забрать кое-какие вещи. Я решил снять другую квартиру, чтобы скрыться от Сэма, впервые в жизни переехать из города в Кремниевую долину. В глубине души я, конечно, знал, что хочу жить поближе к Еве, но не мог признаться в этом даже себе.

Снимая с зарядки телефон, я увидел сообщение от Лилит. Текст был краток: «Отдай ему эту чёртову монету. Он псих».

Глава 27

Выехав из Пало-Алто, мы, миновав район городков Монтерей и Пасифик Гроув, отправились в природный заповедник Point Lobos, который находился совсем рядом с конечной целью нашей поездки.

Тропинки вели нас по крутым скалам причудливо изрезанного сине-изумрудными бухтами побережья океана. Внизу плескались волны. Они разбивались о скалы и иногда обдавали нас мелкими брызгами. Попадались сосны, искривлённые ветрами так, что казалось над ними поработал современный скульптор концептуалист. Морских котиков и выдр здесь можно было увидеть чаще, чем людей. Ева почти всю дорогу смотрела по сторонам и молчала, но и без слов было понятно, что ей здесь очень нравится. Затем мы отправились в Кармель.

Остаток дня мы ходили по колоритному городку, который так любят художники и писатели. Его причудливые домики как будто построены гномами или хоббитами, и можно подумать, что именно здесь, выйдя на пенсию, живут некоторые из героев романов Толкиена.

Мы заходили в многочисленные картинные галереи, а после ужина в ресторанчике пошли посмотреть закат на пляже. Вся береговая линия Калифорнии смотрит на запад, и закаты здесь невероятно красивые. В Кармеле к океану ведут

небольшие узкие улочки, других в этом городке просто нет. Ты идешь и почему-то не ощущаешь, что скоро берег. И когда неожиданно перед тобой распаивается громада Тихого океана, охватывает необъяснимое чувство восторга.

Мы пришли вовремя. Золотой шар медленно опускался за горизонт, окрашивая воду оттенками жёлтого, красного, оранжевого цветов. Океан, как древнее мудрое животное, умиротворял, успокаивающе кивая нам верхушками невысоких волн и шепча: «Так было всегда, так будет всегда».

На пляже небольшого живописного залива почти никого не было. Из-за лёгкого ветерка становилась прохладно, и я приобнял Еву. Так мы и простояли до момента, когда солнце провалилось в океан и резко стало темно.

Вернулись в нашу гостиницу мы почти ночью. Тут у меня возникла идея.

– Пойдем купаться в бассейне.

– Совсем же темно и холодно.

– Бассейн подогревается.

– Я не взяла с собой купальника.

– Там никого нет. Кому, кроме нас, придёт в голову такая сумасшедшая идея.

– Кому, кроме тебя! – смеясь, поправила меня Ева.

Мы обмотались полотенцами на голое тело и вышли через заднюю дверь к маленькому бассейну, огороженному решётчатым забором, вокруг которого росли сосны. Ночь была звёздная, небо безоблачное, и ярко светила луна. Сбросив

полотенца, мы тихонько плавали туда-сюда, а потом легли на спину около бассейна и смотрели в небо. Я не мог вспомнить, когда в последний раз видел столько звёзд. Они были крупными и необычайно чёткими, наверно оттого, что мы были далеко от большого города, а в самом Кармеле мало огней.

– Мне очень хорошо, – сказал я. – А тебе?

– Мне тоже, но как-то не по себе.

– Чего ты боишься?

– Я боюсь за тебя.

Я заглянул ей в лицо. Она серьёзно смотрела на меня, и в полутьме её глаза казались необычайно глубокими. Я нежно потянул её к себе и поцеловал, Ева не сопротивлялась. Мы не заметили, как большая, быстро движущаяся, чёрная туча закрыла небо. Ночь стала темнее. Звёзды и луна исчезли. Мы уже не видели, а только ощущали тела друг друга. ...

Этой же ночью мне приснился странный сон. Мы с Евой парили в невесомости в огромном зале. Потолок у него был очень высокий голубого цвета, как небо. Позже я вспомнил, что видел такое в отеле «Венеция», в Лас-Вегасе. Мы парили то поднимаясь, то опускаясь, то кружась в обнимку на месте. Играла божественная музыка, от которой наворачивались на глаза слёзы, а душу переполняли чувства нежности, светлой печали и восторга. Это была хоральная прелюдия Баха.

Мы поплыли по воздуху к одной из дальних стен, на которой висели картины. Из-за расстояния рассмотреть их бы-

ло невозможно, но почему-то я был уверен, что это картины Питера Брейгеля, которого очень люблю.

Вдруг звук резанул слух, как будто органист ошибся нотой, потом ещё одной. С каждой фальшивой нотой мы как будто наливались тяжестью и парить становилось труднее и труднее. Мелодия распалась на диссонирующие звуки, которые ударили по нервам, вызывая чувство тревоги и страха. Неожиданно мы оказались у самой стены, и я смог рассмотреть картины. Это были работы Иеронима Босха. Невесомость исчезла, и мы камнем полетели вниз.

Я проснулся с гулко стучащим сердцем и услышал ровное дыхание Евы, которая спала рядом со мной. Я тихонько дотронулся до неё. Не просыпаясь, она пододвинулась ближе, обняла, и положила голову мне на грудь.

Глава 28

Сэм полусидел, полулежал на диване, откинувшись на подушки, и рассматривал психотерапевта, которого знал уже много лет. Билл был один из немногих людей, с которыми Сэм разговаривал достаточно откровенно. Конечно, Аэль не думал делиться с психотерапевтом своими планами и мечтами, но всё то, что касалось прошлого, его взаимоотношений с дедом, а также своего эмоционального состояния, он не скрывал. В конце концов старик очень сильно помог ему в своё время, и было вероятно, что не так далёк тот час, когда его помощь понадобится снова.

Сэм не видел Билла, наверное, месяца три, а то и более. За это время старик сдал. Голова облысела окончательно, морщины ещё больше прорезали похудевшее лицо, а глаза за толстыми стеклами очков стали ещё более выпуклыми, как у насекомого. Вдруг Сэма осенило: Билл похож на зелёного богомола, которого он иногда замечал на веранде и на участке позади дома. Эта мысль вызвала прилив отвращения к старику. Возникло желание подойти к нему и с силой тряхнуть, чтобы тот наконец заткнулся. Сэм дёрнулся, чтобы встать, но переселил себя и сдержался. Губы Билла перестали шевелиться, и он замолчал, выжидательно смотря на Сэма.

– Да? – вопросительно сказал Сэм.

– Ты перестал регулярно ходить ко мне. Ты хоть продол-

жаешь принимать таблетки?

Сэму не хотелось отвечать. Он привычным движением поправил волосы и неопределённо покачал головой.

– Время от времени.

– То есть ты опять бросил?

– Надоело. Они делают меня почти таким, как все: скучным и ординарным. Когда я не на таблетках, то могу всё. Я – суперчеловек. Моя сила и гениальность не имеют границ.

– Сэм, если ты не будешь их принимать, может быть срыв, как прошлый раз, а то и хуже.

– Великий боксёр Майк Тайсон тоже сидел на таблетках. Но перед важным боем он переставал их принимать. Затем выходил и разрывал соперника. У меня сейчас тоже очень важный период жизни.

– Если твоя болезнь будет продолжать прогрессировать, то со временем ты больше вообще не сможешь себя контролировать.

– Сколько у меня осталось времени док до того, когда я могу полностью слететь с катушек?

– Не знаю, скажем лет пять, не больше.

– Мне, пожалуй, хватит.

– Хватит для чего?

– Сделаться тем, кем мне быть суждено.

– Давай об этом поговорим. В чём ты видишь своё предназначение?

– Нужен материал для новой статьи в «Психология сего-

дня»?

– Ты меня просто очень беспокоишь.

– Не волнуйся, Док. У меня всё в порядке.

На самом деле состояние Сэма не было стабильно. Ощущение своего величия, своей экстраординарной роли в истории человечества накатывало волнами и уходило, сменяясь беспокойством и предвкушением катастрофы. Но рефлексировать времени не хватало, он работал не покладая рук, даже спал мало. Среди всех этой суматохи занозой, сидевшей в сознании, всплывало напоминание о том, что он так и не заполучил монету. И Сэм сам не понимал, действительно ли это имеет такое уж большое значение по сравнению с другими делами, или он это сам себе внушил.

– Надо плотнее заняться этим, – сказал Сэм сам себе.

– Чем? – заинтересовался Билл.

– Неважно, мне пора.

Сэм поднялся и, не попрощавшись и даже не взглянув на Билла, вышел из его кабинета.

Глава 29

«Я люблю запах напалма поутру»

Из фильма «Апокалипсис сегодня»

Сэм сидел, развалившись на кресле в одной рубашке, без брюк. Верхние пуговицы рубашки были расстёгнуты, и на его безволосой груди можно было увидеть амулет в форме солнечного колеса, который висел на изящной золотой цепочке.

Лилит заканчивала натирать какой-то мазью колено Сэму. Боль беспокоила его очень давно – следствие старой футбольной травмы. Сэм приподнял Лилит и посадил её на здоровое колено, так что она была вполоборота лицом к нему.

– Это важный вечер для меня. Можно сказать, мой первый бал. Ты в форме?

– Конечно. Не сомневайся, обаяю всех.

– Не перегни палку, – засмеялся Сэм. – Всё-таки главное лицо на этом мероприятии я.

Сэм подтолкнул Лилит, и она встала. Поднялся и Сэм, начал одеваться.

Банкет для доноров на предвыборную кампанию Сэма должен был вот-вот начаться. Несколько человек уже вошли, и Сэм знал, что пора выходить в зал, встречать гостей и завязывать беседу.

Они подошли к большому зеркалу. Сэм – в тёмно-сером

костюме, Лилит – в строгом, но элегантном вечернем платье тёмно-синего цвета. Он собирался представлять женщину как свою помощницу по связям с общественностью.

«Мы выглядим, как голливудская пара», – думал Сэм, смотря на себя в зеркале и поправляя галстук. Видимо, нетрудно было догадаться, что она его любовница. «Для мэра Сан-Франциско, парень, конечно, подошёл бы лучше, – усмехнулся он собственной шутке. – Но она должна произвести впечатление на мужчин, и ей хватит ума при этом не вызвать ревности у их жён». Если бы это было выгодно, Сэм действительно мог бы завести себе любовника вместо Лилит. Но это принесло бы ему дополнительные очки только на уровне города, возможно штата. Для его более долгосрочных планов это не было полезным.

Каждый из присутствующих заплатил по пятьдесят тысяч долларов, чтобы находиться на этом обеде, и конечно, для тех, кто оценивал политический потенциал Сэма высоко, это был только первоначальный взнос, дающий возможность лично встретиться с кандидатом. Такая жалкая сумма не могла влиять на будущего мэра Сан-Франциско или даже губернатора Калифорнии. Для Сэма важность таких встреч была не столько в сборе пожертвований, сколько в возможности укрепить или же установить новые ценные связи.

Наконец Сэм и Лилит вышли в зал и начали обходить пока ещё немногочисленных гостей и знакомиться с теми, кого хозяин дома не знал лично. На многих доноров Сэм имел

досье. Были и такие, о которых он только слышал и пытался вспомнить, что о них знает. Это была политическая и бизнес-элита города или, по крайней мере, люди, считающие себя таковыми. Сэм не испытывал ничего, кроме презрения, к этим людишкам с их мелкими страстями и никчемными потугами. Не было сомнений, что каждый из них представлял себя в роли будущего кукловода Сэма, в случае его успеха. «Посмотрим, кто кого будет дергать за верёвочки», – думал хозяин дома, пожимая гостям руки и улыбаясь широкой дружелюбной улыбкой, которая не сходила с его лица.

Он подошёл к высокому старику, благообразного, respectable вида. Это был Джон Галлагер, который получал контракты от города уже десятки лет. Он начал с маленькой мусорной компании, которая каким-то образом осталась единственной в городе. Говорят, без взяток там точно не обошлось. Теперь у него таких компаний было несколько. Джон чем только ни занимался: от ремонта дорог до обеспечения ночлега бездомным. Про этот последний бизнес ходило много шуток. Говорили, что если бы все знали, как хорошо добрые дела оплачиваются, то их стремились бы делать гораздо больше людей. Один репортёр написал, что, судя по тому, сколько это обходится казне города, бездомным предоставляют номер в отеле «Фэрмонт». Впрочем, после этой статьи журналиста вскоре уволили то ли за роман с коллегой, то ли за что-то другое.

С Джимми Ламберто Сэм простоял довольно долго. Пол-

новатый мужчина с приглаженными тёмными волосами, которые уже начинали заметно редеть на макушке, имел репутацию решалы, не чурающегося связей с местным криминалом. Ладони у него были широкие, с короткими и толстыми пальцами. Здороваясь, он крепко, как будто стараясь причинить боль, сжал руку Сэму. Хозяин дома в душе усмехнулся и ответил лёгким рукопожатием, давая возможность Джимми самоутвердиться. Беседуя, Сэм не мог не отметить, что Джимми бесцеремонно разглядывает высокую грудь Лилит, которую выгодно подчеркивало её вечернее платье. «Главное, чтобы ты не захлебнулся слюной и не умер, голубчик! Ты ещё мне пригодишься», – веселился в своих мыслях хозяин дома.

Увидев новую гостью, Сэм поспешил раскланяться с Джимми. Функционеру Демократической партии, этакому серому кардиналу в юбке, Кэти Торрози было почти семьдесят. Она знала всё и всех, варящихся в котле местной политики. Несмотря на скромную зарплату бюрократа, Кэти ухитрилась сколотить многомиллионное состояние, делая удачные инвестиции, и, как поговаривали злые языки, без инсайдерской торговли здесь не обошлось. Сэму в принципе было всё равно: выставяться от демократов или республиканцев. Но даже дети знали, что в этом городе нет шансов на победу в выборах, если ты не левый демократ, потому Торрози могла стать для него важным союзником.

Худенькая, с аккуратной причёской хорошо покрашен-

ных волос светлого цвета, в платье из какого-то бутика, Кэти для своего возраста выглядела лет на пятьдесят пять, не больше. Сложно сказать, была ли это, в основном, заслуга природы, её личного косметолога или пластического хирурга, но результаты, как говорится, были на лицо.

Торрози танцующей походкой подошла к Сэму и дотронулась до его руки в районе локтя:

– Сэм, я столько о вас слышала!

– Я уверен, что я слышал о вас ещё больше, Кэти.

Кэти дотронулась до его руки ещё раз и засмеялась:

– У вас хорошие шансы. Вы молодой, красивый и успешный мужчина. Я уверена, что вас ждёт блестящая политическая карьера не только в городе, но и на уровне штата, а возможно, и на национальном уровне.

– Спасибо Кэти, но об этом рано ещё говорить.

– Не скромничайте, многие мои друзья возлагают на вас большие надежды, и я тоже. Мы можем помочь вам пойти далеко, если, конечно, наши взгляды будут совпадать ...

– Я понимаю, Кэти. Спасибо за ваши добрые слова. Я уверен, что мы можем гармонично работать вместе.

– Нам нужно обсудить это в более приватной атмосфере. Мой секретарь свяжется с вами, чтобы договориться о нашей встрече.

Торрози кокетливо засмеялась, тряся чёлочкой, и, сжав на прощание его предплечье, отошла. «Это действительно прорыв, – подумал Сэм, – конечно, если слова Кэти можно при-

нимать за чистую монету».

Банкет продолжался долго. Был уже поздний вечер, когда все разошлись. Лилит пошла в душ, а Сэм решил слегка расслабиться: развёл огонь в камине и для начала налил себе шотландского виски со льдом и не спеша, смакуя, выпил. Но этого ему показалось недостаточно. На овальном столе из чёрного мрамора он сделал две дорожки кокаина и обрезанной трубочкой для коктейля втянул их себе в нос. После этого Сэм почувствовал такой огромный прилив сил, что казалось, если бы захотел, то взлетел бы, поднимаясь всё выше и выше над городом, пока не увидел бы людей такими, какими всегда их воспринимал: маленькими, суетливыми муравьями, вечно спешащими по своим никчемным делам. Затем он включил музыку, выбрав «Полёт валькирий» Вагнера. Закрыв глаза, он немного послушал, а потом начал двигаться и кружиться перед зеркалом в каком-то диком танце, нелепо размахивая руками как будто лопастями пропеллера.

Вдруг его охватило беспокойство. Что-то было не так. Ему казалось, что кто-то, способный проникать в самую глубину его мыслей, внимательно и недоброжелательно наблюдал за ним. Сэм огляделся. Это мерзкий кот Адама, которого приволокла к нему в дом Лилит, тихонько прошмыгнул в неплотно притворенную дверь в комнату и, усевшись на полу, уставился на него своими огромными, словно человеческими, глазами. На Сэма волной накатил страх, а потом пришло бешенство. Он резко бросился к коту. Тот попытался

улизнуть обратно в щель двери, но Сэм с торжествующим криком ухватил его за загривок. Кот изловчился и полоснул его когтями задних лап по руке. Потекла кровь. Сэм в дикой злобе подбежал к камину, кинул кота в огонь и прижал его тело кочергой, чтобы тот не вырвался. Шерсть вспыхнула мгновенно, и ужасный вопль продолжался недолго. Когда он затих, Сэм глубоко, с блаженством втянул в себя запах паленной шерсти и горелого мяса, открыл окно и вышел из комнаты.

Лилит стояла под горячим душем немного боком, стараясь, чтобы вода не попадала на правый бок, где виднелась заживающая ссадина в обрамлении желтеющего отёка. С неделю назад, сидя на диване, она спорила с Сэмом о какой-то мелочи, когда он подошёл и в раздражении ударил её ногой в ботинке. Бок очень болел, она боялась, что там трещина в ребре, но обошлось. Врачу Лилит сказала, что упала, спускаясь с лестницы. С этого момента она поняла, что с Сэмом надо быть осторожнее. Лилит даже какое-то время раздумывала не уйти ли от него, хотя знала, что этого не сделает.

Когда она услышала страшный вопль кота, то поняла, что Сэм что-то сделал с Булгаковым, которого всегда ненавидел. Она закрыла уши руками, медленно опустилась на корточки и сидела так под душем ещё очень долго, хотя давно всё стихло. У неё не было сомнений, что кота больше нет.

В её памяти всплывали картинки из прошлого. Лилит видела маленький пушистый серый комочек, который они с

Адамом привезли домой, вспоминала, как пыталась научить котёнка пить из блюдечка, тыкая его мордочкой в молоко, как, просыпаясь, обнаруживала его спящим в ногах на их кровати, и как он радостно бежал к ней, мурлыча, когда она возвращалась домой с работы. И тут возникло ощущение, что новая сильная и безжалостная Лилит, которую она всё это время взращивала в себе, отступает, исчезает под волной эмоций, которые накрыли её с головой.

Глава 30

Я стоял на площади старинного города. Всё пространство была заполнена народом. Вокруг меня была возбуждённая, гогочущая толпа. И в окнах кирпичных готических зданий виднелось много лиц. Мне показалось, что царит атмосфера праздника, карнавала, а люди в предвкушении какого-то интересного зрелища.

Многие были семьями с детьми. Одна из них была прямо перед мной. Дородная мамаша в длинной юбке и в белом чепце, словно с картины «Молочница» Вермеера, и её муж в шляпе, который поднял мальчишку лет трёх-четырёх на плечи, чтобы ему было лучше видно, – полностью закрывали мне обзор.

Я обошёл их и стал пробиваться в направлении точки фокуса внимания толпы. Пробираясь среди людей, заметил, что не все лица выражают радость. Пожилой мужчина стоял с угрюмым видом, обняв свою жену, которая молча, чтобы не привлекать внимания, плакала. Молодая женщина с маленькой девочкой на руках закрыла глаза и как будто молилась. Чем ближе я подходил к центру площади, тем всё больше ощущал нарастающее возбуждение людей и какое-то витающее в воздухе усиливающееся напряжение. Я приблизился к краю толпы, где стояли с обнаженными алебардами стражники, за которыми начиналось пустое пространство, и по-

чти налетел на долговязого с длинными волосами молодого человека, лицо которого выражало горечь и сдержанный гнев. Я взглянул туда, куда смотрел он. Посреди пустого пространства стоял помост с деревянным столбом, к которому были привязаны люди. Вокруг столба был разложен хворост и дрова. Меня как пронзило током. На площади происходила аутодафе – церемония сожжения еретиков. Я встретился взглядом с молодым человеком. «Может рукописи и не горят, – горько произнёс он, – но этого нельзя сказать о людях».

Показался высокий палач со светлыми волосами, на лице которого была маска. В правой, высоко поднятой руке он держал горящий факел. Увидев палача, толпа зашумела и заулюлюкала ещё громче. «Пепел Клааса стучит в моё сердце¹⁰, – тихо прошептал юноша. – Они будут отомщены», – как будто стараясь убедить самого себя, добавил он.

Мне захотелось подойти к нему и стать плечом к плечу, как стояли спартанцы при Фермопилах, но тут палач приблизился к столбу, и толпа затихла. Он поднёс факел к вязанке хвороста, и вокруг столба взвилось пламя. Несколько мгновений стояла звенящая тишина, только было слышно потрескивание горящих дров, а потом её разрезал страшный, нечеловеческий вой, от которого я проснулся.

Уже несколько месяцев я жил в Кремниевой долине, в Санта Кларе. Через Майкла получил ещё одно поддельное

---

¹⁰ «Легенда об Уленшпигеле» Шарля Де Костера

удостоверение на новое имя и соответствующий номер социального обеспечения. Так я стал одним из миллионов нелегалов, которые живут в нашей стране.

Жизнь как будто входила в привычную колею. Я даже устроился в банк на мелкую и очень скучную должность. На такую работу желающих обычно немного, и за меня с радостью ухватились, даже рекомендаций не потребовали. День я проводил на работе, вечером помогал Майклу со сбором информации о группах, с которыми был связан Сэм. Делал выжимки из официальных источников, пользуясь Интернетом. Несколько раз я спрашивал Майкла, не пора ли нам идти в полицию или ФБР, но он каждый раз качал головой и говорил, что у нас пока нет ничего существенного.

Один раз мы ездили в Сиэтл. У меня остались воспоминания о пышной зелени парков, нескончаемых мостах через озеро Вашингтон и впечатляющих видах на знаменитую гору Рейнир. Хотя город известен своими дождями, стояла сухая погода. Впрочем, Сиэтл всё равно выглядел сумрачным и тоскливым. Небо было серым, и почти все дни нам на головы давило низко висевшее покрывало из облаков. Бесполезной была и наша поездка. Мы пытались выйти на местную группу «Антифы», находящуюся на финансовом обеспечении Сэма, но, видимо, лимит удачи мы исчерпали в Портленде, потому вернулись домой так ничего и не добившись.

Мы оба с нарастающим напряжением следили за набирающей обороты избирательной компанией Сэма. С каждым

днём он становился сильнее и сильнее, и мы понимали, что к нему подступиться будет очень трудно.

С Евой я стал встречаться чаще. Добираться до неё стало намного легче, по сравнению с Сан-Франциско. Отношения были по-прежнему хорошие, но она как будто чего-то ждала от меня, а меня начали мучить сомнения, нужен ли ей, по сути, неудачник, и тот ли я человек, который может сделать её счастливой.

На выходные мы поехали в «Таинственное место» – туристическую достопримечательность недалеко от Санта-Крус в горах, покрытых древними деревьями-великанами секвойя.

Еву приводили в детский восторг эксперименты, которые, казалось, нарушали законы физики. На висящем в избушке турнике невозможно подтянуться, держась прямо. Вода каким-то образом текла вверх сама по себе, вместо того чтобы литься вниз, и шарики катились тоже вверх. Люди в избушке с разных точек наблюдения казались то выше, то ниже ростом. Это подавалось туристам как гравитационная аномалия, но я объяснил Еве, что никакого чуда здесь нет. Это место, которые использует особенности внешней среды, которая уже сама по себе сбивает людей с толку. Но главное, конечно, как построена избушка – главный источник оптических иллюзий. В ней пол под наклоном, всё остальное тоже, и это сделано так, что ни изнутри, ни снаружи этого не поймёшь. Из-за этого возникают неправильные восприятия высоты и ориентации объектов. Даже когда туристы стоят сна-

ружи на ровном месте, наклон здания сбивает людей с толку, поскольку человеческий мозг высчитывает высоту предметов, в том числе рост людей, по наклону крыши, а не по линии горизонта, который там невозможно увидеть. Ева слушала мои объяснения, затаив дыхание, а потом сказала, что это ей напомнило ещё раз о том, как субъективно мы воспринимаем реальность.

– Понимаю, – сказал я. – У Герберта Уэльса есть рассказ «Страна слепых». В нём странник, заблудившийся в горах, попадает в долину, полностью отрезанную от внешнего мира. И в ней живёт народ, в котором все люди рождаются без глаз множество поколений. Из-за этого у них совсем другое восприятие окружающего мира, дополненное соответствующей мифологией. Когда путешественник начинает рассказывать то, что он видит, они решают, что у него воспаление мозга, связанное со странными образованиями на его лице, глазами, и хотят их удалить, чтобы его излечить.

– Страшная история, – поёжилась Ева, как будто ей стало холодно. – Но я думала о совсем другом, о пещере Платона.

– Это где люди прикованы в пещере лицом к стене и могут судить об окружающем мире и событиях только по теням, которые они отбрасывают на эту стену?

– С точки зрения Платона, люди полагают, будто благодаря органам чувств мы познаём истинную реальность. Однако это всего лишь иллюзия, попытка увидеть суть вещей по смутным теням на стене пещеры. Мы живём в этом мире те-

ней, и всё, что видим, весь наш материальный мир – проекция идей, которые одни только истинны, вечны и постоянны. Так же как любой треугольный предмет – лишь манифестация идеализированной, абстрактной геометрической фигуры треугольника.

– Может мы тоже только тени?

– В каком-то смысле это так. Мы проекции каких-то вечных архетипов.

– Моисей тоже говорил об этом. Он называл это ролями. Это, наверное, странная мысль, не воспринимай её буквально, но мне иногда кажется, что некоторые люди настолько приближены к сути архетипа, что даже не умирают, а дематериализуются, чтобы возродится позже снова.

– Ты говоришь о Христе после казни?

– Не только. И о дьяволе, о Моисее или Будде, к примеру.

– Буддисты не сочли бы твою мысль оригинальной.

– Да, конечно.

Ева встряхнула головой, отбрасывая волосы с лица, и, как у неё часто бывает, серьёзное выражение лица мгновенно сменилось лукавой улыбкой. Она хитро посмотрела на меня.

– Может я просто земная женщина, но, если ты в ближайшее время не накормишь меня обедом, мне кажется я дематериализуюсь тоже.

– Мы этого не допустим! Тем более есть опасность, что ты потом материализуешься рядом с другим мужчиной.

– Всё возможно! – сказала Ева, смеясь. – История знает

немало подобных случаев.

– Вот, оказывается, чему ты учишь своих студентов.

В итоге мы поехали обратно по семнадцатому шоссе, а потом свернули на девятую дорогу, к городку Saratoga. Там находился ресторан «Пернатая лошадь», в который я давно хотел сводить Еву. Конечно, он был дороговат, но это было прекрасное место, когда никуда не надо спешить. Мы пили терпкое красное вино, а официанты носили нам бесконечное количество блюд порцией на два укуса.

После этого мы добрались до Евиного дома и завалились в кровать. На этот раз мне ничего не снилось. Всю эту долгую ночь мы не спали, наши тени сливались в одну, и мы пытались удержать друг друга и эти мгновения, как будто боялись, что вот-вот зазвонит будильник и тени соскользнут со стены навсегда.

Глава 31

Майкл сидел на кухне, смотрел в окно на пробегающие внизу автомобили и пил пиво прямо из бутылки. Настроение было паршивым, голова тяжелой, и даже медленно ворочающиеся мысли казались путанными и какими-то тягучими.

Это лето для него вышло непростым. Бывшую жену сократили на работе, и она потеряла медицинскую страховку, а потом заболела дочка. Он вспоминал, как держал долгими часами легкое, исхудавшее тело девочки на руках в приёмном отделении скорой помощи, ощущая жар даже через одежду, и ему никогда в жизни не было так страшно, как тогда. Среди пациентов в приемной он заметил чёрного мужчину. Вдруг в памяти всплыло вначале недоумённое, а потом разозлённое лицо Джейдена, когда полицейский показал ему пистолет, который нашёл в присутствии свидетелей под стопкой грязного белья в ванной. Майкл незаметно подкинул его несколькими минутами ранее. Из этого пистолета расстреляли в упор машину в Hunter Point, районе, который много лет пользовался дурной славой. В машине находился молодой парень с подругой. Он недавно вернулся из армии и внешне напоминал товарища Майкла по службе в морской пехоте. Сан-Франциско – это не Чикаго, в котором такие новости обыденное явление, так что преступление было весьма резонансным. Были убиты два человека, но никто не рискнул

дать показания, хотя свидетелей было немало. Только когда Майкл прижал мелкого наркоторговца из этого района, тот шепнул имя убийцы. Джейден был рецидивист с впечатляющим списком преступлений, и он недавно вышел из тюрьмы, после того как срок ему скостили на половину. Майкл решил, что так или иначе, но на этот раз преступник сядет надолго. Так и получилось. Благодаря «уликам», которые собрал Майкл, рецидивист был признан виновным в преднамеренном убийстве. Это было одно из последних дел Майкла перед увольнением из полиции. В то время он не имел и йоты сомнений в справедливости своих действий, но сейчас вдруг решил, что посадил невинного человека. «Болезнь Джэки – это кара», – вдруг подумал Майкл. У него внутри всё сжалось.

Все в семье Майкла были католиками, но он не был в церкви уже много лет, с тех пор как пастор О'Брайан попросил его задержаться после класса по библии, на который мальчик ходил раз в неделю. Священник сказал, что должен отлучиться и куда-то вышел. Майкл ждал довольно долго. Все дети давно разошлись и ему было очень скучно. Когда О'Брайан вернулся, то начал невразумительно говорить о том, какой Майкл хороший мальчик, как он нравится священнику, и обещал покупать ему подарки. Обрюзгшее лицо О'Брайана начало краснеть, как будто ему было жарко, хотя день был прохладный. Майкл ничего не понимал до того момента, пока пастор не схватил своей потной, волосатой ла-

пой мальчика за руку и не положил её на вздыбившую сутану ниже пояса. Майклу было только тринадцать лет, но он у уже пять лет как занимался карате. В отвращении одернув руку, он тут же, не раздумывая ударил пастора в толстый живот под дых. О'Брайан согнулся пополам, обхватив живот руками, выпучив глаза и открыв рот. Вслед за отвращением мальчика затопило гневом, но он полностью контролировал себя. Тщательно и технично он провел любимый удар ногой с разворота, попав пастору прямо в челюсть. Это было нетрудно, так как О'Брайан продолжал пребывать в согнутом положении, и ногу задирать высоко не пришлось. Эффект произошел все ожидания. Грузный старик с грохотом рухнул на пол, и перестал двигаться. На смену гневу пришел страх. «Я его убил», – подумал Майкл и опрометью выскочил из комнаты. Придя домой, он никому ничего не сказал, а просто пошёл в свою комнату, ожидая, что в любой момент за ним придёт полицейский и арестует.

Но нет, слава богу, пастор не умер. Несколько дней спустя от родителей он услышал, что О'Брайан болеет, и учебы в ближайшие две недели не будет. А затем Майкл наотрез отказался ходить на занятия библией и в церковь по воскресеньям тоже. Отец ему грозил и так и эдак, но мальчик стоял на своём. Так Майкл никому и не рассказал о происшествии того дня, хотя понимал, что надо бы. Было противно и стыдно, ведь он избил, почти покалечил взрослого человека, к тому же пастора. Но О'Брайан молчал тоже.

Годы спустя, когда разразился скандал, после того как выяснилось, что О'Брайан совратил чуть ли не дюжину мальчиков, Майкл до конца понял цену своей трусости. И теперь в больнице он сидел с тяжело больной Джэки на руках и не мог вспомнить ни одной молитвы. Вместо этого в памяти почему-то всплыл давний разговор в школе, в котором выяснилось, что Сэм ходил в детстве в тот же класс к О'Брайану, что и он. Тогда Майкл ещё подумал, что недаром ему показалось, когда они столкнулись с Сэмом первый раз, что он где-то его до этого видел.

Очередь в приёмной скорой помощи по-прежнему двигалась очень медленно. Наконец, Майкл не смог больше выдерживать ожидания и начал кричать. Равнодушная медсестра засуетилась, и их провели к врачу.

В конечном итоге выяснилось, что заболевание не так опасно, но пачка медицинских счетов оказалась весьма внушительной. Майкл помогал с деньгами жене как мог, но лишних денег у него не водилось, а заказов было мало. Он одолжил у Адама всё, что у того было, но всё равно не хватало.

Скрепя сердце, Майклу пришлось отказаться от офиса, что совсем не способствовало развитию бизнеса. Он пытался назначать встречи клиентам в кафе, но далеко не все воспринимали это нормально. Долги росли, а он не знал, как выкрутиться из этой ситуации. Хотелось бросить всё, закрыть агентство и начать заниматься чем-то совсем другим,

но Майкл не мог представить себе иной жизни, да и не умел ничего другого. «Что же всё-таки делать?», – продолжал додумывать мысль Майкл, допивая пиво. «Почему же всё так хреново?» – сказал он вслух, выкинул бутылку в мусорное ведро и вышел из кухни.

Глава 32

Всё свободное время я продолжал помогать Майклу всеми доступными мне способами в расследовании, связанном с Сэмом: собирал информацию о людях из его окружения, об их связях, следил за выступлениями Аэля по телевизору и читал тексты речей, чтобы лучше понять этого человека и его намерения.

Пропагандистская машина, которую запустила Кэти Торрози, набирала обороты, и, судя по опросам общественного мнения, никто не сомневался, что Сэм будет выбран мэром. Его имя было у всех на слуху, и к нему относились как к восходящей политической звезде.

Сэм говорил о ветре перемен, который принесёт надежду, и даст жителям города вздохнуть полной грудью. О том, что руководство будет защищать наиболее обездоленные слои населения, включая людей, которые вынуждены стать на путь нарушения закона, чтобы выжить в жёсткой системе нашего общества. Его во многом отражающие действительность, но, по сути, популистские речи, направленные против привилегированной политической и бизнес элиты, формировали ему армию сторонников и даже поклонников среди самых разнообразных слоев населения: от людей, еле сводящих концы с концами, до академической среды и определённой части бизнесменов и финансовой верхушки общества.

Сэм часто упоминал «Великую перезагрузку» и необходимость контроля над уровнем потребления населения в условиях климатических изменений и истощения ресурсов планеты. Но, очевидно, это не относилось к таким, как он, так как на встречу в Вашингтоне Аэль полетел один на частном самолете.

Когда я рассказывал об этом Майклу, он выходил из себя и часто повторял слова о поднимающейся всё выше тёмной волне, и мне казалось, что друг готов был стать перед этим валом, как тот китаец с авоськой перед танком на площади Тяньаньмэнь.

Но Майкл не знал, как двигаться дальше. У него не было следственного дела, и он знал, что, если прийти со своей информацией в органы правопорядка, материалы будут засунуты под сукно. Майкл понимал, что проигрывает гонку. Мы топтались на месте, а подступиться к Сэму становилось с каждым днём всё труднее.

Сэм Аэль, как и ожидалось, с подавляющим перевесом победил на выборах и стал мэром. После избрания его популярность только продолжала расти. Сэма стали называть самым харизматичным политиком в Штатах, а вместе с Лилит – самой привлекательной политической парой. Он действительно нравился среднему избирателю. Сэм был молодой, энергичный, умеющий зажигательно говорить, да и просто внешне интересный мужчина. За ним и Лилит постоянно охотились папарацци. В прессе не переставали появляться

то ли случайно запечатлённые, то ли специально скинутые его командой снимки: Сэм, демонстрируя мышцы, жмёт от груди штангу в спортзале, невероятно красивая Лилит в пеньюаре поливает цветы во дворе их дома, они вместе в окружении голливудских звёзд смеются шутке на каком-то приёме. Но апофеозом гламура стала фотосессия Сэма и Лилит для журнала *Vogue*, после которой они стали чуть ли не законодателями моды.

Знаменитая рок-группа, выступавшая на стадионе Levi's в городке Санта-Клара, в Кремниевой долине, пригласила Сэма сказать пару слов перед началом концерта. Я видел этот момент в телевизионных новостях. Когда Аэль вышел на сцену, многотысячная толпа громко зашумела, заулюлюкала в ответ на его приветствие. Сэм поднял кулак над головой. Шум стал совсем оглушительным, и в едином порыве над толпой взметнулись тысячи рук, тоже сжатые в кулак. Затем Сэм начал бить кулаком себе в грудь, одновременно пританцовывая и кивая головой в том же ритме. Заведенная людская масса начала скандировать: «Сэм Аэль! Сэм Аэль!», тоже стуча себе в грудь кулаками. В добавок кто-то начал подбрасывать бейсболки вверх, девушки, сидевшие на плечах у парней, стали снимать футболки и крутить их над головами, а некоторые из них, в передних рядах, даже срывали с себя лифчики и бросали их в Сэма. Эта вакханалия меня испугала. В этот момент я осознал, что мой враг уже настоящий селебрити. В Америке это гораздо больше, чем мэр

какого-то города, даже такого как Сан-Франциско. Сэм стал настолько известен и популярен, что опросы общественного мнения показывали, если бы выборы губернатора штата происходили тогда, то он легко победил бы. Но до выборов оставалось ещё больше двух лет.

Глава 33

Понимая, что мы в тупике, Майкл решил попросить своего друга, журналиста Энди Риверу. Энди был высокого роста, сутулый мужчина лет пятидесяти пяти с крупным орлиным носом. Свои длинные седые волосы он обычно собирал в хвостик сзади, любил носить модные рваные джинсы и рубашку с двумя расстёгнутыми пуговицами сверху. У него на лице всегда бродила доброжелательная улыбка, а серые глаза горели интересом к людям и ко всему окружающему миру. Поражала невероятная общительность Энди, хотя недоброжелатель сказал бы, что чрезмерно болтлив. У него везде были свои люди. Казалось, он знает буквально полгорода. Подружки у Энди менялись как перчатки и были, как правило, моложе его лет на двадцать. Майкл познакомился с Энди ещё во время работы в полиции, и их дружба строилась на глубоком взаимном уважении. Они казались такими разными, но внутренне имели много схожего. Если вы хорошо не знали Энди, то не могли даже предположить, что за образом весёлого болтуна скрывается цепкий и дерзкий репортёр, занимающийся расследованиями.

Энди с энтузиазмом воспринял идею собрать информацию о новом мэре, включая его потенциальные связи с «Антифой» и сказал Майклу, что наблюдает за Сэмом со времён стремительного роста компании «Дом антиквариата» как за

любопытной фигурой. «По-моему, Аэль из тех, кто мягко стелет, да жёстко спит. Я охотно верю, что он совсем не тот, кем хочет себя представить».

С тех пор Энди и Майкл регулярно перезванивались, каждые две недели или даже чаще. Первое время Энди немного сдержанно, но радостно делился своими успехами, рассказывая, как вышел на многих людей из окружения Сэма, включая главу мэрии по связям с общественностью которого звали Кевин. Майкл ухмылялся, представляя, как Энди в восхищении своей профессиональной ловкостью потирает руки во время их разговора.

Но чем дальше, тем скупее Энди делился результатами расследования. Что-то его беспокоило, и с каждым разом он был всё мрачнее и мрачнее. После того как при странных обстоятельствах разбился в автокатастрофе Кевин, он сказал Майклу, что надо многое обсудить, но только при личной встрече. Энди добавил, что приведёт материалы в порядок и положит их в ячейку в одном из филиалов банка Bank of America, намекнув, что отделение находится недалеко от его дома, при этом сообщил, что номер ячейки – это номер футболки его любимого игрока, а код – адрес ресторана, где они с Майклом не раз встречались. Энди был страстный фанатик команды Golden State Warriors и мог обсуждать матчи часами, так что у него не было сомнений, что Майкл помнит, о каком игроке идёт речь. Майкл не мог не обратить внимание на то, как Энди ему сообщил о месте, где собирался хра-

нить архив. Было очевидно, что друг опасался телефонной прослушки. Перед тем как повесить трубку, Энди упомянул следующее: «Есть опасения, что скоро нам предстоят выборы губернатора», чем привел Майкла в недоумение.

– Ты думаешь? – выразительно посмотрев на меня, спросил Майкл.

– Не может быть, он не посмеет. Хотя...

– Меня уже ничего не удивит.

Позже мы ещё много раз обсуждали ту фразу Энди. Внеочередные выборы губернатора могут случиться только в одном случае – если место освобождается в связи, как правило, с его смертью.

Мы оба с нетерпением ждали встречу Майкла с Энди, которая должна была прояснить ситуацию. Но вскоре разразились новые события. В Окленде белый полицейский застрелил безоружного чёрного преступника при попытке ареста. Несмотря на открытие служебного расследования и отстранение полицейского от работы, в городе начались протесты, возглавляемые «Антифой». Были повреждены множество автомобилей, разбиты витрины десятков магазинов и избиты немало случайных людей, которые оказались в неправильном месте в неправильное время и попались под руку разгорячённой толпе.

Примерно в то же время Энди перестал выходить на связь. Майкл звонил много дней подряд, посылал текстовые сообщения на телефон и по электронной почте, но ответа не бы-

ло. Подождав ещё какое-то время, мы отправились на квартиру Энди. Приехали мы вечером, после того как стемнело, и остановились вдалеке, чтобы не бросаться никому в глаза. Впрочем, с парковкой вариантов, как выяснилось, всё равно не было. Оставить машину около дома Энди можно было только нарушив правила. Всё как обычно и бывает в Сан-Франциско.

Мы подошли к дому по противоположной стороне улицы. В квартире Энди свет не горел. Майкл внимательно осмотрелся, стараясь понять, не находится ли дом под наблюдением. Не заметив ничего подозрительного, перешёл проезжую часть. На улице движения не было. Стояла тишина, с залива дул ветер, и только откуда-то с центра доносился приглушённый шум идущего трамвая и сигналящих машин.

Мы вошли в подъезд и поднялись к квартире. На наши звонки в дверь никто не ответил.

– Если что, Энди меня простит, – сказал Майкл и достал отмычки.

Ему пришлось порядком повозиться, но в конечном итоге удалось открыть дверь. Мы вошли и включили свет. В квартире был полный бардак. У двери валялись ботинки с грязными носками и две пары кроссовок. Диван завален книгами и какими-то папками. На полу около кровати и на кресле лежала одежда.

Я предположил, что кто-то до нас здесь побывал и перевернул всё вверх дном, но Майкл уверил, что у Энди всегда

примерно такой, как он выразился, творческий беспорядок. Вскоре, однако, Майкл нахмурился.

– Пропал ноутбук. Я никогда не видел, чтобы он выносил его из дома. Энди предпочитал или делать заметки в блокноте, или записывать разговор на телефон.

– Думаешь, он там хранил материалы?

– Наверняка Энди систематизировал всё на компьютере, включая фотографии документов. Но надеюсь, есть копия архива, скажем на USB-флешке и, возможно, оригиналы самих документов.

– Значит завтра нам в банк?

– Если ничего не найдём в квартире, то да, пойдём туда в первую очередь.

Посмотрев бумаги на столе, на полке и диване, мы ничего относящегося к нашему делу не нашли. Майкл потратил ещё как минимум час, обследуя квартиру, но обнаружить тайник с материалами, как это часто бывает в детективных романах и фильмах, ему не удалось.

На следующее утро мы отправились в банк. Ближайшее отделение Bank of America было в пяти минутах езды от места, где жил Энди, так что сомнений, куда ехать, у нас не возникло. Войдя в бетонно-стеклянное помещение, которое навевало на меня скуку одним своим видом, напоминая о месте моей работы, Майкл уверенно подошел к одной из ячеек и набрал код. Ячейка не открылась. Он не спеша, чтобы избежать ошибки, набрал его ещё раз. Тот же результат. Лицо

Майкла ничего не выражало, но я видел, что он озадачен. Я оглянулся вокруг. Утешало, что никто пока не обращал на нас никакого внимания. Майкл достал телефон, и что-то набрал в поле поиска.

– Чёрт возьми, они переехали недавно на новое место!

– В смысле у ресторана другой адрес?

– Да, – подтвердил Майкл, набирая новый код.

Раздался щелчок, и замок отомкнулся. Майкл потянул за ручку, и мы увидели, что ячейка пустая.

– Это было бы слишком просто, – вздохнул Майкл, закрывая её опять.

– Что теперь?

– У Энди есть гараж, где он держит свой мотоцикл. Поищем там.

Мы не стали откладывать дело в долгий ящик и подъехали к гаражу. Майкл вскрыл боковую дверь, и я заглянул внутрь. Это было довольно большое помещение, которое представляло собой не только место для хранения мотоцикла, но и персональную ремонтную мастерскую. Внутри находилась любовь и гордость Энди – мотоцикл Harley-Davidson Road King. Ещё один мотоцикл находился в полуразобранном состоянии. Его Энди в последнее время пытался отреставрировать. У меня создалось впечатление, что в гараже было гораздо больше порядка, чем в самой квартире. Все инструменты были на своём месте, и запчасти аккуратно разложены по полкам. Майкл попросил постоять у входа в гараж, пока

он займется поисками.

Я торчал перед дверью уже с полчаса, когда из соседнего гаража вышел крепкий бородатый мужик лет пятидесяти. На нём была одета чёрная кожаная куртка, какие обычно носят байкеры, и соответствующие штаны. Он взглянул на меня, зашёл снова внутрь, вышел обратно и направился ко мне. Я насторожился, когда он приблизился. Мужик благодушно улыбнулся и спросил:

– Приятель, у тебя моторное масло есть?

Я покачал, головой, надеясь, что он отстанет от меня. Но мужик проворно сунул руку в карман своей куртки, и конец острого инструмента – возможно, стамески – упёрся мне в живот под ребрами. Человек стоял так близко, что мне в нос неприятно ударил запах его потного тела, смешанного с вонью сигары, которую тот, видимо, недавно выкурил. Напускное добродушие с него слетело, и он спросил, надавив сильнее на мой живот инструментом, зажатым в татуированной руке:

– Решил грохнуть гараж?

– Нет. Мы друзья Энди Риверы. Точнее он друг моего друга.

– Твой друг внутри?

– Да.

– Открывай дверь и входи молча и без резких движений.

Он развернул меня, пристроившись сзади, держа стамеску так, что она почти касалась кожи на моей шее. Я толкнул

дверь и, входя внутрь, провозгласил:

– Майкл, у нас гость.

– Привет, Дэн, – сказал Майкл, взглянув на нас.

– И тебе привет, – ответил Дэн и опустил стамеску. – Извини, приятель. Энди должен был ехать с нами вниз по первому шоссе, но вместо этого как в воду канул. А тут ты паёшься около гаража. Вот я и подумал неладное.

– Понимаю, нет проблем.

– Я знаю, что Энди пропал. Поэтому мы здесь, – добавил Майкл. – Возможно это связано с расследованием, которым он занимался. Как он вёл себя в последнее время?

Собираясь с мыслями, Дэн потёр ладонью высокий лоб, переходящий в залысины.

– Ты же в курсе, что он всегда в хорошем настроении, постоянно шутит. Но в последнее время было видно, что Энди сам не свой. Стояли тут болтали, а он мне вдруг говорит, кивком головы указав на свой гараж: «Дэн, если что вдруг со мной, помоги Анне продать всё это. Ты знаешь, сколько что стоит». Я спросил, всё ли нормально, а он стал уверять, что не о чем беспокоиться. Так, на всякий случай.

– Это его новая подруга? – спросил Майкл.

– Да, они не так давно начали встречаться. Но, похоже, на этот раз у него всё серьезно.

– Номер её телефона у тебя есть?

– Нет, но могу сказать, где находится мебельный магазин, где она работает. Она там менеджер.

В небольшом магазине стояла красивая, дорогая мебель в скандинавском стиле. Подруга Энди оказалось совсем не такой, какой я ожидал её увидеть. К нам вышла элегантно-одетая, невысокая блондинка с голубыми глазами, лет сорока пяти, с симпатичным лицом и округлой женственной фигурой.

– Вы из полиции? – спросила она с плохо скрываемым беспокойством.

– Почему вы так решили? – вопросом на вопрос ответил Майкл.

Странное выражение промелькнуло на лице Анны, но она просто ответила:

– Вы похожи.

– Нет, мы друзья Энди. Он не отвечает на наши звонки.

Вы можете нам помочь с ним связаться?

– Нет, к сожалению. Не могу с ним связаться сама.

– Я не только друг Энди, но ещё по профессии частный детектив. Хотел бы задать вам пару вопросов.

– Конечно, я постараюсь помочь, если только смогу.

– Когда вы виделись в последний раз?

– Недели две назад.

– Что-нибудь необычное замечали в отношении Энди в последнее время?

– Особенно рассказывать нечего. Всё было, как всегда, ну разве что он много работал. Мы стали даже реже встречаться.

– Он говорил о том, чем он занимается?

Анна сразу не ответила. Возникла мимолётная пауза, казалось, она обдумывает, как лучше ответить.

– Нет. Это только кажется, что он балаболка, но по поводу того, чем он занимается, из него слова не вытянешь.

– Он хранил у вас материалы, связанные с работой?

– Нет.

– А что-нибудь было не так в его поведении, настроении?

– Я не заметила.

– Вы подали заявление о том, что он пропал в полицию?

– Нет. У него работа такая, он уезжает время от времени. Когда занят, забывает перезвонить. У вас поводы подозревать, что с ним что-то произошло?

– Давайте не будем волноваться раньше времени. Кстати, как вы познакомились с ним?

Мне показалось, что опять возникла мимолётная пауза, а затем Анна как-то нехотя ответила:

– Кузина познакомила.

Анна взглянула на часы, и мы поняли, что она намекает, что пора закруглятся.

– Спасибо, что уделили нам время. Если он свяжется с вами, или услышите, что-нибудь о нём, дайте мне знать. – сказал Майкл.

– Вы тоже, как только у вас будет новости, звоните мне.

Когда мы вышли из магазина, Майкл сказал:

– Она что-то скрывает.

– Мне тоже так показалось.

– Очевидно, она ожидала плохих новостей, но пыталась изобразить, что всё в порядке.

– Я заметил какие-то странные паузы в её речи. Как будто она обдумывает, прежде чем ответить, но не хочет затягивать, чтобы это не было явно видно.

– Людей выдают мелкие детали. Не только я, но и Дэн заметил, что Энди был в плохом настроении. Но она нам ничего не сказала, – добавил Майкл.

– Возможно, она не так хорошо его знает.

– Может быть и так. Но я не думаю. Женщина должна чувствовать своего мужчину лучше, чем его старый толстокожий друг-байкер. И ещё вот что. Энди обязательный человек. Он всегда возвращает звонки.

Найти информацию об Анне Майклу не составило труда.

– Ты знаешь, кто, оказывается, кузина Анны? – спросил Майкл, позвонив мне прямо в рабочее время, во время обеденного перерыва.

– Я так понимаю, ты мне сейчас об этом скажешь, – с улыбкой ответил я.

– Жена Кевина, главы мэрии по связям с общественностью. Точнее, вдова.

– Тот, который разбился недавно в автокатастрофе?

– Именно так.

– Думаешь, она каким-то боком замешана в этой истории?

– Всё, что я знаю об Анне, говорит мне, что она здесь ни

при чём. Это в основном мои домыслы, но я вижу картину так. Кевин и Энди хорошо знали друг друга. Они когда-то работали вместе в газете. Когда Энди начал заниматься Сэмом, он связался с Кевином, и, видимо, их дружеские отношения возобновились. Я поговорил с хозяином любимого ресторана Энди, и он, посмотрев на фотографию Кевина, подтвердил, что не раз видел его с Энди в компании двух женщин. Когда я показал фотографию Анны, он легко узнал её тоже.

– Так что она нам не врала.

– На мой взгляд, Анна просто испугана. Вначале погибает Кевин, потом пропадает Энди и появляемся мы. Думаю, она ничего толком не знает, но что-то подозревает.

– А как насчет смерти Кевина? Думаешь, это просто авария?

– Не знаю. Можно предположить, что он сливал информацию Энди, и за это его убрали. На данный момент это ничем не подкрепленная догадка. Но я над этим работаю.

То, что позже разузнал Майкл об автокатастрофе, в которой погиб Кевин, оказалось очень подозрительным. Кевин жил за мостом «Златые врата», где-то между городками Mill Valley и Corte Madera. Район, где находился его дом, был построен на высоком холме, к которому вела узкая дорога. Каждый день, когда заканчивался час пик, Кевин мчался по ней на своем красном Corvette, спеша на работу. За три дня до происшествия на одном участке дороги начался ремонт. Начали менять ограждение, которое предохраняло машины

от падения с обрыва.

На повороте, где рабочие сняли старый барьер, но ещё не установили новый, Кевина занесло, и машина слетела с обрыва. Когда расследовали это происшествие, обнаружили, что во многих местах дороги были свежие масляные пятна. По словам одного очевидца, в день гибели Кевина, незадолго до того, когда он выезжал на работу, по дороге проехал, выпуская клубы чёрного дыма, старый драндулет. Машине было лет двадцать, в дорогом районе такие обычно не ездят. Мотор тархтел, и явно текло масло из двигателя. Почему-то особенно много масла пролилось на повороте, именно там, где разбился Кевин. Трудно было поверить, что такое количество могло попасть на дорогу, если только кто-то намеренно его там не разлил.

– Эту машину я так понимаю не нашли? – спросил я.

– Нет конечно. Более того, непонятно, кто и почему ремонтировал дорогу.

Глава 34

В выходной с утра позвонил необычайно серьёзный Майкл, сказал, что скоро заедет за мной. Я не стал даже спрашивать, в чём дело, а сразу пошёл в душ. Не успел я допить кофе, как Майкл позвонил в дверь. Обычно, он боясь привести ко мне «хвост», тратил время на всякие выкрутасы, но сейчас, видимо, обошёлся без этого. Войдя в дом, Майкл сообщил, что в Окленде нашли труп Энди.

Окленд был грязен как никогда. Кругом валялись какие-то мешки, обёртки, бумажные стаканчики от кока-колы. Тротуар во многих местах был усыпан разбитым стеклом. Центр города, конечно, подчистили, но последствия беспорядков были ещё видны невооруженным глазом. Витрины многих магазинов были забиты листами фанеры, в одном месте мы проехали мимо остова сгоревшей машины, которую служба буксировки ещё не удосужилась оттащить на свалку.

Смерть Энди не просто шокировала нас, но и вызвала большие подозрения. Не было удивительным, что он поехал в город во время протестов. В конце концов он расследовал связи Сэма с «Антифой». И понятно, что во время хаоса городского бунта есть всегда вероятность влипнуть в большие неприятности. В такие моменты может случиться всякое, но Энди не такой человек, чтобы попасть в плохую ситуацию, а если уж попал, чтобы из неё не выкрутиться: рассказыва-

ли легенды о его способности разрешить любую проблему с помощью умения быстро ориентироваться в обстановке и хорошо подвешенного языка. Но самое главное – Энди был убит выстрелом в упор в затылок. Так обычно не бывает во время городских беспорядков. Могут избить, могут даже забить до смерти, могут, хотя и редко, подстрелить. Но так, одним хладнокровным выстрелом в голову сзади, как будто действовал профессиональный убийца, не бывает. В жизни случается всё, но это произошло именно в то время, когда Энди раскопал важную информацию о нашем новоиспеченном мэре, что также навевало определенные мысли. Не верилось в такое совпадение.

Детектива из отдела убийств, который вёл дело Риверы, Майкл лично не знал, но выяснил, что репутация у него плохая. В любом случае, дело было непростым, а процент раскрываемости в последние годы – низким. Майкл совершенно не верил в успех полиции.

Энди был запоминающимся персонажем. Те, кто с ним встречался, легко узнавали его на фотографии, если даже не имели понятия, кто он такой. Мы надеялись, что найдётся тот, кто видел его во время протестов. Большинство задержанных уже отпустили, но приятель Майкла из местного полицейского участка дал нам список имён. Мы работали как проклятые все выходные, опросили много людей, но всё без толку.

К вечеру воскресенья полностью измотанные и не продви-

нувшиися ни на шаг мы остановились в баре недалеко от центра города, чтобы выпить пива. Район города был очень хороший, даже туристский. Площадь Джека Лондона находилась в десяти минутах ходьбы оттуда, но бар выглядел типичным местом, в котором любят собираться местные и всегда тусуется один и тот же контингент. Это был дайв-бар без всяких претензий на стильность, но со своей атмосферой и характером.

Кроме нас, в баре посетителей не было, не считая двух типов, которые стучали шарами, играя на бильярде. За барной стойкой стоял здоровый чёрный мужик лет шестидесяти с бритой наголо головой, широкими плечами и заметным животиком. Я подумал, что это должно быть хозяин этого заведения. Он стоял с невозмутимым лицом, упираясь своими ручищами о стойку бара. Майкл подошёл к бармену.

– Смотрю вас пронесло. Ничего не разнесли.

Мужик посмотрел на Майкла и усмехнулся.

– Мы с партнёром двое суток по очереди стояли у входа с винтовками. Идиотов не нашлось рисковать своей задницей.

Майкл бросил взгляд на татуировку бармена.

– Морпех?

Тот кивнул.

– Я тоже, из Force Recon.

Лицо бармена смягчилось.

– Сталкивался. Удалые вы ребята. Что будете пить?

Майкл заказал нам по кружке пива.

– Как вас занесло к нам в такое лихое время? – поинтересовался бармен.

– Ищем информацию об одном человеке, – ответил Майкл и по какому-то наитию вытащил фотографию Энди. – Не могли бы вы мне помочь? Вы его видели?

Бармен спокойно рассматривал Майкла, ничего не отвечая.

– Кто вы такой? – наконец спросил он

– Я частный детектив и друг этого человека.

– Если друг, то позвоните ему на мобильный, – сказал бармен, отворачиваясь.

– Не могу. Его убили.

– Энди убили? – воскликнул пораженно бармен. – Когда?

– Недавно, во время протестов. Вы его знали?

– Да. Он бывал здесь у меня время от времени, когда приезжал в Окленд. Мы всегда с ним болтали.

– Когда вы его видели последний раз?

– Он приходил на днях, как раз перед началом выступления.

– Один?

– Нет, с ним был молодой парень, по виду студент. Мне кажется, Энди обращался к нему по имени Ник.

У меня не было уверенности, что речь шла о Нике Тайлоре, но интуиция подсказывала, что это именно так. На следующий день Майкл вернулся в бар с фотографией Ника, и бармен подтвердил мою догадку.

Глава 35

Лилит перестала ходить на работу с тех пор как переехала к Сэму. Днём она ещё находила способы себя занять: прогуливалась по дорогим магазинам, посещала маникюрный салон и элитный спортзал, в котором занималась с тренером индивидуально. Но остальную часть дня Лилит ненавидела. Если не было официальных приёмов, которые она вынуждена была посещать с вместе Сэмом, вечер приходилось проводить в одиночестве. Раньше Лилит могла бы пойти с кем-то из подруг или даже одна посидеть в кафе, но теперь, при её новом статусе, всё стало совсем по-другому. Она отдалась от всех и даже редко навещала родителей. Иногда звонила младшей сестре Анжелике, которая жила в Лос-Анжелесе. Голоса её двух маленьких детей, что-то постоянно требующих от мамы, нередко были слышны в трубке. Анжелика вечно испытывала нехватку времени, и Лилит не удавалось с ней толком поговорить.

Тот вечер тоже пришлось провести в одиночестве. Солнце ещё не зашло, но уже становилось прохладно. Лилит накинула на себя куртку, бросила в стакан лёд, из кувшина налила в него заранее приготовленный коктейль мохито и вышла посидеть на веранду. Это был уже её четвертый коктейль за этот вечер.

Она пила напиток, как воду, не ощущая вкуса, и смотре-

ла на тёмный залив, пытаясь отогнать подступающий приступ депрессии. Травма ребра давно её не беспокоила, и Сэм пальцем к ней не притронулся с тех пор, как убил Булгакова. Но всякий раз, когда они оставались наедине, её охватывал панический страх. К тому же Лилит понимала, что нужна Сэму только как средство для достижения цели, как рамка портрета, на холсте которого он прорисовал свой образ для публики. Не было и тени сомнений, что, если она станет ему в чём-то мешать или не будет просто больше полезна, он от неё избавится. Лилит также знала, что по своей воле уйти от него не сможет, даже если на это решится. Просто так он ей жить не даст, а сбежать, скажем, в Мексику не удастся при наличии телохранителей, которые везде и всегда за ней следовали.

Лилит грустно усмехнулась, представив, что подумали бы её старые подруги, если бы она поделилась с ними своими мыслями. Большинство из них с завистью, перемешанной с гордостью знакомства с ней, смотрели на «вершину», на которую занесла её судьба. Впрочем, Лилит с ними общалась крайне редко. Откровенно поговорить ни с кем из них она не решалась, а бессмысленная болтовня и не скрываемая их радость возможности быть сфотографированными папарацци в компании подруги мэра города её раздражали.

Лилит потянула коктейль через трубочку снова, и память ей вдруг услужливо подсказала, что она тоже пила мохито в тот вечер, когда Адам подошёл к ней познакомиться.

Это было месяца через два после того, как она рассталась со своим прошлым бойфрендом и поэтому на свидания ходила как минимум раза три в неделю. От желающих с ней встречаться отбоя не было, но пока никто ей особо не нравился. Чтобы заполнить образовавшуюся пустоту, она бывало даже соглашалась на отношения на одну ночь, но каждый раз чувствовала себя так, как будто объелась в каком-то дешёвом фастфуде, как McDonald's. Пока ела, вроде было нормально, а потом противно и даже как будто подташнивало.

В тот день Лилит была на первом свидании с каким-то парнем. Она не была уверена, что правильно запомнила его имя, но ей казалось, что его звали Грэг. Парень был высокий, здоровый и белобрысый, когда-то играл в американский футбол, но с тех пор заметно потерявший форму и набравший лишний вес. Он был немного старше Лилит и, пытаясь произвести на неё впечатление, заливался соловьём всё время, рассказывая о своей учебе в Беркли на МВА и о работе в перспективном стартапе, в котором ему дали хороший пакет опционов на акции. Лилит было ужасно скучно, и парень ей совсем не нравился. К тому же раздражала компания человек восемь-десять за большим столом недалеко от того места, где сидела она с Грэгом. Заводилами там были двое ребят: один со светлыми волосами, а другой шатен. Парни шутили, компания взрывалась время от времени смехом, и это действовало ей на нервы. Лилит казалось, что шатен иногда на неё посматривает, но она, конечно, на него не обращала

внимания, а точнее, не подавала вида, что заметила.

Лилит уже допила мохито, и думала о том, как ей найти повод, чтобы закончить свидание и избавиться от Грэга, когда у того звякнул телефон. Он взглянул на сообщение и, сказав с важным видом: «Надо перезвонить боссу, скоро вернусь», – направился к выходу из ресторана.

Не прошло и полминуты, как около неё оказался шатен из шумной компании. Ему было лет под тридцать, среднего роста, с симпатичным лицом и с карими насмешливыми глазами.

– Привет, меня зовут Адам, – сказал он.

– Привет, – ответила Лилит.

– Смотрю вы допили, можно я закажу ещё вам один коктейль?

– Вообще-то я тут со своим бойфрендом. И он, кстати, на голову выше вас и раза в два шире в плечах. Так что не советую вам зависать здесь надолго.

– Со стороны это больше похоже на первое свидание. И он действительно такой крупный?

– Да, а что?

– А я подумал, что он просто раздулся от важности.

Лилит стало смешно, и она, стараясь не рассмеяться, неожиданно для себя фыркнула.

– Точно. Так раздулся, что я думала, он просто взлетит как воздушный шарик. Ну ладно, купите мне мохито, думаю парень будет рад, что не пришлось платить.

Шатен вернулся с коктейлем.

– Спасибо. Вы ещё что-то хотели, кроме того, что купить мне выпить?

– Для начала узнать, как вас зовут.

– Лилит.

– Лилит, у меня сегодня день рождения, и я рассчитываю на подарок от вас.

– Вот как. И что за подарок?

– Ваш номер телефона.

– А как насчёт девушки, которая сидит рядом с вами?

– Она не жена и даже не постоянная подружка. Ну не мог же я прийти на свой день рождения один!

Эта смесь лёгкой наглости и обходительного поведения начинала нравиться Лилит. И вообще Адам – парень вполне симпатичный. Она поколебалась несколько мгновений, но надо было на что-то решаться. Грэг мог вернуться в любой момент, и без разборок тогда бы не обошлось. Она достала помаду из сумочки и написала свой номер на салфетке.

– Спасибо, Лилит. Я позвоню на днях.

Парень направился к своему столу. Лилит краем глаза проследила за ним. Когда он вернулся, девушка, которая сидела рядом с ним, что-то спросила его с недовольным видом. В ответ он пожал плечами и что-то ответил. Парень со светлыми волосами тут же вставил какую-то фразу, и вся компания грохнула смехом снова. Не смеялась только подружка Адама.

Лилит была уверена, что Адам свяжется с ней на следующий день. Но её ожидания не оправдались. Звонок раздался только на следующей неделе вечером в среду. К этому времени она успела себя уверить в том, что этот нахал ей не очень-то и понравился, да и зачем он ей нужен, когда каждый день кто-нибудь клеится к ней на улице, а почтовый ящик приложения для знакомств настолько завален сообщениями, что все просмотреть не удавалось. Чуть позже она подумала, что этот парень просто лузер и наверняка потерял номер её телефона. Лилит даже пришла в голову мысль, не сходить ли ей в тот ресторан с подружкой в субботу, ведь скорей всего Адам будет искать её именно там, но потом устыдилась своих мыслей. Поэтому она прослушала его сообщение, в котором он приглашал поехать в составе маленькой компании в Stinson Beach на выходных, но отвечать сразу не стала. Лилит вообще не стала ему перезванивать, а просто послала сообщение в пятницу вечером, что она не против поехать. В ответ она получила смайлик и ещё эмодзи поднятого вверх большого пальца.

В субботу утром к дому Лилит подъехала видавшая виды машина, в которой за рулём был Майкл, рядом сидел Адам, на заднем сиденье – жена Майкла Вики и их дочурка Джэклин лет трёх-четырёх. На машине сверху лежали доски для серфинга, а в багажнике гидрокостюмы и всё, что нужно для удачного пикника. Лилит почему-то хорошо запомнила эту первую совместную поездку на Stinson Beach. Джэклин в пу-

ти немного капризничала, но это не умаляло удовольствия от красивой горной дороги и от шуток Адама и Майкла, которые всю подкалывали друг друга и и женщин на заднем сиденье.

Было тепло, но стояла легкая дымка тумана. На пляже Адам и Майкл переоделись в гидрокостюмы, взяли доски и отправились кататься. Лилит, Вики и Джэклин остались на берегу. Волны были небольшие, но Адам с трудом удерживался на ногах, и его несколько особенно забавных падений вызвали у Лилит улыбку. В отличие от своего друга, Майкл катался первоклассно, летая на волнах как профи.

Вики была старше Лилит, где-то возраста Майкла и Адама, но найти общий язык оказалось довольно легко. У Вики – тоже итальянские корни, и выросла она в районе North Beach, который туристы называют Маленькой Италией, недалеко от того места, где жили родители Лилит.

Сквозь дымку тумана проглядывало бледное солнце. Лилит и Вики устроились близко к воде, там, где начинался уже влажный песок. Около них шумели волны, которые как будто пытались подобраться поближе и облизать пеной их босые ноги. Джэклин неподалеку сосредоточенно строила что-то из песка.

Вики рассказала, что Майкл и Адам друзья ещё со школы, и что Адам очень помог Майклу прийти в себя, после того как он вернулся со службы в морской пехоте с посттравматическим стрессовым расстройством. «Адам классный парень,

и я рада, что у него появилась такая красивая и приятная девушка», – сказала Вики. Они болтали, и Лилит на мгновение представила, как все вместе приезжают на это же место лет через пять с подросткой Джэклин, и рядом с ними с сопочком копается в песке хорошенький ребёнок, их с Адамом сын или дочка.

При этом воспоминании Лилит стало так больно, что она вернулась к реальности. Солнце уже катилось к горизонту, а стакан был пуст. «Какая же ты всё-таки сволочь, Адам», – сказала женщина вслух и заплакала от жалости к себе.

Глава 36

Я и Майкл чувствовали, что пружина событий вот-вот стремительно разожмётся, и нам больше тянуть время нельзя. Нельзя сказать, что мы до конца понимали Сэма, для нас он был как человек с другой планеты. Но мы знали его лучше и догадывались о его планах больше, чем кто-либо другой. Остановить его могли только мы.

– У нас нет по-прежнему реальных доказательств, – сказал Майкл.

– Нет, – покачал головой я.

– Нам нужна запись, где он сам говорит о своих планах. Позвони Сэму, скажи, что хочешь встретиться с ним обсудить продажу монеты.

– Ты серьезно? Да он не придет, а просто пришлёт своих головорезов.

– Если ты добавишь, что ты знаешь, где материалы Риверы, я уверен, что Сэм придёт сам.

– Так материалы наверняка были в ноутбуке, который они утащили.

– Он не может знать, что других копий не существует.

– Допустим, ты прав. Ну и что дальше?

– У тебя будет записывающее устройство. Сэм умён, но ужасно самоуверен. Как ему не распушить хвост и не похвастаться перед бывшими одноклассниками?!

– Ты ожидаешь, что он начнёт выдавать на себя компромат?

– Мы построим разговор так, чтобы он попался.

– Сомнительно всё это.

– У тебя есть план лучше?

Я покачал головой.

– Тогда по рукам?

– По рукам, – неохотно отозвался я.

Отыскав визитную карточку, которую мне дал в кафе мужик со сломанном носом, я набрал номер с телефона Майкла, чтобы не светить мой новый. Соединили сразу, и мелодичный женский голос сказал: «Подождите минутку», – и меня поставили в режим ожидания. Наконец, женщина подключилась снова и сказала:

– Я вас слушаю.

– Мне нужно поговорить с Сэмом Аэлем.

– Он бывает здесь редко. Как вы, несомненно, знаете, он теперь мэр города. Хотите, оставьте сообщение? Я передам.

– Это срочно. Не могли бы вы соединить меня с ним?

– А кто звонит?

– Меня зовут Адам, звоню по поводу старинной монеты.

Он поймёт.

– Хорошо, подождите.

Меня снова поставили в режим ожидания. На этот раз прошло минут пять. Затем раздался знакомый, но звучащий как-то по-другому голос. Как будто со мной говорил опер-

ный баритон.

– Адам, ну наконец-то. Долго ждал твоего звонка. Я даже прервал совещание в мэрии, чтобы тебе ответить. Как говорится, на какие вершины не подняла бы тебя судьба, никогда не забывай старых друзей, – добавил он со смешком.

– Ты ещё интересуешься монетой?

– Конечно, коллекционер всегда остаётся коллекционером.

– Давай встретимся, обсудим твоё предложение.

– Как с тобой связаться?

– Позвони на этот номер, это телефон Майкла. И ещё одно. Мы заодно обсудим с тобой материалы Энди Риверы.

Возникла пауза. Самодовольство в голосе Сэма исчезло, но он спросил ровно, не выдавая подспудного беспокойства:

– Какие материалы?

– Ты знаешь. Звони, время не ждёт, – сказал я и повесил трубку.

– Ну вот, удочку мы забросили. Посмотрим, что будет дальше, – произнёс я, поворачиваясь к Майклу.

Майкл выглядел очень сосредоточенным и даже не стал мне отвечать, а просто кивнул.

Сэм перезвонил буквально через час и назначил встречу через три дня в офисе, недалеко от Москоне конференц-центра. Майкл быстро выяснил, что это место, в котором комнаты для совещаний сдаются по часам, как правило, маленьким стартап-компаниям, которые своего помещения не име-

ют.

– Странный выбор для встречи, ты не находишь? – спросил я Майкла.

– Возможно, это вариант, чтобы не привлекать внимания. В таких местах каждый день новые люди, никому ни до кого нет дела. С точки зрения безопасности меня устраивает. В конце концов, не застрелят же они нас в центре города, в здании, где полно случайных людей?!

– Тогда давай готовиться. Расскажи, как ты хочешь построить разговор.

Тем же вечером на мой старый телефон позвонила Лилит, и дело приняло неожиданный оборот. Когда раздался звонок, и высветился её номер, я секунд пять колебался, перед тем как ответить. Наконец, я провел пальцем по дисплею телефона и соединился.

– Адам?

– Здравствуй, Лилит.

– Это ловушка.

– О чём ты?

– О твоей встрече с Сэмом. Она назначена на то же время, что и конференция, в которой он будет участвовать в Москоне-центре. Это нужно для алиби, чтобы он мог незаметно проскользнуть во время перерыва на место встречи.

– Как он это делает?

– Есть подземный проход, который соединяет два здания. Один вход где-то в конференц-центре, а другой в подсобке,

в том месте, где вы встречаетесь.

– Ну и что он планирует?

– Тебя заставят спуститься в туннель, допросят и оттуда ты живым уже не выйдешь.

– Ты в этом уверена?

– Да, он сам об этом говорил. Не сомневайся, он вообще ненормальный. Он сжёг живьём в камине Булгакова.

Кровь ударила мне в голову. В душе была горечь, но не было удивления. Как будто я уже знал об этом, но не хотел в этом себе признаться.

– Почему ты мне рассказываешь о ловушке?

– Я не настолько тебя ненавижу, чтобы желать тебе смерти.

Я сразу поверил Лилит. Чутьё мне подсказывало, что она говорила искренне. Это означало, что нам срочно предстояло проверить историю про туннель.

На работе я взял два выходных, и на следующий день мы отправились в офисное здание, в котором была назначена встреча. На входе сидела молоденькая, но довольно невзрачная секретарша в очках, которая приветливо взглянула на нас и спросила, какое помещение мы арендовали.

Поздоровавшись, я сказал, что у нас здесь завтра важное совещание, мы бы хотели осмотреть офис и обсудить, как лучше провести презентацию. Секретарша спросила, на какое время мы зарезервировали помещение и на чью фамилию. Я сообщил то, что услышал от Сэма. Проверив по ком-

пьютеру, она нашла нашу запись и попросила меня оставить ей удостоверение личности. Я вручил ей водительские права на имя Алекса Адамса. Затем секретарша спросила, сколько нам нужно времени. Переглянувшись с Майклом, я попросил полчаса. Девушка кивком головы дала нам понять, что её это устраивает, и мы поспешили по направлению к офису.

Скрывшись из её поля зрения, мы, конечно, не пошли в офис, а быстро спустились по лестнице в подвал, так как по логике вход в туннель должен был находиться на самом нижнем этаже здания. Пройдя через весь этаж, мы обнаружили подсобку в самом конце коридора. Это была небольшая пыльная комната, заваленная пустыми картонными коробками и каким-то инструментарием. Ближе к входной двери стояли пылесос, несколько вёдер, швабры и метелки. Мы лихорадочно начали передвигать всё в сторону. Через несколько минут работы противоположная стена была более-менее расчищена, и мы увидели маленькую проржавевшую дверь, на которой висел амбарный замок. Майкл отмычками довольно быстро открыл его. Дверь сразу не поддавалась, но, когда Майкл потянул сильнее, она распахнулась с душераздирающим скрипом. Мы заглянули внутрь. Вниз, в непроглядную темноту вели узкие ступеньки. На стенах была видна плесень.

Майкл включил фонарик и осветил. Там, где заканчиваются ступеньки, начинался туннель и спустились вниз по залпанной грязью влажной лестнице, на которой было легко поскользнуться. Пахло затхлостью и какой-то гнилью.

– Откуда туннель взялся тут? – спросил я.

– Про этот я не знаю, но их немало в центре. В истории города были пожары и землетрясения, после которых всё строилось заново. При этом под землёй оставались старые трубы канализации, туннели контрабандистов времён сухого закона и даже подземные проходы, вырытые для встречи с любовницами.

– Смотрю, ты много об этом знаешь.

– Людям из правоохранительных органов приходится быть в курсе таких вещей.

Мы двинулись вглубь туннеля. Там была крошечная тьма, только круг света фонарика давал нам возможность что-то видеть. Повсюду были камни, грязь и осколки цемента. На земле – небольшие лужи воды. Мы приблизились к чему-то беловатому на земле. Это был череп и кости животного, возможно кота, который каким-то образом оказался в подземном лабиринте.

Вдруг что-то метнулось через освещённую область и убежало в темноту. От неожиданности я дернулся, а Майкл осветил вслед животному фонариком.

– Напугала меня до чёртиков, – сказал я.

– Это самая большая крыса, которую я когда-либо видел, – ответил Майкл.

Ещё через несколько минут мы подошли к провалу в земле. Он представлял из себя довольно большую дыру, которая поглотила часть туннеля. Проход перед провалом разветв-

лялся. Можно было свернуть в сторону или продолжать идти прямо по очень узкой тропинке, которая шла над провалом вдоль стены разрушенного основного туннеля. Мы вначале протиснулись по одному в боковой туннель, в надежде обойти дыру, но, к нашему разочарованию, путь явно лежал в другую сторону, не к Москоне-центру. Мы вернулись обратно к провалу, заглянули вниз, и Майкл направил фонарик. Свет его поглотила тьма. Пропась казалась бездонной, и мне почудилось, что я вижу красноватые отблески, идущие снизу, как будто там внизу бушевало пламя.

– Бездонная какая-то, будто вход в преисподнюю. Что вообще это?

Майкл пожал плечами.

– Ты же знаешь, вдоль всего побережья проходит разлом Сан-Андреас. Во время землетрясений бывает, что земля просто расходится, образуя вот такие провалы.

Медленно, боком, почти задевая спиной стену туннеля, мы прошли вдоль пропасти. На другой стороне образовалось что-то вроде ниши. Майкл внимательно осмотрел всё вокруг, и сказал:

– Прекрасное место для засады.

Трудно было не согласиться, но, когда я представил, что нам предстоит сидеть в темноте под землёй, поджидая Сэма, мне стало просто не по себе.

– Отлично, у нас теперь есть план, – пытаюсь звучать бодро, ответил я.

Мы вернулись назад. Я поблагодарил ещё раз секретаршу, договорился, что мы придём немного раньше, чтобы подготовиться к презентации и забрал своё удостоверение.

Глава 37

Тем же вечером я созвонился с Евой. Мы решили сходить в маленькую закусочную на Университетской авеню в Пало-Алто. Взяв по буррито, мы уселись за столик, который находился прямо на улице, и общались, наблюдая за проходящими мимо нашего столика людьми, среди которых попадались интересные персонажи.

Весь вечер я был очень напряжен. Меня сильно беспокоила наша встреча с Сэмом и его людьми, которая должна была состояться на следующий день в не самом приятном, мягко выражаясь, месте. Мне не хотелось расставаться с Евой, и после того, как мы поели, я напросился к ней домой. Она удивилась, но у меня было объяснение: на завтра взял выходной.

По дороге мы зашли в магазин и купили бутылку белого вина. У Евы дома, охладив в морозилке пару минут, я разлил его по бокалам. Мы сидели в гостиной на диване, а я всё время шутил и смеялся. У меня как будто наступило предэкзаменационное состояние. Как часто со мной случается, всё это вылилось в нервное веселье. Ева отвечала мне на мои шутки и смеялась тоже, но иногда поглядывала на меня как-то странно.

– Адам, что происходит?

– Что ты имеешь в виду?

– Но это твоё возбуждение, смех, бесконечный поток шуток...

– Просто хорошее настроение.

– Что тебя беспокоит?

– Что ты, всё отлично!

– Сомневаюсь, я очень хорошо тебя чувствую. Я твой друг, и ты можешь мне рассказать всё.

– Спасибо, я знаю. Но серьёзно, не о чем волноваться.

Ева подошла ко мне и обняла. Я, сидя на диване, обнял её в ответ. Моё лицо упиралось ей в грудь, её руки обхватывали мои плечи, а я обнимал её за талию. Объятия Евы и её уже родной, но по-прежнему волнующий запах тела рождали во мне чувство полной безопасности, как будто пока я рядом с ней, ничего плохого со мной не может случиться. Мне стало так спокойно и хорошо на душе, что говорить совсем не хотелось. Мы в такой позе пробыли несколько минут, потом Ева отодвинулась, посмотрела мне в глаза и спросила:

– Тебе лучше?

– Не то слово, – честно ответил я.

Мы оба затихли. После затянувшейся паузы, чтобы прервать неловкое молчание, я спросил, не против ли она посмотреть фильм. Ева согласилась. Вначале я предложил «Апокалипсис сегодня», снятый по мотивам романа Джозефа Конрада «Сердце тьмы». Эта книга о деградации человека, который волей обстоятельств оказался свободен от ограничений общества, моральных законов цивилизации, частью

которой он является. Именно в этой ситуации его бессознательные страхи и стремления начинают подниматься на поверхность, и зло, таящееся в его сердце, овладевает им. В отличие от романа Конрада, действие которого происходит в колониальной Африке в конце девятнадцатого века, фильм «Апокалипсис сегодня» рассказывает о Вьетнамской войне. Несмотря на различие времени, места и даже совершенно другого сюжета, его главная тема та же. К тому же фильм потрясающе снят. Мне сразу вспоминается сцена расстрела посёлка вертолётами под музыку «Полет валькирий» Вагнера, когда я думаю об этом фильме.

Оказалось, что Ева смотрела «Апокалипсис сегодня», и наотрез отказалась делать это снова. Мы обсудили варианты, и в итоге я уговорил её посмотреть старый, полный загадок триллер Дэвида Линча «Синий бархат». В нём было всё, что мне надо, чтобы не было скучно: иррациональное зло, прячущееся за фасадом безопасного, практически идиллического провинциального городка, и главный герой, который не уходит в сторону, а пытается расследовать эту тёмную изнанку реальности. Несмотря на то, что этот неведомый ранее мир не только ужасает, но и одновременно притягивает, соблазняя героя своим порочным обаянием тайны, он находит в себе силы противостоять злу.

Уже после того, как фильм начался, я подумал, что зря его предложил. Остатки веселья улетучились, и Ева смотрела за действием, разворачивающимся на экране в напряжён-

ном внимании. Она пододвинулась вплотную ко мне и, как маленький ребенок, держалась за большой палец моей руки. В отдельные моменты, казалось, что она с трудом сдерживалась, чтобы не отвернуться от экрана. Да и я понял, что мне бы хотелось в этот вечер посмотреть что-нибудь полегче, какую-нибудь веселую бездумную комедию или экшн.

Когда фильм закончился, мы ещё некоторое время сидели молча, а потом Ева встала и налила себе ещё вина.

– Прекрасный выбор фильма для свидания с девушкой, – наконец сказала она.

– Да уж, извини, – ответил я.

– Сколько кругом зла.

– Это трудно совместить с идеей существования милосердного Бога, – вдруг высказался я.

– Кто-то сказал, что не может верить, что Бог не милосерден, и это значит, что просто Бог не всемогущ. А ещё можно вспомнить, что в начале нашей эры среди иудейских и ранних христианских сект существовало течение гностицизма, то есть тайного знания. Некоторые из гностиков верили, что Бог, Творец Вселенной, которого они называли Демиург, закончив работу, будто удалился от дел, и миром правит дьявол.

– Каким ты представляешь такой мир?

– В нём не существуют абсолютных истин, а значения слов могут меняться на противоположные. Цели оправдывают средства, а человеческие жизни не более чем расходный

материал для построения очередной Вавилонской башни.

– Мрачный взгляд на вещи. – прокомментировал я.

– Но не единственно возможный. Есть и другое объяснение. Зло существует, потому что существует свобода воли. Отведав запретный плод, люди получили право выбора: творить добро или умножать зло. А тот, кто даже с благими намерениями пытается лишить нас этой свободы, несёт ещё большее зло.

Я почувствовал, что очень устал. Непростой фильм, который мы посмотрели, и этот серьёзный разговор, который сам же и затеял, сейчас мне был вовсе ни к чему.

– Не знаю, будет ли считаться, что я творю добро или умножаю зло, но у меня сейчас план затащить одну девушку в постель.

– Безусловно добро. Давно пора! – засмеялась Ева.

– Как истинный джентльмен, я должен был вначале развлечь девушку: обед, кино, вино.

– Спасибо, конечно. Но предварительная часть сильно затянулась. Публика уже стала задумываться, когда же будет обещанный гвоздь программы.

– Ничего, мы сейчас эту ошибку исправим.

Когда Ева заснула, я ещё долго лежал, смотрел на неё и думал о предстоящем дне. Я слушал её ровное дыхание, которое иногда прерывалось лёгким, еле слышным сопением, как у ребёнка, вглядывался в черты лица, и меня накрывала волна нежности, ощущение незаслуженного счастья и стра-

ха, что я могу это потерять. Потом я провалился в омут сна, в котором не было ни звука, ни света, а только чернота небытия.

Утром я попрощался с Евой, думая о том, что, возможно, вижу её в последний раз, и надеясь, что её жизнь сложится счастливо, если я не вернусь живым из туннеля.

Глава 38

В офисное здание мы явились заранее. После того как уже привычным путём мы попали в туннель, Майкл перевесил замок, заблокировав вход изнутри. Таким образом, люди, которые придут на встречу, не смогут спуститься на помощь Сэму, которого мы собирались перехватить у провала.

Мы спрятались в нише рядом с обрывом, выключив фонарики, чтобы себя не обнаружить, и ждали в непроглядной темноте, как мне казалось, вечность. Я не понимал, сколько времени прошло, но уже хотелось включить свет, выйти из ниши и размять ноги. В какой-то момент почудилось, что это сон, и я вот-вот проснусь рядом с Евой в её квартире. Даже вспомнил, что читал о галлюцинациях у людей, пребывающих долго в полной темноте, в камерах сенсорной депривации, и подумал, что мне этого точно не избежать, если мы задержимся здесь надолго.

Было тихо, но обострившийся в темноте слух улавливал кое-какие звуки. Иногда можно было услышать шорох, возможно возню крысы, и различить звуки падающих капель воды, которые раздавались равномерно, как удары метронома. Если прислушаться, то можно было также уловить слабый белый шум, напоминающий звук работающего вдалеке какого-то механизма. Мне хотелось верить, что крысы не полезут к нам, но я себя настраивал на то, чтобы не заорать и не на-

чать топтать ногами, если так случится.

Вдруг Майкл сжал мне руку, подавая сигнал. Где-то, ещё совсем далеко от нас, раздались шаги идущего человека. Майкл высунул голову из ниши и взгляделся. Ничего не было видно, но вскоре из-за поворота туннеля показался свет фонарика,двигающийся со стороны конференц-центра. Хотя нас было невозможно разглядеть в такой темноте с этого расстояния, Майкл тихонько отступил в глубь ниши. Не дойдя до нас, шаги замерли. Мы подождали ещё немного, но по какой-то причине человек больше не двигался в нашем направлении.

Майкл подал знак, и мы оба выскочили из ниши, направив свет на фигуру, находящуюся в шагах двадцати от нас. Это был Сэм. Он стоял совершенно спокойно и в ответ тоже начал светить в нашу сторону.

– Адам, Майкл, прекрасное место для засады, не правда ли? – сказал Сэм.

Сзади нас вспыхнул свет фонарика, и появился ещё один человек. По-видимому, он прятался в боковом туннеле, на противоположном конце провала. В свободной руке он держал пистолет, который был направлен на нас. Несмотря на плохое освещение я легко его узнал. Это был Ник Тайлор.

– Вот и Ник тоже подумал, что ждать меня вы будет именно здесь. Я не сомневался, что Лилит позвонит тебе. Уж больно зверем смотрит она на меня с тех пор, как я убил вашего кота, – добавил он со смешком.

– Что ты хочешь? – спросил я.

– Как всегда многого. Монету, информацию об архиве Риверы.

– А что взамен? – попытался потянуть время я, давая Майклу шанс подготовиться к действиям.

– Возможно, я дарю вам жизнь, – опять со смешком сказал Сэм.

В этот момент я понял, что из туннеля он меня и Майкла не выпустит. По сути, всё теперь зависело от того, насколько хорошо Ник стреляет. Он подошёл к самому краю провала на противоположной стороне. Мы были перед ним как на ладони.

– Хорошо, я дам тебе монету. Можно сунуть руку в карман?

– Давай, только без резких движений, если не хочешь схлопотать пулю, – ответил за Сэма Ник.

Я медленно сунул руку в карман, нащупал двадцатипятицентовую монету среди мелочи. Затем я поднял высоко руку с зажатой между пальцами монетой.

– Видишь? – сказал я Сэму.

– Это она? – спросил Сэм.

– Лови! – сказал я и бросил монету в сторону Сэма.

Монета упала, зазвенев ударилась о камень в нескольких шагах от Сэма, и в это же время Майкл выхватил пистолет. Но Ник успел выстрелить первым. Мне трудно сказать, сколько выстрелов было сделано, но он ранил Майкла до то-

го, как получил пулю в ответ. Я не знаю, куда попал Майкл, но после первого же его выстрела Ник пошатнулся и камнем полетел вниз в пропасть. Увидев такое развитие событий, Сэм повернулся и побежал обратно, в сторону Моско-не-центра.

Майкл опустился на пол, зажимая рану на левой руке, чуть ниже плеча. Между его пальцев стекала кровь.

– Не теряй времени, догоняй его, – сказал Майкл.

Но я его не послушал и, вытянув ремень из джинсов, быстро перетянул ему руку повыше раны. Майкл сунул мне в руку свой пистолет, и я бросился за Сэмом, свет фонарика которого стремительно удалялся.

Я бежал по влажному, затхлому туннелю за Аэлем, казалось, очень долго. Один раз споткнулся о камень и упал, но тут же поднялся и побежал дальше. Казалось, что всё это происходило во сне. Время от времени свет выхватывал из темноты узкие ответвления туннеля, но Сэм продолжал бежать прямо. Я начал уставать, но с радостью видел, что расстояние между нами постепенно уменьшается, и это добавляло мне сил. Он был, несомненно, крупнее и сильнее меня, но я был ловчее и быстрее.

Белый шум, который был слышен, когда мы прятались в нише, усиливался, и мне казалось, я даже ощущаю лёгкую вибрацию туннеля. Изредка пробивались пронзительные скрипучие звуки, как от трения металла об металл.

Внезапно впереди возник светлый прямоугольник распах-

нутой двери, и свет фонарика Сэма пропал. Это он открыл дверь в стене туннеля и проскользнул внутрь. Я подбежал к этому месту. Здесь шум был совсем явственным. Я медленно прошёл метров тридцать, освещая стену, пока не напнулся на дверь. Рядом с ней находилась груда вещей, в которой было что-то пугающее. Я задержался на мгновение, и осветил её, чтобы понять, что это такое. Гора состояла из детской обуви, как будто здесь заставили разуться сотню, а может, и тысячу детей. Обувь была почти не сношенная, но истлевшая. Я успел подумать, что она пролежала здесь лет пятьдесят или более. Тут иллюзия рассеялась, и перед мной была просто наваленная куча песка вперемежку с камнями.

Я толкнул дверь и оказался в большом полутёмном помещении с низким потолком, похожем на лабиринт. Слышен был громкий гул каких-то работающих машин, возможно, насосов. Время от времени раздавался пронзительный скрип, как будто какой-то механизм с большим усилием поворачивал гигантские ржавые шестерёнки. Везде путь преграждали трубы, между которыми оставались узкие проходы. Возможно, это котельная, но до конца уверенности не было.

Опасаясь нападения, я медленно продвигался по узкому проходу, держа фонарик в одной руке и пистолет в другой, когда заметил, что помещение как будто начало заполняться туманом. Позже, когда рассказал об этом Майклу, мы подумали, что Сэм открыл какой-то вентиль, и выпустил пар из

трубы.

Я продолжал искать Сэма в лабиринте, а помещение всё больше и больше заполнялось паром, становилось трудно различать предметы вокруг. Вдруг послышался громкий звук удара металла о металл. Это Сэм стукнул чем-то по трубе, и я повернул в направлении звука. Но теперь звук раздался с обратной стороны, а потом снова из другого места. Сэм играл со мной в кошки-мышки.

Туман становился настолько густым, что я уже видел только на несколько шагов вперёд. Он стелился и даже тёк по полу, как песок в пустыне во время сильного ветра. Я шёл очень медленно, чтобы не пропустить поворот прохода и не врезаться головой в трубы. До меня дошло, что, возможно, я просто хожу по кругу, теряя ориентацию не только в пространстве, но и во времени. Мне казалось, что прошли даже не часы, а годы, с тех пор как я попал в лабиринт. Пронзительное чувство одиночества охватило меня, словно на десятки, а может, и на сотни километров вокруг не было ни одного человека. За следующим поворотом я неожиданно оказался у входа в небольшую, квадратную комнату, в которой тумана почему-то не было.

Я вышел на середину, чувствуя здесь себя в большей безопасности, и замер прислушиваясь, пытаюсь уловить среди шума шаги Сэма. Но вместо этого я вдруг услышал какофонию тысячи слабых голосов, шепчущих мне что-то на многих языках. Они звучали настойчиво и даже гневно, то ли

требуя что-то, то ли предупреждая меня о чём-то. Затем наступила тишина.

Сэм выскочил из тумана сзади и немного сбоку от меня, ударив огромным гаечным ключом по руке. Пистолет выскользнул и по инерции заскользил по полу под трубы. Я стал отступать, пытаясь держаться подальше от размахивающего гаечным ключом Сэма. На его перекошенном сумасшедшим восторгом лице бродила счастливая улыбка.

– Вот мы и встретились снова с тобой, Адам, – сказал он, продолжая наступать на меня.

Я пятился, а расстояние между нами сокращалось. Сэм оказался перед мной и снова замахнулся гаечным ключом. В этот раз, вместо того чтобы отпрыгнуть, я резко шагнул навстречу, и поднырнув под удар, вцепился в Сэма, войдя в клинч.

Я хотел завалить его, подставив подножку, но мне это не удалось. Попытался ударить головой в подбородок, но на таком расстоянии удар оказался больше похожим на толчок и не произвёл никакого эффекта. Мне нужно было разжать клинч и вырваться, но Сэм держал меня, как в тисках. Он бросил ключ, который мешал ему, и начал просто ломать меня, заставляя упасть на спину.

Моё положение становилось всё более безнадёжным. Сэм был намного сильнее. Тогда я перестал сопротивляться ему, а наоборот, потянул на себя, падая вниз на спину. Упав, мне удалось повернуться на бок, и навалиться на Сэма. Но я не

смог оказаться наверху. Он отвёл мои руки, и, несмотря на всё моё сопротивление, прижал меня спиной к полу, вскарабкался сверху и начал планомерно, с наслаждением избивать. Я пытался прикрыться руками, но мне приходилось несладко. Затем Сэм потянулся руками к моему горлу. Я сопротивлялся с отчаянием смертника, но он всё же смог обхватить шею ладонями и стал душить. В глазах потемнело, на меня накатила волна безразличия, и я понял, что умираю. Вдруг монета на моей груди стала обжигающе горячей, и энергия мощным потоком потекла в моё ослабевшее, отказывающееся подчиняться тело и угасающее сознание. Под действием этого прилива сил меня охватили животный ужас и жажда жизни. Отчаянно дёрнувшись всем телом, я скинул Сэма с себя и заставил его разжать руки. На его лице отразилось замешательство, и даже испуг, но он вцепился в меня снова. Наверное мне оставалось сопротивляться недолго, но вдруг какая-то фигура выскочила из тумана, и Сэм упал, получив удар ногой в голову. Это был Майкл. Сэм смог подняться и, взглянув на нас, скрылся в лабиринте. Майкл, обессиленный сполз вниз на пол рядом со мной. Выглядел он очень плохо. Я сам с трудом поднялся.

– Пойду подберу пистолет, – сказал я.

Майкл кивнул.

– Надо уходить. Скорее всего, он побежал за помощью.

Я помог Майклу встать. Он был очень слаб, поэтому ему пришлось обнять меня за плечи здоровой рукой, чтобы удержаться.

жаться на ногах. Мы так и пошли обратно. Дорога на этот раз показалась очень долгой. Особенно трудно было пройти вдоль провала. Были мгновения, когда казалось, что Майкл не выдержит и свалится вниз, утягивая меня за собой в пропасть. Но всё обошлось.

Открыв замок, мы через кладовку снова попали в здание. К счастью, секретарша увлечённо болтала по телефону и не обратила на нас внимание. Я шёл так, чтобы прикрывать залитого кровью Майкла, но будь она чуть повнимательнее, вызова полиции нам было бы не миновать, а ещё хуже, если бы на шум вышли люди Сэма, которые, возможно, находились в заказанном офисе.

– Отвези меня в госпиталь в Окленд, – сказал Майкл, когда мы сели в машину.

– Почему туда?

– Отчёт о пациенте с пулевыми ранениями пойдет в их полицию, а не в Сан-Франциско. И проще сказать, что подстрелили в Окленде, тем более сейчас, когда идут волнения.

Нам повезло, что до часа пик было далеко, поэтому больших пробок на мосту не было. Некоторое время мы ехали молча, а потом я спросил:

– Ты пришёл очень вовремя. Как ты меня нашёл?

Майкл долго не отвечал, я даже подумал, что он потерял сознание, но взглянув в зеркало, убедился, что это не так. Наконец он заговорил.

– От потери крови я ослабел и отключился. Потом почув-

ствовал, что кто-то погладил меня по голове. Открыв глаза, я увидел перед собой лицо старика. Он ласково мне улыбнулся и поманил за собой. Я встал и пошёл за ним. Вокруг, насколько видно было глазу, расстилалась пустыня. Огромное солнце уже приближалось к линии горизонта, и под его лучами песок окрашивался в розоватые тона. Там, где барханы бросали свои тени, он уже был тёмного цвета. Я ожидал, что как только солнце закатится, станет не только темно, но и холодно. Всё моё тело болело, совсем не было сил, и хотелось просто лечь на песок и умереть. Я убеждал себя, что этот поход скоро закончится, но в глубине души знал, что идти мы будем сорок лет, и не все путники, устало бредущие вереницей за стариком, дойдут до Земли обетованной. Но те, кто после долгих лет странствий пересекут реку Иордан, принесут с собой скрижали с десятью заповедями, данные Богом Моисею на горе Синай. Я сказал себе, что должен продолжать двигаться дальше ради будущих поколений, ради Джэки. Вспомнив о дочери, я обмер: «Как же я мог забыть о ней на всё это время?» – тут же обернулся и попытался взглядом найти Джэки среди людей позади себя, и в этот момент очнулся. В стене туннеля прямо перед собою я увидел дверь. Толкнув её, я вошел во влажный туман, наполненный шумом работающих механизмов и металлическим скрипом. Голова кружилась, боль шла по всей левой руке и очень хотелось опуститься вниз и лечь на пол. Я не знал, куда идти, но продолжил движение в лабиринте труб по какому-то на-

итию, как сомнамбула, будто какая-то сила направляла меня в нужную сторону. Совсем пришёл в себя, когда увидел тебя с Сэмом.

От рассказа Майкла у меня мурашки пробежали по коже, но я просто сказал:

– Главное, что ты успел, брат. Спасибо тебе.

Когда бледный, залитый кровью Майкл доковылял с моей поддержкой до отделения скорой помощи в больнице, его тут же уложили на каталку и увезли. Я прождал много часов, когда, наконец, вышел хирург, и сказал мне, что операция прошла успешно. Он показал две пули, которые вытащил из руки Майкла, и сказал, что угрозы для жизни нет.

На следующий день поднялся страшный шум. Новости об исчезновении мэра Сан-Франциско прямо в перерыве конференции муссировались по всей стране, и даже были упомянуты информационными ресурсами в других странах мира. Долгое расследование, к которому подключилось ФБР, и множество теорий в прессе оказались безрезультатными. Я очень боялся, что выйдут на нас, но ни меня, ни Майкла по этому поводу не допрашивали, хотя, конечно, репорт по поводу его ранения был составлен полицией Окленда.

Глава 39

Анна позвонила Майклу через неделю после исчезновения Сэма и сказала, что хочет с ним встретиться. Он объяснил ей, что находится в больнице, и попросил вместо этого увидеться с его другом, то есть со мной.

Мы выбрали местом встречи кафе в North Beach. Я пришел чуть раньше и заказал себе кофе. В зале негромко играла приятная музыка. Я прислушался. Это был джаз на итальянском языке. Потом заметил, что девушки-официантки, по виду сёстры, говорили между собой по-итальянски. Когда же вдобавок вышел низенький лысоватый кондитер, по виду их папа, я понял, что это правильное место для итальянских пирожных, и взял к кофе ещё и канноли.

Анна опоздала минут на тридцать. Она вошла в кафе, когда я уже допил кофе и решил, что женщина передумала и не придёт на встречу. Еще раз обратил внимание на то, как Анна элегантно одевалась. У неё было приятное, доброе лицо, а со вкусом подобранная одежда подчёркивала женственность фигуры, хотя она и не выглядела моложе своего возраста. Неудивительно, что Энди находил её привлекательной. Но всё же его смерть наложила свой отпечаток: лицо её было бледным, а глаза припухшими от слёз. Я поспешил встать и предложил купить что-нибудь для неё. Анна попросила только кофе с молоком.

– Я должна перед вами и Майклом извиниться.

Я ничего не ответил, только вопросительно взглянул на неё.

– Я не была с вами откровенна. Вы должны понять, мне было очень страшно. Сначала странная смерть Кевина, потом пропадает Энди. Тем более я подозревала, что Кевин делился с Энди какой-то важной информацией.

– Мы с Майклом о чём-то таком догадывались. Я вас не осуждаю, просто расскажите, что вы знаете.

– Я видела Энди последний раз, когда начались выступления в Окленде. Он сказал, что ему надо туда поехать встретиться с кем-то. У меня сразу возникло плохое предчувствие, но я даже не пыталась его отговорить. Это же его работа.

– Он называл имя человека, с которым встречался?

– Нет. Но он попросил отдать одну вещь, которую не успел передать Майклу. Я должна была отдать это, если с Энди что-то случится, но испугалась и не стала Майклу звонить, и даже ничего ему не сказала при встрече, когда вы пришли в магазин.

Я не был уверен на сто процентов, но догадался сразу. Хотелось верить, что я не тешу себя ложными надеждами и правильно угадал, о чём говорит Анна.

– Что Энди дал вам?

Анна открыла сумочку и достала из неё USB-флэшку. Когда я увидел её, то уже не сомневался, что материалы Энди,

которые мы так упорно искали, наконец попали в наши руки.

В следующий раз увидел Анну буквально через несколько дней, на похоронах Энди. Анна была одета в тёмное платье. Рядом с ней стояла её кузина, вдова Кевина. Майкл был слишком слаб, чтобы пойти, поэтому я пришёл вдвоём с Евой.

Собралось много народу: бывшие коллеги Энди по работе в газете, байкеры с которыми он катался на своем Harley, среди которых я увидел Дэна, многочисленные друзья и знакомые. В какой-то момент панихиды Анна не выдержала, плечи её затряслись, и, обняв кузину, она беззвучно расплакалась.

Архив, который передала нам Анна, превзошёл все наши ожидания. В нём были материалы, подтверждающие связи Сэма с «Антифой», доказательства, что многие пожертвования в его предвыборную кампанию были сделаны с нарушениями законов о выборах. Однако мы не нашли документов, указывающих на то, что он готовил покушение на губернатора. В этом мы ошиблись. Вместо этого на флэшке оказался потрясающий подбор компромата на руководство штата, свидетельствующий о тотальной коррупции, и подробный план шантажа губернатора с целью вынудить его уйти в отставку.

Но больше всего меня поразило видео, которое, по-видимому, записал сам Сэм, находясь под воздействием наркотиков. Оно было снято почти в темноте так, что на его ли-

це нельзя было разглядеть ни носа, ни глаз, – только один открывающийся и закрывающийся во время речи рот. Сэм рассказывал о своей грядущей власти над миром.

Обсудив с Майклом, я анонимно послал копию файлов в полицию, ФБР и ведущие средства массовой информации. Мы ждали долго, но не увидели никакой реакции на документы, посланные мной. Правда, начали ходить слухи о том, что мэр был замешан в каких-то серьёзных делах и его исчезновение – это нераскрытое убийство.

Наконец, одно из менее престижных изданий опубликовало статью на своём сайте. Она была удалена на следующий день, и издание извинилось за распространение непроверенных, фейковых данных. Вслед за этим редактор издания был уволен. Очевидно, потенциальный скандал замазывали по команде с очень высокого уровня.

Но кто-то успел сделать скриншоты сайта в тот момент, когда статья ещё была на нём. Посты с ними целенаправленно удалялись с социальных медиа, но всегда оставался небольшой зазор по времени между тем, когда их выставили и когда удалили. К тому же, несколько изданий, имеющих сомнительную репутацию, рискнули статью перепечатать. В результате скандал если и не разгорелся, то подспудно продолжал тлеть.

Губернатор ушёл в отставку по официальной версии по состоянию здоровья. Кэти Торрози вскоре удалилась с политической арены тоже. Злые языки поговаривали, что её уход

был связан с невероятными слухами об исчезновении бывшего мэра, но ничего конкретного никто сказать не мог.

Глава 40

«Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам»

Уильям Шекспир «Гамлет»

Полгода спустя мы с Евой сидели в гостиной нашей новой квартиры в Сан-Франциско. Ева теперь больше уделяла времени исследованиям, написанию статей и стала меньше преподавать. На лекциях ей надо было быть только два раза в неделю. Поэтому я смог уговорить её уехать из Пало-Алто.

Мы сняли небольшую квартиру в четырёх кварталах от парка «Златые врата». В ней был паркетный пол и много окон. Правда, спальня имелась только одна, но нас это устраивало. Квартира располагалась на верхнем этаже, и из окон открывался красивый вид.

Утро, о котором я рассказываю, было туманным, но я мог разглядеть сквозь белую дымку соседние здания, идущие по дороге машины со включенными фарами и тёмную линию деревьев за дорогой.

Сэм так и не объявился, и трупа его не нашли тоже. Шум, вызванный его исчезновением, потихоньку затих. Я много раз думал о том, что же всё-таки с ним случилось. Наверно, он сорвался в пропасть в подземелье, но кто может знать, что произошло в действительности? Обсуждая это с Евой, я упомянул, что изучал математику до того, как перешёл на

более практичные финансы, и история с Сэмом напомнила мне теорему Курта Гёделя о неполноте.

– Как это связано? – спросила Ева.

– Это теорема накладывает ограничения на познаваемость мира методами чистой логики. Простыми словами, она доказывает, что любые логические построения в математике или неполны, или противоречивы. Неполны – это значит всегда есть утверждения, которые невозможно доказать, что они истинны или ложны. Ну а если противоречивы, тут и говорить не о чем. Это значит, что существуют утверждения, для которых мы можем привести одни доказательства, что они верны, а затем другие, что они ложны.

– Ты меня запутал, даже голова начинает болеть. Ты не забывай, я гуманитарий.

– Ну вообрази, я предоставляю доказательства, что вещь больше тебя, а потом, что ты вешишь больше меня. Это противоречие.

– Это не противоречие, это просто наглая ложь, – сказала Ева, пытаясь изобразить на лице негодование.

– Смысл в том, что есть в жизни загадки, на которые логика никогда не даст ответа.

– Для того, чтобы прийти к такому выводу, не обязательно было учить математику.

– Сдаюсь, – улыбнулся я.

– Ну ладно, пойду приведу себя в порядок, почищу пёрышки. Скоро идти на ланч с Майклом и Лин.

После ранения Майкл провалялся в больнице несколько недель, а потом дома больше месяца. Мы с Евой частенько навещали его, приносили еду, возили в больницу на перевязки. Во время болезни Майкл пришёл к выводу, что единственный шанс расплатиться с долгами – получить более стабильную работу. Всё равно он уже больше не хотел быть частным детективом. После выздоровления Майкл устроился в охранную фирму. В свободное время стал встречаться с Лин – медсестрой, которая ухаживала за ним в больнице. У неё тоже была дочка от первого брака, примерно возраста Джэки. По началу Джэки страшно ревновала её к отцу, а потом девочки неожиданно подружились.

Лилит переехала в Лос-Анджелес сразу после событий. Как у неё там складывалось, я не был в курсе, но месяц спустя она мне написала по электронной почте. Письмо было короткое. Лилит сообщала, что ей очень нравится климат, что она много ходит на пляж и купается. В конце упомянула, что устроилась на работу в ресторан в Санта-Монике и встречается с его владельцем, который сделал ей предложение. Я искренне ответил, что очень рад за неё.

Пока Ева, по её выражению, «чистила пёрышки», я решил просмотреть неоткрытую почту, которая стопкой лежала на моём письменном столе. Ева всегда забирала её сама, но привилегию разобрать предоставляла мне. «В конце концов ты финансист, вот и разбирайся с оплатой счетов сам», – оправдывалась она.

Я перебирал почту, откладывая письма со счетами в одну сторону, а рекламу – в другую, пока не заметил конверт с обратным адресом «Монастырь Христос в пустыне». Я сразу открыл его и начал читать: «Дорогой Адам, я долго собирался написать тебе письмо, мне это далось нелегко. Прошло столько лет, а те события ещё свежи в моей памяти, как будто всё случилось вчера. Я много думаю, пытаюсь понять то, что произошло, но смысл ускользает от меня. Стыд того, кем я был и что я сделал, всё ещё наполняет моё сердце болью. Но, знай, я никогда не желал тебе зла».

Я продолжил читать и постепенно слова и буквы пропали, а перед моими глазами встали картины из прошлого, описанные Диего.

Диего и Сэм шли извилистыми тропинками в парке «Златые врата». День был туманным, в парке казалось необычайно тихо и темно для этого времени дня. На узкой тропинке Диего приходилось всё время оборачиваться, чтобы ответить Сэму, когда тот к нему обращался.

– Далеко ещё осталось?

– Нет, поляна должна быть уже скоро.

– Ты своими глазами видел эту монету?

– Да, точно.

– Так кто же всё-таки тебе её показал.

– Я ж говорил. Какой-то левый пацан не с нашего района.

Хвастался, что бомж ему дал.

– Точно думаешь, что у него есть ещё такие?

– Если он их раздаст, должна быть не одна.

Тропинка сделала поворот, и показалась поляна. На ней стояла беседка, в ней находилась скамейка, на которой за столом сидел полноватый, неряшливо одетый пожилой мужчина. Увидев прохожих, он радостно привстал, но потом как-то сник, как будто почувствовав что-то. Сделав усилие над собой, с напряжением в голосе мужчина сказал:

– Здравствуйте, незнакомцы. Желаете отведать моего угощения? Присаживаетесь к столу.

Сэм подтолкнул Диего в спину, и Диего вылетел прямо перед стариком. Вся уверенность у парня вдруг пропала.

– Э-э, мы здесь за другим. Мы пришли за монетами.

– Какими монетами?

– Старинными серебрянными монетами. Мы знаем, они у тебя есть.

– У меня нет того, что вы ищете.

Сэм отодвинул Диего и медленно приблизился к старику. Не произнося ни слова, он с силой ударил ладонью по его лицу. Старик побледнел и сделал шаг назад. На его щеке алел след от удара.

– Слушай, старая вонючка. Рано или поздно я всегда добиваюсь того, чего хочу. Чем раньше ты в это поверишь, тем легче отделаешься.

Старик прямо взглянул Сэму в глаза и устало ответил.

– Я знал, что мы встретимся снова с тобой Самаэль.

Диего и Сэм оглянулись с большим удивлением друг на

друга.

– Откуда ты знаешь моё имя?

– Тебя не трудно узнать, мы встречались тысячи раз.

– Ты просто сумасшедший старик, но мне наплевать на твои бредни.

Сэм сделал шаг и схватил мужчину за рукав куртки. Старик резко дёрнул рукой, пытаясь вырваться, и освободился, оставив Сэма с заплаткой в руке. Диего со страхом наблюдал за ними обоими и вдруг непроизвольно начал молиться на испанском. Старик повернулся к Диего:

– Ты можешь быть спасен. Оставь чудовище и найди свой путь.

– Чудовище говоришь? – с ненавистью сказал Сэм. – Весь этот мир, все вы сделали меня таким, какой я есть.

– Неправда, – опять с усталостью в голосе ответил старик, – у человека всегда есть выбор. Просто сейчас повернись, и уйди.

– Я сделал свой выбор, – сказал Сэм.

Он схватил кувшин со стола, сделал шаг к старику и со всей силы ударил его по голове. Кувшин разбился, обрызгав соком красного винограда обоих. Человек упал навзничь. Диего стал на колени и проверил его пульс.

– Ты убил его, – дрожащим голосом сказал он.

Сэм несколько раз пнул распростёртое на земле тело. Старик не пошевелился.

– Похоже старый вонючка действительно сдох. Проверь

его карманы.

Диего сидел как в трансе и не реагировал. Сэм заорал:

– Проверь его карманы, я сказал.

Диего начал лихорадочно выворачивать карманы. Но кроме какого-то мусора в них ничего не было.

Сэм схватил сумку старика, открыл её и перевернул вверх дном. Содержимое вывалилось на стол. Там был свитер, зонт, бутылка воды и толстая книга на непонятном языке. Монет не было.

Сэм размышлял недолго.

– Пошли стацим лопату в школьной подсобке. Его надо закопать.

Они быстро пошли, почти побежали. Всю дорогу оба молчали. Украсть лопату и вернуться обратно не заняло много времени.

Когда подростки вышли на поляну, всё было так, как они оставили: перевернутая скамейка, разбитый кувшин, вырванная с мясом заплатка на земле. Только тела старика не было. Может, он не был мертв и смог отползти куда-то, подумалось им. Обойдя всё вокруг, они убедились, что тело исчезло. Старик как будто испарился. Сэм забросил в кусты ворованную лопату, и они разошлись.

«Моя судьба сложилась непросто, и дорога была долгой, но я нашёл свой путь. Надеюсь Адам, ты нашел свой». Я дочитал письмо Диего и очнулся. Потом задумался и перечитал ещё раз последние строки.

В комнату вошла Ева. Она была в джинсовой юбке чуть выше колена и в тёмно-синем свитере. На её плечи был накинута тонкий шарф красного цвета.

– Извини, что завозилась. Ты так озадачил своими разговорами о весе, что я решила найти старую любимую юбку. Даже не думала, что она у меня ещё сохранилась. Тебе, конечно, не понять этих маленьких женских радостей, но я в неё влезла!

– Поздравляю!

– Зря смеешься. Ей, между прочим, лет двадцать. Купила я её как раз здесь в Сан-Франциско.

– Ты разве была в Сан-Франциско до этого?

– Да, ещё школьницей, совсем недолго. Родители взяли меня с собой, когда поехали в отпуск. Почему ты так на меня странно смотришь, не нравится мой наряд?

– Что ты. Мне очень, очень нравится.

За окном рассеялся туман и выглянуло солнце. Ева стояла напротив окна, озарённая светом, и мне вдруг показалось, что я ощущаю весь этот мир, вижу невидимые нити, протянутые между людьми, вещами, прошлым и будущим. И тогда я вспомнил слова: «Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было», – и подумал, а может, правда, время условно?

Эпилог

Хотя уже прошло года четыре после описываемых событий, я часто просыпаюсь среди ночи в тревоге. Внутренним взором охватываю земной шар, вижу сгущающиеся над ним чёрные тучи, и пытаюсь понять, не означает ли это, что дьявол снова вернулся в наш мир в том или ином облиции.

Чтобы успокоиться, я вначале бросаю взгляд на спящую Еву, прислушиваюсь к её легкому дыханию, а потом иду в соседнюю комнату, где спит наша дочка. Обычно она лежит, широко раскинувшись на кровати, с перекрученным одеялом, откинутым в ноги. Я легонько, чтобы не разбудить, глажу её по щеке, люблюсь милым личиком, пухленькими ручками и ножками в пижаме с динозавриками и думаю о том, какой будет жизнь, когда она вырастет. Мне хочется верить, что, когда мы отыграем свои роли в этой пьесе и сойдём со сцены навсегда, она унаследует мир, в котором зла будет меньше. Перед тем как пойти спать, я сжимаю в ладони древнюю монету, чтобы ощутить тепло, идущее от неё, и, как мантру, повторяю фразу, приписываемую Уинстону Черчиллю: *Success is never final. Failure is never fatal. It's courage that counts.*¹¹.

---

¹¹ Победа никогда не бывает окончательной. Поражение – фатальным. Только мужество имеет значение.

Иллюстрации

Созданы автором при помощи программы искусственного интеллекта Stable Diffusion.

Ева в райском саду. Стиль Рафаэля Санти.

Монастырь Христос в пустыне. Стилль Ель Греко.

Демоны. Стиль Иеронима Босха.

Мост «Златые врата». Стиль Питера Брейгеля.